



С.А. Пьянков

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
в конце XIX — начале XX века

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

С.А. Пьянков

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
в конце XIX — начале XX века**

Екатеринбург
2014

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2)53-2-282.2+60.7г(283.6)
П968

Научный редактор:
доктор исторических наук *Г.Е. Корнилов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *М.И. Роднов*
кандидат исторических наук *Е.Ю. Баранов*
кандидат исторических наук *В.П. Микитюк*


Пьянков С.А.
П968 Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века: монография / С.А. Пьянков. – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2014. – 216 с.: ил.

ISBN 978-5-7691-2397-9

Рассмотрены социально-экономические характеристики и демографическое поведение сельского населения Среднего Урала в конце XIX – начале XX в. В центре внимания исследования находятся проблемы развития крестьянского хозяйства, организация сельскохозяйственного труда, формы землепользования. Проанализированы факторы, определившие эволюцию аграрной экономики. Определены степень товарности крестьянского хозяйства и его адаптационные возможности к условиям развивавшейся рыночной экономики.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, всем интересующимся аграрной историей Урала.

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2)53-2-282.2+60.7г(283.6)

 ISBN 978-5-7691-2397-9

©Пьянков С.А., 2014
©Институт истории и
археологии УрО РАН, 2014
©РИО УрО РАН, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Период конца XIX – начала XX в. являлся одним из важнейших этапов в ходе длительной переходной эпохи от аграрного общества к индустриальному. При всех впечатляющих темпах промышленного развития Россия рубежа веков оставалась страной преимущественно аграрной, крестьянство составляло абсолютное большинство населения и по-прежнему определяло направление и темпы трансформации всего общества. Поэтому изучение аграрной истории Российской империи, где отчетливо проступил весь комплекс проблем стран «догоняющего» развития, «второго эшелона» капитализма, остается актуальным и востребованным в науке и обществе.

Модернизационные преобразования России в аграрной сфере включали мероприятия, направленные на изменение самой модели общественного развития. Возникший на их пути комплекс препятствий получил наименование «аграрный вопрос». В отечественной историографии выражено мнение, что он формируется именно в Новое время и связан с неспособностью основной массы сельского населения перестроить свое сознание и экономическое поведение в соответствии с быстрыми изменениями, вызванными распространением конкурентных рыночных отношений на сферу сельскохозяйственного производства. В этом отношении аграрный вопрос выступает как новая социально-психологическая реальность, складывающаяся в условиях модернизации¹.

Кроме того, из-за масштабов страны, многоукладной, «разноразмерной» экономики и социальной структуры населения, полиэтнического и поликонфессионального состава жителей особое значение приобретают исследования истории аграрного развития разных частей России, региональных моделей сельскохозяйственного производства. Одной из таких специфических территорий являлся Средний Урал, обычно воспринимаемый только как центр мощной индустрии, металлургии и горнорудного

дела. Однако Пермская губерния, охватывавшая все пространство Среднего Урала, одновременно являлась и значительным аграрным регионом, а ее южные и юго-восточные уезды входили в число основных зернопроизводящих районов края.

В аграрном развитии Урала конца XIX – начала XX в. четко прослеживается начальная фаза первого этапа аграрного перехода, охватившего весь XX век. В первой фазе аграрного перехода постепенно утверждалась частная собственность на землю, внедрялись в практику интенсивные системы земледелия и усовершенствованная техника. Демографические процессы села характеризовались изменением типа воспроизводства и ломкой патриархальной крестьянской семьи. Культурная трансформация сопровождалась преодолением консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, распространением грамотности и повышением образовательного уровня².

В предлагаемой работе представлено исследование аграрной экономики Пермской губернии конца XIX – начала XX в. Аграрная экономика понимается нами как система социально-экономических отношений, связанных с использованием ограниченных ресурсов в производстве продуктов питания, растительного и животного сырья, реализацией и потреблением продовольствия. Основным актором аграрной экономики Пермской губернии изучаемого периода было крестьянское parcelлярное хозяйство, рассматриваемое нами в совокупности демографических и социально-экономических характеристик. Участие крестьянского населения в сферах деятельности, непосредственно не связанных с аграрной экономикой, мы не исследовали.

Историографию истории аграрного строя России конца XIX – начала XX в. можно разделить на три периода: досоветский – до октября 1917 г.; советский – с 1917 до начала 1990-х гг.; современный – с начала 1990-х гг. до настоящего времени. Уже современники, от экономистов до журналистов и политических деятелей, обращали самое пристальное внимание на судьбы российской деревни. Среди разных научных и идейно-политических течений ведущие позиции занимала пронародническая литература, в которой ситуация в России сравнивалась с завершившимися модернизационными процессами в странах Западной Европы и Северной Америки, показывалось особое место нашей страны в исторических судьбах крестьянства.

Для поистине огромного историографического наследия той эпохи характерно комплексное изучение социально-экономической составляющей крестьянского хозяйства на основе анализа конкретного фактического материала, но при доминировании народнической идеологии с ее стремлением к сохранению общины и основ традиционной экономики. В трудах Н.Ф. Даниельсона, В.П. Воронцова, А.И. Чупрова, А.Ф. Фортунатова, П.А. Вихляева, Н.П. Огановского и многих других показаны механизмы функционирования крестьянского хозяйства, процессы изменения социальной структуры общества, воздействие рыночных, капиталистических отношений на традиционный уклад жизни русского крестьянства. Большинство исследователей этого направления считали развитие капитализма в стране явлением аномальным, противоречащим хозяйственной жизни и крестьянскому мировоззрению³. Творчество народнических исследователей активно изучается в современной историографии⁴.

Продолжением и развитием народнической историографии стало появление в начале XX в. так называемого организационно-производственного направления, внутри которого рассматривались некапиталистическая природа традиционного (трудового) крестьянского хозяйства, значение семьи как основной производственной ячейки, роль многоукладности и демографической дифференциации⁵.

В то же время на рубеже XIX–XX вв. в России успешно проводились исследования не только народнического направления, существовало значительное разнообразие и переплетение идейно-теоретических воззрений, многие авторы открыто высказывались за перестройку аграрной сферы на рыночных основаниях, негативно оценивали живучесть крестьянской общины, доказывали неизбежность западноевропейского пути развития, показывали влияние урбанизации и освоения окраин на аграрное развитие⁶. Основой всех многочисленных работ о судьбах русского крестьянства были в первую очередь достижения земской статистики, сотни различных обследований, тома опубликованных материалов о положении крестьянства создали бесценную источниковую базу для изучения аграрных отношений⁷.

Особенно активизировались исследования с началом проведения аграрных преобразований, связанных с именем П.А. Столыпина. При подготовке и проведении в жизнь аграрного законодательства 1906–1911 гг. разворачивался и его анализ с раз-

ных точек зрения, была высказана палитра мнений – от восторженных до негативных. Руководители властных структур и сторонники землеустроительных мероприятий отмечали успехи реформы, утверждали, что она отражает потребности развивающейся страны в целом и крестьянского хозяйства в частности⁸. Хотя ряд экономистов (М.И. Туган-Барановский, И.Х. Озеров⁹), указывая на положительное воздействие землеустроительного процесса для крестьянства, отмечали неэффективность механического применения достижений западноевропейского опыта в российских условиях.

Особенностью дореволюционной российской историографии по аграрно-крестьянской проблематике являлась ее чрезвычайная политизированность (отсюда обилие публицистических, научно-пропагандистских сочинений), отражавшая значение земельного вопроса, находившегося в центре социально-экономических противоречий, сотрясавших Российскую империю. В работах авторов правомонархических взглядов (А.Г. Щербатова, А.А. Салтыкова и др.) подчеркивается негативное отношение к процессу столыпинского землеустройства, разрушавшего общину – опору русского традиционализма¹⁰. Острую политизированность проблемы иллюстрирует один из монархистов, вопрошавших: «Куда денет г. Столыпин эту страшную армию все растущего пролетариата? Какой работой ее обеспечит и где даст приют?»; другие видели «спасение в личной собственности»¹¹.

Политические потрясения сопровождались «войнами брошюр» между партиями. Только московское кадетское издательство «Народное право» за 1905–1907 гг. выпустило на потребу интеллигентного читателя и «для народа» 54 брошюры и книги общим тиражом 1 млн 760 тыс. экземпляров¹². Много изданий по аграрному вопросу публиковалось кадетами и октябристами¹³. Для этих работ характерны острая полемичность, бездоказательность, жесткая критика оппонентов; материал упрощался ради восприятия малограмотным крестьянством. Подобные публикации не предназначались для научной дискуссии, поэтому их использование требует весьма осторожного и критического отношения, даже сочинений, вышедших из-под пера ученых, вовлеченных в политическую борьбу.

Заметный вклад в изучение аграрного строя России внесли представители так называемого легального марксизма¹⁴, а также ряд других исследователей марксистской ориентации

(П.П. Маслов и В.И. Ленин)¹⁵, для которых были бесспорными развитие капитализма в России и дифференциация в деревне, образование крестьянской буржуазии и пауперизация масс. Ленин перенес акцент на «высшие» слои крестьянства, анализа которых пронародническая литература избегала, показав, что сравнительно немногочисленным сельским предпринимателям принадлежала основная часть экономического потенциала (посевов, скота, машин, пашни и пр.). В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) он выдвигает концепцию двух возможных путей дальнейшей эволюции – прусского и американского¹⁶; первый более медленный, основанный на развитии помещичьего хозяйства, второй связан с формированием новых хозяйств фермерского типа. Дальнейшие публикации В.И. Ленина были связаны с разработкой стратегии и тактики большевистского крыла РСДРП в политической борьбе.

Таким образом, дореволюционная историография оставила поистине огромное наследие в виде как многочисленных земских статистических изданий, так и обширной литературы – от научных монографий до публицистических брошюр. Несмотря на политические пристрастия, исследователи сумели показать внутренний строй крестьянского хозяйства, начавшийся переход от натуральной к рыночной экономике, социально-экономическое развитие в региональном аспекте, значение государственных мероприятий по модернизации российской деревни.

Советский период историографии внутренне неоднороден и делится на ряд субпериодов, связанных с изменениями в политической истории страны, теоретико-методологическим осмыслением проблемы, состоянием источниковой базы и спектром изучаемых вопросов. Общей особенностью являлось господство марксистско-ленинской методологии. Центральное место в исследованиях советских историков занимала проблема выявления классовой природы социально-экономических отношений в аграрной сфере.

В 1920-е гг. еще продолжали научную деятельность многие историки-аграрники и экономисты дореволюционных школ (пронароднических, рыночно ориентированных или не большевистских), на примере катастрофического упадка сельского хозяйства в первые годы советской власти подтверждавшие некапиталистический характер семейно-потребительского крестьянского хозяйства («организационно-производственное направле-

ние») или необходимость возврата к рыночной экономике¹⁷. Но к концу десятилетия эти исследователи либо были репрессированы, либо прекратили научные изыскания.

Полностью возобладала (по политическим мотивам) точка зрения историков-марксистов о капиталистическом характере крестьянского хозяйства, основой историографического осмысления положения дореволюционного крестьянства стали труды В.И. Ленина. Абсолютное большинство публикаций носило, за единичными исключениями¹⁸, партийно-пропагандистский характер¹⁹, особенно в связи с начавшейся коллективизацией и разоблачением «неонародничества» и «сухановщины»²⁰. Количество серьезных научных исследований в 1930 – начале 1950-х гг. было невелико²¹.

Новый этап советской историографии наступил со второй половины 1950-х гг., когда активизировались исследования по социально-экономическому развитию российской деревни, в ходе которых между историками наметились расхождения о степени развитости капиталистических отношений в аграрном строе страны. В ходе разгоревшейся дискуссии А.М. Анфимов утверждал, что в российской деревне «господствующими оставались полукрепостнические производственные отношения»²². Цикл работ А.М. Анфимова и его сторонников²³ послужил основой для теоретических построений последователей так называемого «нового направления» (К.Н. Тарновского, М.Я. Гефтера, П.В. Волобуева и др.), отстаивавших особый характер российского капитализма, господство в аграрном строе феодально-крепостнических отношений, многоукладность экономики, которая воспринималось не как пережиток внутри капиталистического хозяйства, а как единое целое; «многоукладность – это вся экономика, в конечном счете весь общественный строй России»²⁴.

Противоположную точку зрения отстаивала другая группа историков. Они утверждали, что капитализм в аграрной сфере победил, а следовательно, в российской деревне были сформированы социально-экономические условия для победы большевиков и проведения социалистических преобразований (С.М. Дубровский, П.Г. Рындзюнский и др.)²⁵. В целом с ними был солидарен И.Д. Ковальченко, показывавший в своих трудах генезис капитализма в России²⁶. Он полагал, что не следует недооценивать капиталистическую составляющую в аграрном секторе экономики страны, речь должна идти не о конгломерате различных

укладов как устойчивом состоянии в целом, а лишь о сочетании разных стадий аграрно-капиталистического развития²⁷.

Несмотря на остроту дискуссий, закончившихся поражением «нового направления» в 1973 г., именно в 1970-х–1980-х гг. в изучении истории российского крестьянства и аграрного строя в целом были достигнуты значительные успехи. В работах И.Д. Ковальченко и его школы широко применялись математические методы²⁸, цикл монографий выпускает А.М. Анфимов²⁹.

В этот период вышли в свет фундаментальные монографические исследования П.Г. Рындзюнского, А.С. Нифонтова, Н.М. Дружинина, Т.М. Китаниной, А.П. Корелина³⁰, осветившие разные аспекты социально-экономического развития российской деревни. В эти же десятилетия активизировались региональные исследования по аграрной истории, в результате которых впервые было показано положение крестьянства во многих частях России³¹.

Характеризуя советский период историографии в целом, необходимо отметить чрезвычайную политизированность и приверженность моноидеологическим установкам, что, несомненно, отразилось на оценке изучаемых процессов. Однако данные недостатки не умаляют значения этих исследований. Советскими историками была создана колоссальная фактологическая база, дана обобщающая характеристика процессов аграрного развития, которая имеет безусловную ценность при любых теоретико-методологических подходах.

Современный этап историографии начался с бурных дискуссий рубежа 1980–1990-х гг., продолжавших прежние теоретические споры внутри марксистской парадигмы³². Но общее направление развития отечественного крестьяноведения задавалось уже под воздействием передовых теоретических подходов мировой науки, а также через возвращение к достижениям дореволюционной российской историографии. Возрос интерес к судьбам крестьянской общины³³, концептуальному осмыслению семейного хозяйства как антропологической категории³⁴, ментальности³⁵, роли природно-климатических факторов³⁶, активно обсуждались теоретические достижения зарубежного крестьяноведения (семинар «Современные концепции аграрного развития» под руководством В.П. Данилова)³⁷. Большое значение имеют регулярно проводимые симпозиумы и конференции региональных объединений историков-аграрников³⁸.

Новый взгляд на проблему социальных конфликтов в русской деревне начала XX в. был предложен В.П. Даниловым и Т. Шаниным³⁹. В интерпретации авторов речь идет не просто о крестьянском движении как постоянном факторе общественно-политической жизни России в пореформенный период, а о крестьянской революции как самостоятельном феномене, имеющем собственную логику развития, в конечном счете определившем судьбу страны.

Историко-социологическое направление развития отечественного крестьяноведения представлено научными исследованиями Б.Н. Миронова. Автор попытался создать идеальные модели типичной пореформенной крестьянской общины и семьи, которые вобрали бы и схематически продемонстрировали все многообразие реальных аналогов⁴⁰.

Наиболее дискуссионными историографическими вопросами социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. являются проблемы определения уровня благосостояния и связанных с ним размеров производства и потребления пищевых продуктов. Положительная оценка развития имперской России дана Б.Н. Мироновым⁴¹ и М.А. Давыдовым⁴². Эти авторы, опираясь на материалах антропометрических данных и процессах развития продовольственного рынка страны, отмечают успех модернизации. Противоположной точки зрения придерживается С.А. Нефедов, указавший на несоответствие роста численности населения и размера производимых благ. Он полагает, что в начале XX в. характерная для традиционного аграрного общества связь потребления и демографических характеристик претерпела изменения под воздействием демографической модернизации⁴³. Аналогична точка зрения А.В. Островского⁴⁴, поставившего под вопрос обоснованность выводов Б.Н. Миронова. Акцент на региональных особенностях данной проблематики сделан М.И. Родновым, отметившим качественные различия в аграрном строе разных частей России⁴⁵.

Особенностью современного этапа стало бурное развитие исследований по аграрно-крестьянской проблематике не только в Москве⁴⁶ и Санкт-Петербурге⁴⁷, но и в провинции. Наряду с работами отдельных исследователей в Туле, Ярославле, Калининграде и других городах⁴⁸ сформировались крупные региональные школы историков-аграрников в центрально-черноземном районе⁴⁹ и среднем Поволжье⁵⁰, специализирующиеся во многом

на изучении именно второй половины XIX – начала XX в. Появляются первые историографические работы⁵¹. Таким образом, современный этап историографии характеризуется прежде всего резким расширением «пространства» исследований, углубленным изучением местных архивных фондов и региональной статистики, что позволяет более основательно проводить теоретический анализ, реконструировать сложные процессы в российской деревне рубежа XIX–XX вв.

Дополняющую роль в исследовании российского крестьянского хозяйства выполняют работы зарубежных исследователей. Положительная оценка темпов развития аграрного сектора экономики Российской империи XIX – начала XX в. дана П. Грегори, указавшим на рост благосостояния сельского населения и поставившим под сомнение существование аграрного кризиса⁵². На проблемы агротехнологических изменений и развития сельской хлебозапасной системы направлен интерес К. Мацузато⁵³. Эволюция столыпинского аграрного курса рассматривается в исследованиях Д. Мэйси⁵⁴. Практике реформирования российской деревни посвящено исследование Я. Коцониса, изучившего ментальные формы социального взаимодействия представителей властных структур и крестьянства на примере сельскохозяйственных кооперативов⁵⁵.

Региональная историография. В досоветский период к вопросу развития сельского хозяйства Уральского региона обращались деятели земств. Первые работы в дореволюционной местной литературе носили преимущественно статистико-экономический и публицистический характер. Их авторы осуществили обзор состояния сельского хозяйства Урала и Пермской губернии в частности. Так, заведующим Пермским губернским статистическим бюро Е.И. Красноперовым⁵⁶ был сделан анализ статистических сведений об экономическом развитии губернии, который содержит значительный материал о крестьянском хозяйстве. Эволюцию землевладения в уральских губерниях пореформенного периода, используя данные поземельной статистики и местные материалы, изучал В.В. Грибель⁵⁷. Комплексное статистическое исследование экономики произведено П.А. Голубевым⁵⁸. Ценными дополнениями к данным изданиям служат научные и научно-популярные статьи и очерки в периодической печати, содержащие ретроспективный анализ состояния сельского хозяйства губерний⁵⁹.

Деятельности административных органов в Пермской губернии, занимавшихся решением вопросов крестьянского управления, посвящен исторический очерк М.В. Кукаретина, где дана оценка развития событий с официальных государственных позиций⁶⁰.

Землеустроительные мероприятия столыпинской аграрной реформы рассмотрены в монографическом исследовании П.Н. Першина⁶¹. На основе статистических данных по Красноуфимскому уезду автор описал демографические и экономические изменения крестьянских дворов, перешедших к хуторской и отрубной системе землепользования.

Истории сельской кооперации Пермской губернии посвящены исследования Д.М. Бобылева, А. Валаева, И.Н. Кочергина, И. Панина, В.В. Мавричева, Н.П. Белдыцкого⁶². Данные исследователи, являвшиеся активными участниками кооперативного движения, первыми проанализировали процессы возникновения и становления кооперативного дела, его влияния на крестьянское хозяйство.

В работах данного периода был осуществлен первичный исторический анализ процессов развития крестьянского хозяйства губернии и заложена фактологическая основа для дальнейшего изучения.

Аграрная проблематика в трудах историков советского периода занимала периферийное положение. Урал рассматривался прежде всего как крупнейший индустриальный регион России. Ведущей темой работ уральских исследователей, в том числе изучавших досоветский период, стало становление и развитие горнозаводской промышленности и ее кадров. Свою роль в данном случае сыграло марксистское положение о рабочем классе как о главном субъекте истории.

Изучение истории сельского хозяйства Урала началось советскими историками в 1920–1930-х гг. Первым, кто вновь обратился к этой теме, был А.А. Савич, представивший краткий обзор движения землевладения, процессов сельскохозяйственного производства и крестьянских волнений⁶³.

В конце 1950-х – 1970-х гг. появляются специализированные исследования, посвященные проблеме развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Пермской губернии. Данное направление представлено работами М.И. Черныша⁶⁴. Автор указывает на усиление социальной дифференциации в крестьянской среде, рассматривает обеспеченность крестьян разны-

ми видами земельных угодий, связь пермского крестьянства с промышленностью.

Теме столыпинской аграрной реформы и землеустроительного процесса в Пермской губернии посвящены исследования Л.П. Вакатовой⁶⁵. Преимущественное внимание историка сосредоточено на социальных противоречиях внутри крестьянства, а также на конфликтах между крестьянством и представителями землеустроительных учреждений.

Проблемы землепользования и социальной дифференциации на материалах всего Уральского региона рассматривались в работах Ф.П. Быстрых, Л.И. Легошина, Н.К. Лисовского, П.И. Хитрова⁶⁶ – авторы пытались показать крайнюю социальную поляризацию сельского населения.

Более детальное исследование сельское хозяйство получило в работах, посвященных истории Южного Урала и национальных территорий. Обстоятельное изучение сельского хозяйства пореформенного периода и столыпинской аграрной реформы на территории Башкирии осуществлено Х.Ф. Усмановым⁶⁷. Автор всесторонне осветил аграрное развитие Уфимской и части Оренбургской губернии конца XIX – начала XX в., подробно рассмотрев землевладение, развитие крестьянских и помещичьих хозяйств.

Проведение столыпинской реформы на территории Удмуртии исследовалось Н.Г. Луковниковым⁶⁸. История сельскохозяйственного развития Южного Зауралья и Шадринского уезда Пермской губернии представлена в статьях В.В. Прусса⁶⁹.

Развитие земледелия Оренбуржья изучалось Л.А. Селивановской, Н.И. Булатовой, Л.И. Футорянским⁷⁰. Оренбургские историки сфокусировали внимание на процессах социальной дифференциации крестьянства, аграрного переселения, результатах столыпинской аграрной реформы, поземельных отношениях оренбургского казачества.

Активно дискутировавшаяся в советской исторической науке «теория многоукладности», получившая название «новое направление» в исторической науке, нашла отражение в работах уральских историков⁷¹. Однако в отличие от изучения промышленности края, о характере и уровне развития которой велись острые дискуссии, исследованиям сельского хозяйства региона была свойственна однолинейная направленность. Уральские историки-аграрники, работавшие в советский период, придерживались общепринятой концепции, представляя социально-

экономические процессы в виде этапов развития капиталистических отношений.

В наиболее полной мере история сельского хозяйства в рамках уральской региональной историографии советского периода нашла отражение в капитальном труде «История Урала в период капитализма», где представлено системное изложение процессов аграрного развития региона второй половины XIX – начала XX в. с позиций историков, работавших в советский период⁷².

Для современной региональной историографии, как и для общероссийской, характерны изменения в методологических подходах, что выразилось в первую очередь в новом соотношении конкретных исследовательских тем. На первое место вышли проблемы традиционной культуры крестьянства, производственной в частности. Данная тема рассматривалась в работах В.И. Шадурского, Н.С. Половинника и В.М. Суринова, Н.А. Миненко, И.В. Побережникова, С.В. Голиковой, Г.Н. Чагина⁷³.

Правительственные законодательные мероприятия в области землевладения и землепользования на территории горнозаводского Урала начала XX в. исследованы Н.Н. Алеврас⁷⁴. Историком проанализирован процесс реализации важнейших аграрных законов конца XIX – начала XX в. в специфических условиях Уральского региона, изучены правительственные дебаты, связанные с решением аграрного вопроса, показана система реализации экономических и правовых интересов уральских горнозаводчиков. Поземельные отношения горнозаводского населения на материалах Пермского нераздельного имения графов Строгановых рассматривал С.Г. Шустов, показавший слабую законодательную основу землеустройства и его длительный, противоречивый характер⁷⁵.

Исследованию демографических процессов населения Пермской губернии посвящены работы С.В. Голиковой. Изучая проблему детской смертности, автор раскрывает тему через источниковедческий ракурс, анализируя причины смертности, ее сезонные изменения и половозрастные показатели⁷⁶.

Непосредственно изучению крестьянского хозяйства Пермской губернии посвящена монография А.С. Еремина⁷⁷, представляющая собой обзор состояния сельского хозяйства в масштабе одного Ирбитского уезда. Тема продовольственного обеспечения населения Пермской губернии рубежа XIX – XX вв. рассматривается в статьях М.К. Манкевич⁷⁸.

Большее внимание исследователей уделено истории развития крестьянского хозяйства Южного и Северо-Восточного Урала, а также сопредельных территорий Западной Сибири. Процессам развития сельского хозяйства Южного Зауралья посвящены монографии, выполненные под руководством Н.Ф. Емельянова, основное внимание авторов сосредоточено на истории форм сельского самоуправления и социальной организации, культурно-бытовых традиций производства⁷⁹.

История аграрного развития Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв. разработана в научных трудах М.И. Роднова. Историком исследована социальная структура многонационального крестьянства Башкирии, выявлены региональные и этнические особенности трансформации традиционного общинного хозяйства, изучена внутренняя структура местной общины, дан анализ последствий влияния рыночных отношений на крестьянский социум⁸⁰.

Современному этапу развития уральской историографии свойственна активизация исследований крестьянского хозяйства конца XIX – начала XX в. на диссертационном уровне. Изучению процесса аграрного освоения сопредельной территории Западной Сибири посвящена диссертация Н.А. Балюк, основное внимание которой сосредоточено на изменениях систем крестьянского землепользования, влиянии природно-климатических условий на сельскохозяйственное производство⁸¹.

История аграрных отношений территории Северного Приуралья изучалась в ряде диссертаций. Исследователями проведен источниковедческий анализ земских статистических источников, рассмотрены социально-экономическое развитие крестьянского двора, реализация столыпинской аграрной реформы, а также промысловая деятельность крестьянского населения⁸².

Крестьянские хозяйства на материалах Оренбургской губернии начала XX в. исследованы О.С. Смотриной. Она проанализировала природно-климатические условия развития крестьянских хозяйств, изменения в системе сельскохозяйственного производства, поземельные отношения, фискальную политику государства по отношению к крестьянству⁸³.

Проблема грамотности крестьянского населения рассмотрена в диссертационном исследовании А.А. Сафронова, основанного на комплексном анализе материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Исследователем была проана-

лизирована грамотность всего населения Урала с учетом его распределения по губерниям, уездам, городам в зависимости от пола, возраста, сословной принадлежности и национального происхождения⁸⁴.

Во второй половине 2000-х гг. были защищены две диссертации, затрагивающие разные аспекты аграрного развития Пермской губернии рубежа XIX–XX столетий⁸⁵. Особенности демографического развития крестьянского населения Пермской губернии второй половины XIX в. проанализированы в работе Г.Н. Плотниковой. Специфике развития крестьянской кустарной промышленности посвящено исследование Ю.А. Кашаевой.

Теоретико-методологическим проблемам социально-экономических трансформаций аграрной сферы посвящены исследования Г.Е. Корнилова. По его мнению, модернизационные изменения аграрного социума являлись комплексным и многоуровневым процессом. Данные изменения историк обозначил термином «аграрный переход», при котором происходили экономическая, демографическая, политическая, культурная, правовая трансформации: внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, утверждение частной собственности на землю, преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, распространение грамотности среди крестьянства. Конец XIX – начало XX в. связаны с первой фазой аграрного перехода, характеризующейся преобладанием экстенсивного развития⁸⁶.

Таким образом, изучение аграрных процессов конца XIX – начала XX в. остается одной из актуальных тем отечественной исторической науки. Проблемам развития крестьянского хозяйства посвящено значительное количество работ, однако необходимо отметить, что данный аспект регионального социально-экономического развития территории Среднего Урала не подвергался специальному исследованию.

Источники. Источниковая основа исследования достаточно широка, для систематизации выявленных источников мы используем традиционные классификационные схемы и выделяем несколько видов.

К *первому* виду источников относятся законодательные и нормативные акты, регулирующие имущественные и социальные отношения крестьянства⁸⁷. Данный вид позволяет исследо-

вать тенденции изменений государственной аграрной политики и законодательных норм кооперативной деятельности.

Вторым значимым видом источников является делопроизводственная документация государственных и земских органов управления. Подавляющая часть делопроизводственных документов представлена архивными материалами. В первую очередь это ведомственная документация центральных органов государственной власти, сохранившаяся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА): Департамента государственных земельных имуществ (Ф. 396); Департамента земледелия (Ф. 398); Канцелярии комитета по землеустроительным делам (Ф. 408); Отдела земельных улучшений Министерства земледелия (Ф. 426); Департамента окладных сборов Министерства финансов (Ф. 573); Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Ф. 1233); Земского отдела Министерства внутренних дел (Ф. 1291).

К группе делопроизводственных источников относятся материалы местных административных органов государственной власти и земского самоуправления Пермской губернии, представленные документами фондов Государственного архива Пермского края (ГАПК): Канцелярии Пермского губернатора (Ф. 65); Пермской губернской землеустроительной комиссии Министерства земледелия (Ф. 277); Пермской губернской земской управы (Ф. 44).

Делопроизводственная документация кооперативных организаций представлена фондами: Пермского губернского комитета по делам мелкого кредита Министерства финансов (Ф. 102); Правления Союза потребительных обществ Северо-Восточного района (Ф. 262); Пермского отделения Государственного банка Министерства финансов (Ф. 113).

Документы земских органов самоуправления уездного уровня содержатся в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО): Екатеринбургской уездной земской управы (Ф. 18); Камышловской уездной земской управы (Ф. 199); Красноуфимской уездной земской управы (Ф. 375); Ирбитской уездной земской управы (Ф. 434); Верхотурской уездной земской управы (Ф. 435).

Совокупность этого массива источников отражает процессы взаимодействия властных структур с крестьянством, позволяет исследовать процессы землевладения и землепользования на

уровне региона, характеризует результаты деятельности центральных и местных органов государственной власти, земского самоуправления.

Ценным делопроизводственным источником является официальное издание «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности»⁸⁸. Публикация представляет собой комплекс докладов, журналов, протоколов заседаний, сводов положений комитетов и списков участников заседаний. Материалы губернского комитета позволяют представить общий спектр мнений по проблеме аграрного развития губернии, а сведения уездных комитетов отражают конкретные проблемы развития крестьянского хозяйства.

Обширным комплексом источников являются опубликованные земские делопроизводственные материалы. Одним из важнейших принципов работы земских учреждений с момента их создания был принцип гласности, поэтому земства публиковали протоколы заседаний и постановлений земских управ и собраний, отчеты управ о проделанной работе⁸⁹. Данные документы имеют аналитический характер, т. е. являются вторичными документами, содержащими обобщения и выводы по разным аспектам деятельности земских органов управления в аграрной сфере.

К опубликованным делопроизводственным источникам о развитии кредитной, потребительской и сельскохозяйственной кооперации относятся материалы губернских и уездных кооперативных съездов, представляющих собой сборники журналов заседаний и докладов деятелей кооперативных организаций и земств, представителей Государственного банка⁹⁰. Эти исторические источники позволяют отразить тенденции развития кооперативного движения, значение кооперации для крестьянского хозяйства.

Третий, самый обширный, вид источников представлен статистическими материалами, позволяющими изучить крестьянство как отдельную социальную группу населения. Это опубликованные и архивные документы всех стадий статистического учета: программы специальных обследований и текущего учета, первичные документы учета, предварительные сводки первичных данных и публикации исследований. Для удобства анализа данный вид документов подразделен на несколько групп.

К первой группе относятся массовые данные демографической статистики. В первую очередь это опубликованные материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., которая

содержит наиболее полный массив репрезентативной информации о населении губернии⁹¹. Сведения о численности и размещении крестьянского населения губернии, собранные единовременным способом, содержатся в специальных публикациях Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД) и земства⁹². Ценным источником о численности крестьянского населения губернии являются материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г., представленные как опубликованными, так и неопубликованными материалами⁹³. Информация переписи была использована нами для выявления динамики изменений численности крестьянского населения. Главным достоинством вышеперечисленных источников является сопоставимость территориальных и демографических показателей.

Вторая группа статистических источников представлена материалами поземельных переписей 1877/78, 1887 и 1905 г.⁹⁴ Сведения, собранные в ходе переписей, являются наиболее массовыми как по составу информации, так и по широте охвата исследуемого явления и позволяют проследить изменения размещения, динамики и структуры крестьянского землевладения.

Третью группу составили материалы статистики сельскохозяйственного производства, включающие данные о посевных площадях основных сельскохозяйственных культур, урожайности, состоянии животноводства, обеспеченности крестьянских хозяйств инвентарем. В дореволюционной России эти статистические данные собирались разными учреждениями государства и земского самоуправления. В нашей работе использованы данные, собранные через общеимперскую систему статистических органов ЦСК МВД и губернские статистические комитеты.

Сведения урожайной статистики крестьянских хозяйств за 1883–1915 гг., собранные ЦСК, систематизированы и скорректированы в издании Центрального статистического управления СССР⁹⁵. Статистика животноводства представлена публикациями Ветеринарного управления и ЦСК МВД. Данные о конском поголовье содержатся в материалах военно-конских переписей. На территории Пермской губернии переписи проводились 4 раза – в 1882, 1891, 1905–1906 и 1912 г.⁹⁶ Материалы о размерах производства, транспортировки и потребления продукции животноводства содержатся в изданиях Ветеринарного управления. В их основу легли годовые отчеты ветеринарных инспекторов, а также данные, изданные министерствами финансов и путей со-

общения⁹⁷. Сведения об обеспеченности крестьянских хозяйств орудиями и машинами содержатся в исследовании ЦСК МВД за 1910 г., они позволяют проанализировать техническую оснащенность сельскохозяйственного производства Пермской губернии в сравнении с другими регионами России⁹⁸.

Земская статистика сельскохозяйственного производства представлена опубликованными материалами статистических сборников. Сводки земских сборников содержат информацию о размере и структуре посевных площадей, урожайности основных продовольственных культур, численности поголовья скота, продовольственных и арендных цен на землю⁹⁹. Используемые материалы позволяют охарактеризовать динамические и структурные изменения основных показателей сельскохозяйственного производства, изучить степень материального благополучия крестьянского населения Среднего Урала.

Четвертую группу статистических источников составили материалы земских подворных статистических исследований. Земские подворные переписи являются массовым источником комплексного характера, они представляют собой совокупность статистической информации о численности и структуре крестьянских дворов и базовых экономических показателей¹⁰⁰.

Пятая группа представлена универсальными справочными изданиями, в которых собраны статистические материалы о демографическом и социально-экономическом развитии Пермской губернии¹⁰¹. Сведения о сельском хозяйстве даны в виде обзоров губернии, таблиц и ведомостей. Совокупность статистических данных за ряд лет и сопоставимость материала за длительный период позволяют сделать выводы об изменениях в сельском хозяйстве, обеспечении населения продовольствием и ценах на сельскохозяйственную продукцию.

Четвертый вид источников представлен региональной периодической печатью. Ее научная значимость заключается в отражении представлений современников о развитии крестьянского хозяйства и сельской кооперации. В исследовании были использованы издания общественно-политической и экономической направленности. Изданием, выходившим в течение всего рассматриваемого периода, являются «Пермские губернские ведомости», отражавшие точку зрения губернской администрации. Земская периодическая печать представлена журналом «Сборник Пермского земства», в 1907 г. преобразованным в ежене-

дельную газету «Пермская земская неделя». Ценный источник о крестьянстве губернии – общественно-политическая газета «Екатеринбургская неделя». Материалы о ходе землеустроительного процесса опубликованы в периодических изданиях Пермской губернской землеустроительной комиссии: «Пермский вестник землеустройства» (1912 г.); «Вестник землеустройства Северного района» (1913 г.); «Вестник землеустройства Северо-Восточного района» (1914–1917 гг.). Уникальную информацию о кооперативном движении губернии содержат публикации журналов: «Известия потребителей», «Уральский кооператор», «Уральское хозяйство» и «Журнал Кунгурского общества пчеловодства». К числу недостатков некоторых материалов региональной периодики относится неточность сведений, что требовало сопоставления с другими источниками.

В целом совокупность выявленных источников, на наш взгляд, является репрезентативной и достаточной для исследования избранной темы.

Фотодокументы, помещенные на наклейках, выявлены в фондах Государственного архива Пермского края, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива в г. Шадринске, Свердловского областного краеведческого музея, Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Значительную часть опубликованных фотоизображений составили работы знаменитого русского фотографа, пионера цветной фотографии в России Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863–1944). Используемые фотографии его авторства размещены на сайтах «Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского»» (<http://prokudin-gorskiy.ru>) и Библиотеки Конгресса США (<http://www.loc.gov>).

Автор выражает самую глубокую признательность учителю и научному руководителю, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ Геннадию Егоровичу Корнилову. Искренняя благодарность рецензентам – доктору исторических наук М.И. Роднову за ценные советы и помощь в период работы над книгой, кандидату исторических наук Е.Ю. Баранову, кандидату исторических наук В.П. Микитюку за рекомендации и уточнения.

Глава 1

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОЗЕМЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1.1. ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ КРЕСТЬЯНСТВА, СТРУКТУРА КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА

Пермская губерния конца XIX – начала XX в. являлась одним из самых крупных регионов Европейской России, она занимала третье место, уступая по величине территории только Архангельской и Вологодской. Расположенная одновременно в Европе и Азии, Пермская губерния географически находилась в центре огромной Российской империи, но в то же время была периферийной по отношению к обжитой европейской части страны¹. Подавляющее большинство жителей губернии составляло крестьянство, включавшее разные этнические группы населения.

Согласно данным переписи 1897 г., население губернии было многонациональным и поликонфессиональным, но в целом преобладали русские, доля которых достигала 90,3%. На втором по численности месте находились тюркоязычные народы (башкиры и татары), их удельный вес составлял 5,3%, далее шли коми-пермяки – 3,0% и марийцы – 0,5%. В начале XX в. соотношение в этническом составе населения губернии практически не изменилось².

Плотность населения Пермской губернии к концу XIX в. оставалась одной из самых низких не только в Европейской России, но и по Уральскому региону, в среднем на квадратную версту в 1897 г. приходилось 10,3 чел., в 1914 г. – 13,8 чел. (табл. 1). По плотности заселения Пермская губерния более чем вдвое уступала даже соседним Вятской и Уфимской губерниям, в пределах которых также имелось немало лесных (горно-лесных) территорий. Лишь в степной активно колонизируемой Оренбург-

ской губернии густота населения уступала Среднему Уралу.

Информацию о численности населения Пермской губернии регулярно собирала местная администрация, вело учет количества жителей края и Пермское земство. Но наиболее распространенными, часто используемыми в литературе являются данные

ЦСК МВД, который публиковал сведения о числе сельского и городского населения в «Сборниках сведений по России». Сборники содержат погубернские данные за 1882, 1883, 1885 г., а за 1890 и 1896 г. – только общероссийские³. После переписи 1897 г. показатели численности населения размещались в статистических ежегодниках, где указывалась численность населения по губерниям, уездам (табл. 2).

По официальным данным ЦСК МВД, общее количество населения Пермской губернии на 1882 г. определялось в 2540,0 тыс. чел., из них 2418,3 тыс., или 95,2%, проживало в уездах. К 1914 г., согласно сведениям правительственной статистики, пропорция сельчан и горожан не претерпела значительных изменений, а общая численность жителей составляла 4007,5 тыс. чел., из которых 93,7% проживало в уездах – 3753,7 тыс. чел.

В основе демографической статистики лежал первичный церковный учет (исключая переписи), материалы которого, однако, претерпевали существенные изменения в процессе обработки информации. Поэтому достоверность данных ЦСК МВД, особенно после Всероссийской переписи 1897 г., была поставлена под сомнение рядом ученых-демографов⁴.

Так, по мнению В.А. Зайцева, сведения о численности населения России, собираемые административным способом, мало достоверны и слишком отрывочны. В «Статистическом ежегоднике», издаваемом ЦСК, ежегодно публиковались исчисления населения по губерниям, начиная с 1904 г. Таким образом, будто бы имеются исчерпывающие данные о населении России. Для выяснения статистически достоверной численности населения за каждый год В.А. Зайцевым был проведен пересчет. За основу

Таблица 1

**Плотность населения Урала
в 1897–1914 гг., чел/кв. версту**

Губерния	1897 г.	1914 г.
Вятская	22,5	29,7
Уфимская	20,5	28,5
Пермская	10,3	13,8
Оренбургская	9,6	13,0

Составлено по: Мокеров И.П. Исторические особенности демографических процессов на Урале // Особенности воспроизводства и миграции населения на Урале. Свердловск, 1986. С. 22.

Таблица 2

**Численность сельского и городского населения Пермской губернии
в 1882–1915 гг. по данным ЦСК МВД, тыс. чел.**

Год	В уездах			В городах			Итого
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	
1882	1166,5	1251,8	2418,3	63,2	58,5	121,7	2540,0
1883	1253,0	1340,0	2593,0	65,1	63,8	128,9	2721,9
1885	1216,9	1298,5	2515,4	67,1	67,1	134,2	2649,6
1897	1347,5	1467,5	2815,0	92,6	86,7	179,3	2994,3
1904	1535,0	1647,0	3182,0	78,4	91,7	170,1	3352,1
1905	1562,2	1674,2	3236,4	99,5	92,0	191,4	3427,8
1906	1590,8	1702,6	3293,3	78,7	92,0	170,7	3464,0
1907	1618,9	1726,2	3345,1	101,6	92,6	194,2	3539,3
1908	1649,9	1759,4	3409,3	102,3	93,8	196,1	3605,4
1909	1681,5	1789,7	3471,2	103,0	94,8	197,8	3669,0
1910	1712,8	1816,4	3529,0	105,4	96,5	201,9	3730,9
1911	1743,6	1844,4	3588,0	106,7	98,1	204,8	3792,8
1912	1774,3	1870,1	3644,4	108,2	99,8	208,0	3852,4
1913	1805,0	1895,7	3700,7	110,1	101,9	212,0	3915,7
1914	1833,7	1920,0	3753,7	127,9	125,9	253,8	4007,5
1915	1854,8	1939,2	3794,0	145,1	144,1	289,2	4083,2

Составлено по: Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., 1884. С. 50–51; Сборник сведений по России за 1883 год. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 8. СПб., 1886. С. 46–47; Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. Статистика Российской империи. Вып. 1. СПб., 1887. С. 6; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Вып. 31. СПб., 1904. С. 1; Ежегодник России 1904 г. (Год первый). СПб., 1905. С. 60; Ежегодник России 1905 г. (Год второй). СПб., 1906. С. 49; Ежегодник России 1906 г. (Год третий). СПб., 1907. С. 42; Ежегодник России 1907 г. (Год четвертый). СПб., 1907. С. 37–38; Ежегодник России 1908 г. (Год пятый). СПб., 1909. С. 37–38; Ежегодник России 1909 г. (Год шестой). СПб., 1910. С. 42–43; Ежегодник России 1910 г. (Год седьмой). СПб., 1911. С. 43–44; Статистический ежегодник России 1911 г. (Год восьмой). СПб., 1912. Отд. 1. С. 41; Статистический ежегодник России 1912 г. (Год девятый). СПб., 1913. Отд. 1. С. 41; Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб., 1914. Отд. 1. С. 41; Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый). СПб., 1915. Отд. 1. С. 41; Статистический ежегодник России 1915 г. (Год двенадцатый). Пг., 1916. Отд. 1. С. 41.

взята численность населения по переписи от 28 января 1897 г. К ней прибавлялся естественный прирост населения (рождения минус смерти) за 1897 г. с учетом миграции. Получалось число населения в 1898 г. Затем повторялось то же самое с показателями за 1898 г. и т. д. Для лет, предшествующих 1897 г., расчеты производились в обратном порядке (табл. 3)⁵.

Аналогичной точки зрения придерживалась Р.И. Сифман, утверждавшая, что «если произвести простейший контроль опубликованных ЦСК данных, т. е. сопоставить разницу между численностью населения на начало и конец года с превышением

Таблица 3

**Численность населения Пермской губернии
1880–1915 гг., тыс. чел.**

Год	В уездах (селах)	В городах	Всего	Год	В уездах (селах)	В городах	Всего
1880	2303,8	147,0	2450,8	1898	2859,2	184,0	3043,2
1881	2338,4	149,0	2487,4	1899	2895,0	186,0	3081,0
1882	2376,4	151,0	2527,4	1900	2944,6	189,0	3133,6
1883	2409,8	153,0	2562,8	1901	2997,8	193,0	3190,8
1884	2428,8	155,0	2583,8	1902	3041,9	195,0	3236,9
1885	2460,8	156,0	2616,8	1903	3069,0	197,0	3266,0
1886	2480,4	157,0	2637,4	1904	3121,1	201,0	3322,1
1887	2505,7	159,0	2664,7	1905	3171,0	204,0	3375,0
1888	2534,5	161,0	2695,5	1906	3214,9	207,0	3421,9
1889	2577,2	164,0	2741,2	1907	3259,5	210,0	3469,5
1890	2607,1	166,0	2773,1	1908	3317,9	213,0	3530,9
1891	2622,2	167,0	2789,2	1909	3377,1	217,0	3594,1
1892	2659,9	169,0	2828,9	1910	3408,1	219,0	3627,1
1893	2655,7	169,0	2824,7	1911	3473,8	224,0	3697,8
1894	2700,3	172,0	2872,3	1912	3529,9	227,0	3756,9
1895	2738,3	174,0	2912,3	1913	3562,1	229,0	3791,1
1896	2783,1	177,0	2960,1	1914	3599,6	232,0	3831,6
1897	2815,3	179,0	2994,3	1915	3646,0	235,0	3881,0

Составлено по: *Зайцев В. К.* вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 81.

числа родившихся над числом умерших, то оказывается, что общий прирост населения как по территории государства в целом, так и по Европейской России за ряд лет превышает естественный прирост, хотя очевидно, что этого не могло быть, поскольку сальдо внешней миграции России, вообще очень незначительное по сравнению с естественным приростом, было отрицательным»⁶. Поэтому данные, собранные единовременным способом, в отличие от текущего статистического учета являются более достоверными.

Принципиальной особенностью Пермской губернии, что резко отличало ее от большинства великороссийских регионов, было расположение здесь крупного индустриального района. Урал уже с начала XVIII в. превратился в один из основных промышленных центров страны. Но подавляющая часть заводов края (а также рудники, прииски и пр.) находилась не в городах, а в заводских поселках, не имевших официального городского стату-

Таблица 4

**Доля населения Пермской губернии,
занятого сельскохозяйственным трудом, в 1897 г.**

Уезд	Общая численность населения, тыс. чел.	Численность населения, занятого сельским хозяйством, тыс. чел.	Доля населения, занятого сельским хозяйством, %
Верхотурский	270,9	101,6	37,5
Екатеринбургский	412,3	161,0	39,1
Ирбитский	159,1	137,2	86,2
Камышловский	248,1	221,0	89,1
Красноуфимский	259,2	163,7	63,1
Кунгурский	136,3	103,0	75,5
Осинский	321,8	290,5	90,3
Оханский	268,4	242,2	90,2
Пермский	273,0	147,5	54,0
Соликамский	228,8	169,1	73,9
Чердынский	105,8	92,8	87,8
Шадринский	310,7	282,0	90,8
По губернии	2994,3	2111,7	70,5

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Т. 31. СПб., 1904. С. III, 252–253.

са. Огромные селения Нижне-Тагильского и иных заводов не уступали уездным городам ни по количеству жителей, ни по другим параметрам. А жители этих чисто промышленных населенных пунктов по сословной принадлежности оставались в рядах крестьянства.

Поэтому при изучении собственно крестьянского (сельского и аграрного) населения Пермской губернии необходимо разделять сельскохозяйственное и индустриальное население, понимая всю условность подобного разделения, так как часто сельчане совмещали земледельческий труд с заводскими приработками. По данным переписи 1897 г., «лица сельских сословий» составляли 95,2% населения губернии⁷. Непосредственно в сельскохозяйственном производстве было занято 70,5% населения (табл. 4).

Необходимо отметить, что удельный вес населения, занятого сельскохозяйственным трудом, в разных уездах Пермской губернии не был одинаковым. Он мог зависеть как от природно-климатических условий в каждом конкретном уезде, так и от уровня его социально-экономического развития. Максимальное количество населения, занятого сельскохозяйственным трудом,

фиксируется в юго-восточных Шадринском (90,8%) и Камышловском (89,1%) уездах, а также юго-западных Осинском (90,3%) и Оханском (90,2%), обладавших сравнительно благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства. Минимальная доля населения, занятого сельским хозяйством, была характерна для уездов с высоким уровнем промышленного развития – Верхотурского (37,5%) и Екатеринбургского (39,1%), располагавших значительной территорией гористых и болотистых местностей, не пригодных для ведения сельского хозяйства. Промежуточное положение занимал Пермский уезд (54,0%), что связано с влиянием на сельскую периферию главного административного, крупного промышленного и торгового центра губернии – г. Перми. Близкие показатели были и у Красноуфимского уезда (63,1%), обладавшего благоприятными природными условиями для ведения сельского хозяйства, а также сравнительно развитым промышленным производством. В остальных пяти уездах доля населения, занятого в сельском хозяйстве, была выше среднего показателя по губернии.

Исследования пермских земских статистиков показывают удельный вес неаграрного населения по уездам. Так, к весне 1898 г. число жителей, не занятых земледелием, составляло в Екатеринбургском уезде 33,3%, Верхотурском – 31,2, Красноуфимском – 23,4, Пермском – 14,7, Соликамском – 14,0, Кунгурском – 8,0, в остальных уездах – от 5,0 (Осинский) до 1,0% (Ирбитский и Чердынский). В целом в Пермской губернии доля не-земледельческого населения достигала 13,2%⁸. Как видим, сведения пермских земских статистиков отличаются от данных все-российской переписи, что можно объяснить значительными промежуточными группами крестьянства, сочетавшего работу в своем полевом хозяйстве и подработки на заводах и рудниках. Информация пермского земства есть и на волостном уровне⁹, что позволяет в перспективе создать достаточно четкое районирование с выделением чисто аграрных территорий, промышленных и промежуточных (переходных) зон.

Неодинакова была и структура крестьянства Пермской губернии, сохранявшая свое значение из-за разницы в обеспеченности земель и налогообложении. Особенностью Урала было преобладание вплоть до конца XIX в. государственных крестьян, которые составляли 74,0% от всего сельского населения губернии. Практически во всех уездах Пермской губернии они состав-

Таблица 5

**Численность и территориальное распределение дворов
бывших крепостных крестьян Пермской губернии в 1881 г.**

Уезд	Количество дворов		Наличные души мужского пола	
	абсолютное	%	абсолютное	%
Верхотурский	–	0,0	–	0,0
Екатеринбургский	2680	3,8	7805	4,1
Ирбитский	141	0,2	409	0,2
Красноуфимский	616	0,9	1409	0,8
Кунгурский	1646	2,4	4172	2,2
Осинский	1652	2,4	5017	2,7
Оханский	21 992	31,4	55 550	29,5
Пермский	18 699	26,7	51 294	27,2
Соликамский	22 271	31,8	61 873	32,8
Чердынский	215	0,3	748	0,4
Шадринский	43	0,1	82	0,0
Итого	69 955	100,0	188 359	100,0

Составлено по: Понижение выкупного платежа по указу 28-го декабря 1881 г. Статистические таблицы // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 5 / Сост. Г.Г. Ершов. СПб., 1885. С. 16–17.

ляли большинство деревенского населения. Помещичьи крестьяне составляли лишь 23,3% сельчан края, имелась также небольшая прослойка бывших удельных крестьян – 2,7%¹⁰.

Бывшие крепостные населяли в основном территории приуральских уездов. Наибольшее количество их дворов располагалось в Соликамском, Оханском и Пермском уездах. В зауральских уездах губернии численность этой группы крестьян была незначительна, а в северном Верхотурском уезде этот разряд вообще отсутствовал (табл. 5).

Состав и характеристики крестьянской семьи. Изучение крестьянского хозяйства невозможно без анализа внутреннего устройства самой семьи (или домохозяйства), в традиционном аграрном обществе представлявшей основу всего экономического и социального устройства. Семья как первичная ячейка человеческого общества представляет собой структуру, воспроизводящую социум, именно в семье индивид проходит процесс социализации, усваивает основы и нормы морального, правового и экономического поведения. «Поэтому-то и является совершенно необходимым, прежде чем затрагивать какой-либо вопрос о трудовом хозяйстве, возможно полно изучить саму трудовую семью и

установить те элементы ее сложения, исходя из которых она строит свою хозяйственную деятельность», – утверждал один из основоположников организационно-производственного направления в русской аграрно-исторической науке¹¹.

Понятия «семья» или «семейство», «двор» или «домохозяйство» применительно к концу XIX – началу XX в. были в общем тождественными: они означали совокупность близких родственников, живших вместе и ведущих одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался домохозяином. Семьи в современном значении крестьянство не знало, хотя само слово «семья» существовало. При этом домохозяйство могло состоять из одной брачной пары, включавшей родителей и неженатых детей, или из двух и более брачных пар, например: женатые дети, жившие вместе с родителями, женатые братья, жившие вместе одним хозяйством и т. д. Главным критерием единства нескольких брачных пар в одном домохозяйстве или семействе являлось наличие общего нераздельного имущества и одного главы, который управлял всеми делами в хозяйстве. Все члены одного семейства или хозяйства жили одним двором, но не в том смысле, что они проживали в одной избе (постройке), а в том, что вели одно хозяйство, имели общее имущество. Поэтому слова «хозяйство», «двор» и «семья» можно воспринимать как синонимы¹².

Численность крестьянских домохозяйств в исследуемый период поступательно увеличивалась, что было обусловлено значительным приростом населения (см. приложения, табл. 1). В течение 1877–1916 гг. общая численность крестьянства Пермской губернии увеличилась на 50%, а количество крестьянских хозяйств возросло на 74%, средняя же людность домохозяйства сократилась с 5,7 до 4,9 чел. Отметим, что численность женского населения постоянно росла, тогда как мужское, по данным 1916 г., уменьшилось на 7% в сравнении с показателями 1908–1909 гг., что объясняется мобилизацией мужского населения с началом Первой мировой войны (табл. 6).

При изучении демографического состава крестьянского двора также необходимо проанализировать состояние источников, определить уровень их достоверности. Наиболее полным и качественным статистическим описанием структуры крестьянских домохозяйств в Российской империи конца XIX – начала XX в. являются земские подворные переписи. История земских подворно-статистических исследований крестьянского хозяйства,

Таблица 6

**Численность и состав крестьянских дворов Пермской губернии
в 1877–1916 гг.**

Год	Количество дворов		Население, тыс. душ					
			Муж.		Жен.		Оба пола	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1877–1878	381,6	100	1038,9	100	1127,2	100	2166,1	100
1893	430,0	113	1239,2	119	1308,6	116	2547,8	118
1908–1909	599,1	157	1526,7	147	1582,4	140	3109,1	143
1916	666,0	174	1459,7	140	1807,3	160	3267,0	150

Составлено по: Волости и важнейшие селения Европейской России. Губернии приуральской группы и крайнего севера. Вып. 6. СПб., 1885. С. 140–169; Население сельских обществ и количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 г. о сельских обществах 46 губерний европейской России. Временник Центрального статистического комитета МВД. 1894. Вып. 33. СПб., 1894. С. 22–23; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908–1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 14; ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–28.

их методологические и методические принципы, техника сбора и обработки данных достаточно изучены и рассмотрены в отечественной историографии¹³.

Земская статистика использовала разные способы получения информации. Сведения собирались от низовой сельско-волостной администрации, создавалась широкая сеть добровольных корреспондентов, проводились выборочные экспедиционные исследования. Но наиболее достоверным и полным источником являлись результаты сплошных погубернских или поуездных переписей, когда по единой программе обследовалось все население, а информацию предоставляли не должностные лица или выбранные представители, обычно отличавшиеся более высоким образовательным уровнем, а каждый домохозяин (или лицо, его замещавшее) лично.

В отечественной историографии принято выделять три этапа земских подворных переписей. В первый период (1880–1893 гг.) формировалась методология земских статистических исследований. Второй этап земской статистики (1893–1905 гг.) был связан с проведением оценочных работ по закону 1893 г. И, наконец, третий период охватывал исследования, проводившиеся после революции 1905 г. и до начала Первой мировой войны 1914 г. Для последнего этапа был характерен синтез накопленного опыта за предыдущие¹⁴.

Пермские статистики хорошо понимали значимость сплошных подворных переписей для изучения крестьянского хозяйства. Так, заведующий бюро по оценке земель Г.И. Баскин в 1900 г. отмечал: «...само собой понятно, что при сплошной регистрации можно ближе подойти к действительности, чем при описании 20% исследуемых хозяйств, как это пришлось делать в настоящем году в Чердынском уезде». «Сплошная подворная перепись, – продолжал Баскин, – является единственным и незаменимым контролирующим средством при критике и анализе средних действительных урожайностей. Только сплошная регистрация явлений хозяйственной жизни позволяет определить пропорцию озимых и яровых культур»¹⁵.

Однако проведение сплошных переписей было мероприятием очень дорогостоящим, требующим большой организационной подготовки и хорошего статистического аппарата. Поэтому подобные исследования проводились во всей России эпизодически и как явления исключительные. К примеру, в соседней Уфимской губернии сплошная подворная перепись была организована лишь один раз¹⁶. В Пермской губернии земство вообще ни разу не смогло решиться на общегубернскую перепись крестьянских хозяйств. Такие обследования осуществлялись только на уездном уровне.

Согласно обобщающему своду данных, составленному под руководством Н.А. Свавицкого, подворные исследования в Пермской губернии проводились разновременно в 8 из 12 уездов. По одному разу перепись дворов была проведена в Верхотурском (1901 г.), Ирбитском (1900), Красноуфимском (1888–1891), Кунгурском (1898), Оханском (1897) и Шадринском (1900) уездах. Дважды переписи состоялись в Чердынском уезде (1883–1886 и 1899 г.). В Екатеринбургском уезде исследования были в 1885–1887 и 1900 г., а также в 1912 г., последняя не учтена в своде Свавицких¹⁷. В Оханском уезде подворные переписи тоже проводились трижды: перепись 1897 г. вошла в состав свода, обследование 1890–1891 гг. не было включено – публикация последней переписи охватывает только 9 из 47 волостей уезда, издание по остальным волостям не было завершено по причине смерти автора-разработчика, а также не учтена Свавицкими самая поздняя перепись – 1913 г. (табл. 7).

Проведение подворных переписей в отдельных уездах зависело от комплекса факторов, наличия ресурсов для деятельнос-

Таблица 7

**Подворные исследования в Пермской губернии
конца XIX – начала XX в.**

Уезд	1 период (1880–1893 гг.)	2 период (1893–1905 гг.)	3 период (1905–1914 гг.)
Верхотурский	–	1901	–
Екатеринбургский	1885–1887	1900	1912
Ирбитский	–	1900	–
Камышловский	–	–	–
Красноуфимский	1888–1891	–	–
Кунгурский	–	1898	–
Осинский	–	–	–
Оханский	1890–1891*	1897	1913
Соликамский	–	–	–
Пермский	–	–	–
Чердынский	1883–1886	1899	–
Шадринский	–	1900	–

Составлено по: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С. 42, 136; Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. / Сост. Е.И. Красноперов. Вып. 1. Пермь, 1896; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912; Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 года. Пермь, 1915.

*Публикация охватывает только 9 из 47 волостей уезда.

ти наиболее активных земских статистиков, выступавших инициаторами обследований. В некоторых уездах (Камышловский, Соликамский, Пермский) переписи вообще не осуществлялись, и в начале XX в. интерес к подобным исследованиям существенно сократился. Организация таких мероприятий была сложным делом, для чего пермские статистики прибегали к опыту других регионов. Например, при проведении подворных переписей в Екатеринбургском и Чердынском уездах использовали программу переписи по Борисоглебскому уезду Тамбовской губернии¹⁸.

В качестве образца статистических работ рассмотрим перепись Красноуфимского уезда, проведенную под руководством Н.Л. Скалозубова в 1888–1891 гг. Из-за растянутости по времени материалы переписи публиковались по мере сбора и обработки информации, а учет велся по районам, выделенным на основании «естественноисторических особенностей его частей»; всего же территория уезда была поделена на 6 районов¹⁹.

Перепись в Красноуфимском уезде проводилась в несколько этапов. Сначала статистики опрашивали население, знакоми-

лись с общим положением дел в каждой волости. Вторым этапом являлось поселенное обследование, результаты которого фиксировались в особом поселенном бланке. Сохранившиеся поселенные бланки в фонде Красноуфимской уездной земской управы Государственного архива Свердловской области (Ф. 375) содержат данные о населении, землевладении, промыслах, заработках и др., всего по 15 графам, характеризующим социально-экономическое развитие населенного пункта. Завершал статистическое обследование подворный опрос, результаты которого фиксировались в подворной карточке²⁰.

В 1890-е гг. активизация проведения подворных переписей в Пермской губернии стала результатом начавшихся оценочных работ, необходимых для правильного налогообложения земельных имуществ. Исследования вели сплошным и выборочным способами. В Чердынском уезде, где перепись шла повторно, губернская оценочная комиссия «находила сплошное описание крестьянских хозяйств излишним и разрешала регистрировать только 20% типичных хозяйств». Качественным отличием исследований этого периода стали однотипность программ и способов сбора данных и как следствие наиболее полная сопоставимость полученных результатов. Исследования оценочной комиссии носили комплексный характер и включали эколого-географическое изучение территории. Всего за этот период опубликованы данные по 7 из 12 уездов губернии. Руководство оценочными мероприятиями в Пермской губернии осуществлял Г.И. Баскин, один из виднейших статистиков народнического направления²¹.

Последними из земских подворных исследований, проведенных в Пермской губернии, стали переписи в Екатеринбургском (1912) и Оханском уездах (1913). Они были осуществлены статистическим отделением Пермской губернской земской управы в целях учета занятий населения уездов, изучения кустарных промыслов, грамотности²².

Последними в дореволюционный период стали две Всероссийские сельскохозяйственные и поземельные переписи – 1916 и 1917 г. Но для Пермской губернии качество и сохранность материалов (особенно первичных) этих исследований, к сожалению, оказались значительно хуже, чем по соседним регионам. В архиве сохранились отдельные подсчеты итогов переписи 1916 г. (см. табл. 6). При обработке подворных карточек переписи 1917 г. в начале 1920-х гг. выяснилось, что вообще отсутствуют данные

по Екатеринбургскому, Ирбитскому, Камышловскому и Оханскому уездам. «По остальным уездам также были пропуски: Красноуфимский уезд – 18 тыс. хозяйств, Кунгурский – 6520 хозяйств, Осинский – 10 260 хозяйств, Пермский – 11 570 хозяйств, Соликамский – 200 хозяйств и Шадринский – 310 хозяйств»²³. Это делает опубликованные итоговые данные по Пермской губернии неполными и несопоставимыми с предыдущими источниками. Можно предположить, что утрата коллекций подворных карточек переписи 1917 г. произошла в годы Гражданской войны. По крайней мере, среди найденных недавно в уфимском архиве вероятных остатков архива так называемой Малой Башкирии, который собирался примерно в 1918 г., присутствуют единичные карточки по Красноуфимскому уезду Ювинской (Большая Тавра, Ювино, Савиновское, Сарсы вторые), Азигуловской (Старо-Биткино) и Больше-Окинской (Большая Ока, Малая Тавра, Кургат) волостей²⁴.

Внутренний строй крестьянского хозяйства. Двор являлся основной единицей наблюдений при земских подворных переписях. При их организации перед статистиками прежде всего вставал вопрос: что такое крестьянский двор? Он давно привлекал внимание русских исследователей обычного крестьянского права. Еще в конце 1860-х гг. Н.В. Калачев писал, что крестьянская семья есть хозяйственный союз, состоящий из родственников, а в некоторых случаях из принятых в семью лиц. Особенности крестьянского семейного строя интересовались и экономисты. Так, известный исследователь аграрных отношений в России и за границей А.И. Васильчиков указывал, что в крестьянстве «семейный союз имеет у нас не столько значение родственной связи, родительской власти и наследственного права, сколько характер хозяйственной группы, состоящей из рабочих и малолетних, которые и держатся неразрывно, пока малолетние не поспеют в тягло или на службу, а затем разделятся на столько же новых групп, дворов и тягол, сколько выросло новых рабочих сил». В устройстве таких семейных и родственных союзов он видел основную особенность крестьянского быта²⁵.

Земцы тоже рассматривали двор как хозяйственный союз. Еще московские статистики считали, что «всякая самостоятельная единица, все лица, живущие сами по себе, хотя бы не имеющие ни “кола ни двора”, считались за двор, домохозяйство». Аналогичное определение давалось и в публикациях черниговского

земства 1880-х гг., в которых «всякая самостоятельная производительно-потребительская единица, независимо от своего состава, считалась за отдельный двор». Определение «двор» у статистиков 1880-х гг. существенных разногласий не вызывало. Некоторые противоречия встречались в практике земских статистических исследований при определении состава двора: по поводу крестьян, вошедших в другую семью в качестве зятёв или опекаемых, наемных рабочих, сирот и солдат, находящихся на службе. Ввиду важности точного определения крестьянского двора как основной счетной единицы совещание статистиков 1887 г. подробно рассмотрело этот вопрос и дало следующее определение двора: «Под двором или хозяйством разуметь одно или несколько лиц, владеющих самостоятельными средствами существования и ведущих собственное домашнее хозяйство. В состав же двора включать лиц, связанных родством или свойством. Лица из других семей, принятые в зятья, а также солдаты на службе входят в состав двора. Сироты, живущие при опекунах, включаются в состав семьи опекунов. Наемные рабочие и неусыновленные питомцы воспитательного дома числятся при дворе, но в состав семьи домохозяина не вносятся»²⁶.

Каждое хозяйство описывалось вне зависимости от имущественного состояния. Например, в программе подворной переписи Красноуфимского уезда под двором «разумелось каждое хозяйство, живущее на свой риск и страх – имеет ли оно землю и дом или не имеет их»²⁷. Типичное крестьянское хозяйство в России в рассматриваемый период представляло собой небольшое сельскохозяйственное предприятие²⁸.

Поэтому в исследовании населения двора исходным пунктом является сложившееся половозрастное разделение труда. Население разделялось в зависимости от экономической и демографической ситуации, а также взглядов самого крестьянства²⁹. Кроме младших детей (до 7 лет), обычно выделяются дети школьного возраста (мальчики 7–13 и девочки 7–11 лет включительно), подростки мужского пола в возрасте 14–17 и женского – в возрасте 12–15 лет. С 18 лет юноши и с 16 лет девушки считались уже «полными работниками». Мужчины старше 60 и женщины старше 55 лет считались стариками.

Крестьянское население Пермской губернии на протяжении исследуемого периода имело стабильную структуру. Доля трудоспособного населения составляла от 49–51% (мужчины 18–59 лет)

до 48–53% (женщины 16–54 лет). Следующей по численности возрастной группой являлось население в возрасте 0–6 лет, его доля составляла 19–21% обоих полов. Дети школьного возраста составляли 14–17% мужчин и 10–14% женщин; подростки в возрастной структуре крестьянства составляли 8 и 6–9% мужского и женского населения соответственно. Таким образом, можно сделать вывод, что для крестьянского двора был характерен баланс едоков и работников (табл. 8 и 9).

Иногда это соотношение полов несколько менялось в зависимости от каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Перепись Екатеринбургского уезда 1912 г., имевшая целью выявить влияние неурожайного 1911 года на экономическое положение населения, зафиксировала долю трудоспособного крестьянства: 40% мужчин и 41% женщин. По мнению земских статистиков, это было связано с уходом на заработки на более благополучные территории, что выразилось в недоучете населения приблизительно на 10%³⁰.

Каждое крестьянское хозяйство имело определенный возраст, начальной датой которого служил год образования крестьянского двора как самостоятельной семейной ячейки. Жизненные функции семьи-хозяйства состояли в удовлетворении потребностей членов своей семьи. Как правило, в составе родительской семьи образовывалась новая семья из достигших брачного возраста детей, которая впоследствии выделялась как самостоятельная и повторяла цикл заново или сменяла старшее поколение существующей хозяйственной ячейки. Постоянно возобновляясь, хозяйство продолжало существовать многие десятки лет, проходя ряд стадий в развитии³¹.

В основном различают пять форм семейной организации: 1) семья, состоящая из одного человека; 2) группа родственников или не родственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство; 3) простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, состоящая из двух семейных пар и более. Семья с одними и теми же количественными показателями могла иметь разную структуру: быть простой (родители с детьми) или сложной (родители, их сын с женой и ребенком; муж с женой, двое детей, вдовый родитель главы и пр.)³².

Таблица 8

**Возрастные группы мужского населения крестьянских дворов
Пермской губернии в 1885–1913 гг., %**

Уезд (год исследования)	Возрастная группа, лет				
	0–6	7–13	14–17	18–59	60 и более
Красноуфимский (1888–1891)	21	15	8	49	7
Верхотурский (1901)	20	15	8	50	7
Ирбитский (1900)	19	14	8	50	9
Шадринский (1900)	21	14	8	49	8
Екатеринбургский (1885–1887)	19	17	8	51	5
Екатеринбургский (1900)	21	15	8	49	7
Екатеринбургский (1912)	24	19	9	40	8
Оханский (1913)	19	15	10*	47**	9

Составлено по: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С. 64, 138–139; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С. 38; Оханский уезд Пермской губернии, по данным подворной переписи 1913 года. Пермь, 1915. С. 2.

*Возрастная группа 14–18 лет.

**Возрастная группа 19–59 лет.

Таблица 9

**Возрастные группы женского населения крестьянских дворов
Пермской губернии в 1885–1913 гг., %**

Уезд (год исследования)	Возрастная группа, лет				
	0–6	7–11	12–15	16–54	55 и более
Красноуфимский (1888–1891)	20	11	9	50	10
Верхотурский (1901)	21	10	8	50	11
Ирбитский (1900)	20	10	8	50	12
Шадринский (1900)	21	10	8	51	10
Екатеринбургский (1885–1887)	19	14	6	52	9
Екатеринбургский (1900)	21	11	9	48	11
Екатеринбургский (1912)	29	12	8	41	10
Оханский (1913)	19	11	9	53*	8

Составлено по: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С. 64, 138–139; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С. 40; Оханский уезд Пермской губернии, по данным подворной переписи 1913 года. Пермь, 1915. С. 2.

*В подворной переписи Оханского уезда группа трудоспособного женского населения включает возраст 16–59 лет.

Статистик Д.Н. Мерхалев, один из организаторов проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. на Урале, на основании выборочного исследования на территории бывшего Ирбитского уезда по 975 крестьянским дворам установил, что в семьях, выделившихся в самостоятельные хозяйства в 1880–1903 гг., на одного работника приходилось в среднем 4,8 «едока», или 5,2 человека на одно хозяйство. При этом была установлена прямая зависимость между размерами семьи и площадью посевных угодий, т. е. соответствие распределения земли по числу женатых мужчин в семьях. По мнению Д.Н. Мерхалева, основные усилия семьи были направлены на поддержание баланса между количеством работников и «едоков», что достигалось, с одной стороны, за счет кооперации и утилизации труда всех сколько-нибудь трудоспособных членов семейства, не говоря уже о мужском труде, а с другой – за счет исключительно высокой рождаемости³³.

О цикличном развитии крестьянского хозяйства косвенно свидетельствует и количество работников-мужчин, приходившихся на одно хозяйство. Их наличие или отсутствие в хозяйстве имело решающее экономическое значение. Мужчина выполнял такие работы, которые были не под силу другим членам семьи. Более того, глава хозяйства осуществлял функции организатора хозяйственной деятельности. Потеря работника-мужчины коренным образом подрывала экономические основы благосостояния крестьянского двора – в значительно большей степени, чем какая-либо крупная материальная потеря: пожар, пропажа единственной лошади, коровы. Демографический состав семьи определял ее экономическое положение.

Наиболее экономически маломощными были дворы без работника-мужчины, их доля, согласно подворным исследованиям, составляла от 8 до 11% (без учета данных подворной переписи Чердынского уезда, полученных в результате выборочного исследования) в разных уездах губернии. Преобладающей группой были домохозяйства с одним работником-мужчиной, их доля составляла 59–66% от общего количества хозяйств в уезде, что характерно для простой малой, или нуклеарной, семьи, состоявшей только из супругов или супругов с неженатыми детьми. Следующая по численности группа – хозяйства с двумя работниками-мужчинами – составляла 18–24%. Семьи, имевшие трех работников и более, составляли 5–9% хозяйств уезда (табл. 10).

Таблица 10

Распределение крестьянских хозяйств Пермской губернии по числу мужчин трудоспособного возраста в 1883–1901 гг., %

Уезд (год исследования)	Количество мужчин-работников в хозяйстве			
	0	1	2	3 и более
Верхотурский (1901)	11	66	18	5
Екатеринбургский (1885–1887)	10	63	20	7
Екатеринбургский (1900)	11	64	19	6
Ирбитский (1900)	10	60	22	8
Красноуфимский (1888–1891)	11	62	21	6
Кунгурский (1898)	8	59	24	9
Чердынский (1883–1886)	8	61	23	8
Чердынский (1899)*	2	58	26	14
Шадринский (1900)	10	61	22	7

Составлено по: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С. 45, 140.

*Данные подворной переписи Чердынского уезда 1899 г. основаны на 20%-й выборке «типичных хозяйств», осуществленной земскими специалистами.

Таблица 11

Рождаемость, смертность и естественный прирост в Пермской губернии в 1881–1913 гг., ‰

Годы	На 1000 человек приходилось		
	родившихся	умерших	естественный прирост
1881–1885	56,7	45,0	11,7
1886–1890	55,1	44,2	10,9
1891–1895	53,6	41,8	11,8
1896–1900	55,9	40,9	15,0
1901–1905	54,8	40,8	14,0
1906–1910	57,7	41,3	16,4
1911–1913	55,2	42,2	13,0

Составлено по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 168, 188, 218.

В конце XIX в. население Пермской губернии заметно отличалось от населения европейской части России более высоким уровнем рождаемости, смертности и брачности (табл. 11). А.Г. Рашин приводит данные переписи 1897 г., согласно которым доля замужних женщин в возрасте 15 лет и старше по 50 губерниям Европейской России составляла 62,6%, в то время как в Пермской она была равна 65,2%.

Средний возраст вступления в первый брак в исследуемый период для женщин определялся в 16–18 лет, а для мужчин в 18–20 лет или в 25–26 лет – после отбытия воинской повинности. С точки зрения русского земледельца XIX – начала XX в., брак – главное условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Подобные взгляды крестьян определялись экономическими и правовыми условиями. Неженатый крестьянин не мог получить земельный надел – главный источник средств существования. Также крестьянское хозяйство могло нормально функционировать лишь при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как оно основывалось на половозрастном разделении труда. По воззрениям крестьян, «мужик» не должен делать женской работы, а «баба» – мужской. Вся работа по дому, бытовое обслуживание мужчины считалось делом женских рук. Полевая же работа лежала в основном на мужских плечах, хотя и здесь не обходилось без помощи женщины, например, при уборке урожая. Только вместе крестьянин и крестьянка могли вести полноценное хозяйство, способное нормально функционировать и удовлетворять материальные потребности обоих³⁴.

Расчеты О.В. Марченко, использовавшей для оценки факторов рождаемости индексы Коула, показали, что более высокая доля женщин, состоявших в браке в 1896–1897 гг., определяла более высокий уровень рождаемости как в сельской, так и в городской местности Пермской губернии по сравнению с европейской частью России³⁵. Стремлению родителей рожать детей столько, сколько возможно, способствовал высокий уровень детской и младенческой смертности. Опасения остаться бездетными, а также страх перед большой смертностью новорожденных и малышей поддерживали намерение родителей рожать детей как бы «с запасом». Пермская губерния отличалась высокой детской смертностью. Так, в 1887–1896 гг. из каждой 1000 родившихся умирало в возрасте до 1 года 545 детей, тогда как в среднем по европейской части России умирало 432, а в 1908–1910 гг. эти показатели составляли 320 и 253 соответственно³⁶.

Анализ динамики изменений младенческой смертности в Кунгурском, Камышловском, Ирбитском, Екатеринбургском, Верхотурском уездах за 1894–1915 гг., проведенный Г.Е. Корниловым, указывает на некоторое снижение младенческой смертности. В то же время данная тенденция не обладала устойчивостью. Значительное влияние на нее оказывали социально-эконо-

мические факторы. Снижение младенческой смертности в 1904, 1906 и 1907 г. сменилось повышением до 398‰ в 1912 г., ставшим следствием неурожая предыдущего года. Трудности Первой мировой войны дали новый, причем небывалый, подъем – в 1915 г. младенческая смертность на Среднем Урале составила 490‰. В 1907 г. при средней величине младенческой смертности в 315‰ в сельскохозяйственных уездах она была гораздо выше: в Камышловском – 417, а в Ирбитском – 435‰³⁷.

В этот период практически никаких мер к сокращению младенческой смертности не предпринималось. К данной проблеме в Пермской губернии привлекали внимание земские врачи. Одним из способов выступала разработка средствами статистики имеющейся в распоряжении исследователей информации о случаях смертности среди детей. Предпринятый медицинскими работниками ретроспективный анализ показателей детской смертности показывал, что колебания числа детских смертей имели резко выраженный сезонный характер. Детская смертность достигала максимума во время «страды» (сенокоса и жатвы), которая оказывала влияние даже на городских жителей. Для детей, считал врач Чердынского уезда М.М. Чашницкий, «июль, август представляются самыми страшными месяцами». «Летом дети мрут, как мухи, и это есть наше величайшее зло», – вторил ему изучавший смертность в г. Ирбите врач П.Н. Серебрянников. По его расчетам, максимум общей смертности совпадал с максимумом детской, в обоих случаях выпадая на июль³⁸.

Определенный интерес для анализа причин младенческой и детской смертности представляют материалы опроса, проведенного на территории Пермского уезда в 1911 г. под руководством земского врача Е.С. Карнаухова (табл. 12). В ходе исследования земскими врачами были опрошены 549 женщин в возрасте от 23 до 70 лет. Для анализа результатов все респонденты были распределены на три возрастные группы: 1 – женщины от 23 до 30 лет (52 чел.), 2 – от 30 до 45 (308), 3 – женщины старше 45 лет (189). Данные свидетельствовали, что женщины из группы 1 родили 242 ребенка, в среднем 5,1 на одну женщину, осталось в живых 88 детей, остальные 63,6% рожденных умерли в детском возрасте. В группе 2 на каждую женщину приходилось 8,7 рождений. Из 2554 рожденных детей умерло 65,3%. В группе 3 на каждую женщину приходилось 9,3 рождения, доля умерших детей составляла 67,4%.

Таблица 12

**Результаты врачебного опроса крестьянок Пермского уезда
о рождении детей (1911 г.)**

Группы данных, полученных в ходе опроса	Возрастная группа, лет			Всего
	1 (23–29)	2 (30–44)	3 (45–70)	
Количество опрошенных женщин	52	308	189	549
Количество рожавших женщин	47	294	176	517
Средний возраст опрошенных женщин	27	36	53	–
Средняя продолжительность жизни в браке	8	16	31	–
Число рожденных детей	242	2554	1639	4435
Среднее количество рожденных матерью детей	5,1	8,7	9,3	8,6
Количество умерших детей	154	1668	1105	2927
Количество детей, оставшихся в живых	88	886	534	1508
Доля умерших детей, %	63,6	65,3	67,4	66,0

Составлено по: ГАПК. Ф. ФПИ. Д. 11. Л. 4 об. (Карнаухова Е.И. К вопросу о детской смертности в Пермском уезде. Пермь, 1912).

Отклонения от средней величины рождений были достаточно значительными. На территории Ильинского врачебного участка была опрошена женщина, имевшая 23 ребенка. Врач, анализируя эту ситуацию, указывает, что это не могло не сказаться на состоянии здоровья матери и ее детей: «Истощенная сама, она могла дать только слабое, истощенное потомство». Не были редкими случаи, когда на одну женщину приходилось по 14, 15, 16 и даже 17 рождений. Только 8,2% женщин Ильинского врачебного участка имели по одному ребенку, причем большинство из них указывали в качестве причины этой ситуации послеродовую травму и последующее бесплодие. Перерывы между рождениями у основной части женщин были незначительны, что также негативно влияло на выживаемость младенцев.

Основными причинами высокой смертности в младенческом возрасте медицинские специалисты считали несоблюдение населением элементарных правил кормления и ухода за новорожденными, неудовлетворительное состояние санитарно-бытовых условий жизни населения³⁹.

Характеристика крестьянства, очевидно, была бы неполной, если не коснуться образования и грамотности – основных показателей культурной трансформации села. Образованные крестьяне, по мнению земства, были более восприимчивы к нововведе-

ниям и как следствие экономически благополучнее⁴⁰. Следует отметить, что по рассматриваемому вопросу мы не располагаем сплошными сопоставимыми динамическими показателями за длительный период. Материалы подворных переписей и первой всеобщей переписи населения 1897 г. дополняют анкетные исследования земства.

Доля грамотности населения обоих полов в Пермской губернии, по данным переписи 1897 г., составляла 19,2% и была несколько ниже, чем средний показатель по России (21,1%). Грамотность крестьянства была наименьшей в сравнении с другими сословными группами, причем следует отметить резкое различие в грамотности мужчин и женщин. Для первых этот показатель составил 26,4%, для вторых – 8,8%⁴¹.

Низкий уровень грамотности женского населения объясняется взглядом крестьянства на место женщины в жизни семьи. Образование для них считалось не только не обязательным, но и лишним. Земским анкетным исследованием было выяснено, что «если громадное большинство населения относится сочувственно к обучению мальчиков, то нельзя то же сказать относительно обучения девочек». Некоторые из корреспондентов заявляли, что «обучать девочек каждую не стоит». Типичными по смыслу были высказывания: «Для чего бабе быть грамотной, ведь у печи с кочергой и ухватом много знания не требуется, а в солдаты баб не берут»⁴².

Распределение грамотного крестьянского населения по возрастным группам позволяет выделить следующие особенности: наибольшая доля грамотного населения приходилась на возрастную группу школьного и юношеского возраста – 47,9 и 19,6% для мужчин и женщин соответственно. По мере увеличения возраста доля грамотного крестьянского населения неуклонно снижалась. Так, если для возрастной группы 10–19 лет она составляла 33,3%, то для населения старше 60 лет она была равна 7,0%. Данная тенденция объясняется возрастанием количества детей и подростков, посещавших школу.

Территориальное распределение населения по уровню грамотности также являлось неравномерным (табл. 13). Грамотность крестьянского населения Пермской губернии обуславливалась уровнем социально-экономического развития уезда. Наиболее высокая доля фиксировалась вблизи губернского центра, в Пермском уезде количество грамотных мужчин составляло

Таблица 13

**Грамотность крестьянского населения
Пермской губернии в 1897 г., %**

Уезд	Мужчины	Женщины	Оба пола
Верхотурский	33,0	14,4	23,7
Екатеринбургский	29,4	12,4	20,5
Ирбитский	29,5	6,5	17,8
Камышловский	22,0	5,1	13,1
Красноуфимский	26,2	9,8	17,7
Кунгурский	29,2	7,5	17,6
Осинский	23,6	6,3	14,6
Оханский	20,9	5,7	12,8
Пермский	35,4	14,6	24,9
Соликамский	24,7	8,6	16,2
Чердынский	20,1	3,9	11,8
Шадринский	20,9	6,2	13,2
По губернии	26,4	8,8	17,2

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Т. 31. СПб., 1904. С. 62–86.

35,4%, женщин – 14,6%. Наименьший уровень грамотности был характерен для «глухого медвежьего угла» губернии – Чердынского уезда. Доля грамотного крестьянского населения для уездов с развитой горнозаводской промышленностью была более высокой. Росту образования в среде крестьянства способствовало вовлечение крестьян в сферу рыночных отношений – в самых разнообразных формах, в том числе в виде отхода на постоянные или временные заработки, что было свойственно для промышленно развитых территорий. Побудительными мотивами получения образования выступали сугубо утилитарные цели: необходимость элементарных хозяйственных подсчетов, участие в делах общества, льготы по отбыванию воинской повинности, для поступления на службу и торговли⁴³.

Крестьянство составляло основной контингент формировавшейся с 1874 г. массовой армии, поэтому данные о грамотности новобранцев представляют определенный интерес, хотя эти показатели не являлись характерными для всего населения. Они отражают изменения в динамике грамотности мужчин в возрасте 20–24 лет, наиболее трудоспособной и экономически активной группы населения⁴⁴. Доля грамотных, принятых на военную службу в Пермской губернии, за период с 1874 по 1904 г. увели-

Таблица 14

**Количество грамотных и полуграмотных крестьян Пермской губернии
по данным подворных переписей 1883–1913 гг., %**

Уезд	Годы исследования	Мужчины	Женщины	Оба пола
Чердынский	1883–1886	7,5	0,5	4,0
Екатеринбургский	1885–1887	15,1	3,6	9,2
Красноуфимский	1888–1891	14,2	3,3	8,7
Оханский	1890–1891*	8,8	1,6	4,9
Верхотурский	1901	28,7	9,8	19,1
Екатеринбургский	1900	24,8	8,2	16,4
Ирбитский	1900	24,8	4,0	14,3
Шадринский	1900	14,6	2,2	8,3
Екатеринбургский	1912	38,8	17,6	28,2
Оханский	1913	38,5	12,5	25,2

Составлено по: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С. 42–45, 136–141; Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. / Сост. Е.И. Красноперов. Вып. 1. Пермь, 1896. С. 189–190; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Пермь, 1912. С. 10; Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915. С. 129–130.

*Данные разработаны и опубликованы только по 9 из 47 волостей уезда.

чивалась. По данным за первое десятилетие (1874–1883 гг.), доля грамотных призывников была равна лишь 17%. В 1894 г. уровень грамотности среди призывников увеличился до 38%, к 1904 г. он составил 50%, а к 1912 г. грамотными были 62% призванных⁴⁵. Несмотря на значительное повышение грамотности новобранцев, доля неграмотных среди рассматриваемой группы составляла более 1/3.

Подворные исследования фиксируют следующие данные о грамотности населения (табл. 14). Уровень крестьянской образованности варьировался в зависимости от степени социально-экономического развития уезда. Наибольшая доля грамотных наблюдалась в промышленно развитых Красноуфимском, Верхотурском и Екатеринбургском уездах, наименьшая – в сельскохозяйственном и лесопромышленном Шадринском и Чердынском. Для 1880-х гг. уровень грамотности крестьянского населения не достигал 1/10 части населения, а по данным за 1900–1901 гг. в промышленно развитых уездах он был равен примерно 1/4.

Современники отмечали, что обучение не всегда гарантировало получения даже элементарных умений письма, чтения, счета, а знания зачастую в дальнейшем частично утрачивались, что приводило к феномену полуграмотности. Н.А. Клепинин в запи-

ске «Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности Пермской губернии» сообщал: «Необходимо, следовательно, всеобщее обучение. Касаясь его, я не могу не высказать, что настоящая народная школа сравнительно очень мало результативна, что я отношу к краткости курса, с одной стороны, и к слишком раннему ее окончанию по возрасту, с другой стороны. Дети 11 лет, кончающие школу, слишком молоды, чтобы через 10 лет воспользоваться знаниями, преподанными им в школе; они большею частью возвращаются в свою среду и прерывают всякую связь со школой и с преподанным им в ней, и многие кончают тем, что к призывному возрасту лишь кое-как подписывают свои имена...»⁴⁶.

Развитие школьной сети, в частности за счет земства, способствовало увеличению уровня грамотности в крестьянской среде. Сопоставимые данные по Екатеринбургскому уезду фиксируют повышение уровня грамотности населения с 9,2% в 1885–1887 гг. до 28,2 в 1912. Несмотря на возрастание количества грамотного крестьянского населения в 3 раза, лишь чуть более 1/4 населения обладали элементарными знаниями. Для мужчин этот показатель составил 75 918 человек, или 38,8%, для женщин – 34 555, или 17,6⁴⁷.

Если учитывать грамотность населения старше 8-летнего возраста, то соответствующие величины 1912 г. составляют, %: для мужчин – 51,0, для женщин – 23,2. Причем наиболее высокая доля грамотности была в подгородных волостях и на горнозаводских территориях⁴⁸. Всего в уезде зарегистрированы 10 562 учащихся мужского пола и 6137 женского. В возрасте 8–10 лет получали начальное образование 74,0% лиц мужского пола и 43,5% женского. По типам школ учащиеся распределялись следующим образом, %: в земских школах обучалось 74,0, министерских – 5,2, церковно-приходских – 10,0, других учебных заведений – 10,8⁴⁹.

Несмотря на существенное значение массовых статистических данных о грамотности сельского населения Екатеринбургского уезда, эти показатели не могут быть приняты в качестве типичных для характеристики грамотности всего крестьянства губернии, так как сведения по Екатеринбургскому уезду могли в значительной степени превышать таковые по всей губернии.

Оханский уезд в отличие от Екатеринбургского являлся преимущественно сельскохозяйственным. Уровень грамотности для всего уезда в 1913 г. составлял 25,2%; для мужчин – 38,5%, а для

женщин – 12,5%. Уровень грамотности населения заводских волостей был значительно выше. Особенно резко эти волости выделялись уровнем женской грамотности, доходившим до 45,7%, почти в 4 раза превышая средний показатель по уезду. Дети школьного возраста, а это, по данным переписи, население в возрасте 8–12 лет, получали начальное образование преимущественно в земских школах (86,7%), 8,0% – в церковно-приходских и 5,3% – в школах других учреждений. Из мальчиков школьного возраста посещали школу 88%, а из девочек – 43%.

Согласно мнению земских статистиков, наиболее важным из факторов, задерживавших распространение грамотности, являлась потребность крестьянского хозяйства в рабочей силе подростков и детей. Рост обеспеченности хозяйства рабочей силой вызывал определенное увеличение грамотности, причем возрастание грамотности мужчин было более явным, чем женщин. Относительное материальное благополучие (выражавшееся в количестве земли на душу и рабочих лошадей на хозяйство) заметного влияния на повышение доли грамотных не оказывало.

Таким образом, крестьянское население Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. последовательно возрастало и характеризовалось типом воспроизводства, присущим традиционному аграрному социуму. Крестьянская семья имела достаточно стабильный половозрастной состав – как во временном, так и в территориальном отношении, представляя органичную структуру производителей и потребителей. Уровень грамотности, во многом определявший потенциальные возможности хозяйственного развития, варьировался в зависимости от степени промышленного развития территории, а также от обеспеченности хозяйства трудовыми ресурсами.

1.2. ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА

Важнейшим фактором в жизни российского и уральского крестьянства, аграрных обществ в целом является вопрос о земле. Земля – основной природный ресурс сельскохозяйственного производства, поэтому исследование крестьянского хозяйства невозможно без изучения землевладения и землепользования. На Урале развитие горнозаводской промышленности заложило

специфическую систему земельных отношений. Землевладение в Пермской губернии, территория которой была сердцем уральского старопромышленного региона, к концу XIX в. во многом имело сложившуюся структуру.

При изучении землевладения и землепользования необходимо обращаться прежде всего к статистическим публикациям, потому что данные статистического учета в них уже обработаны, приведены в определенную систему. Сведения о землевладении, собранные и опубликованные ЦСК МВД, – наиболее массовые как по составу, так и по широте охвата исследуемого явления. Для того чтобы проанализировать изменения в земельной собственности, правительство периодически прибегало к переписям поземельной собственности. Было организовано всего три переписи: в 1877, 1887 и 1905 г.⁵⁰

Основными землевладельцами в Пермской губернии являлись государство, частные собственники и крестьянские общины, величина владений которых постоянно изменялась (табл. 15). Согласно исследованию 1877–1878 гг., подавляющее количество земли в крае принадлежало государству (52,6% от всей площади губернии). Затем шли частные собственники, им принадлежало 29,0% территории. Во владении и пользовании крестьянских обществ находилось 18,4% площади. Государственная, а также незначительная собственность удела (в 1877–1878 гг. – 0,3%) представляла наибольшую долю в земельном фонде губернии. Но площадь государственных земель постепенно уменьшалась (на 11,6% к 1905 г.). В то же время увеличивалась территория, находившаяся во владении и

Таблица 15

Распределение земельной собственности Пермской губернии по основным категориям владений в 1877–1905 гг., %

Годы исследования	Казенных, удельных и других учреждений	В собственности и пользовании крестьянских обществ	В частной собственности
1877–1878	52,6	18,4	29,0
1887	47,2	25,6	27,2
1905	40,0	29,1	30,9

Составлено по: Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. Статистический временник Российской империи / Сост. Г.Г. Ершов. Сер. 3. Вып. 10. СПб., 1886. С. 73; Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Статистика Российской империи. Пермская губерния. Сер. 22. Вып. 32. СПб., 1897. С. 12–13; Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 36.

пользовании крестьянских обществ (прирост на 9,1%). Размер частного землевладения на протяжении 1877–1905 гг. оставался достаточно стабильным и претерпел незначительные изменения. Перепись 1887 г. фиксирует уменьшение доли частного землевладения на 1,8%: в 1905 г. она составила 30,9%, что превышало уровень 1877 г. только на 0,1%. Таким образом, частная земельная собственность в структуре землевладения сохраняла прежний уровень.

Социальные поземельные отношения, выражавшие сущность правовой и экономической трансформации общества, отражались в структуре частного землевладения. Согласно поземельным переписям, оно подразделялось на личное и коллективное, находившееся в собственности компаний, товариществ. Масштабы и структура частного землевладения в Пермской губернии в 1877–1905 гг., как указано ранее, были относительно стабильными. Доля дворянского землевладения продолжала оставаться наибольшей по сравнению с таковыми других сословных групп землевладельцев. Поземельная перепись 1905 г. фиксирует увеличение дворянского землевладения относительно общей площади губернии на 0,6%, а относительно других сословных групп собственников – на 5,4% (табл. 16). Вторая по объему землевладения сословная группа в Пермской губернии – купечество – сокращала площадь землевладения. Крестьяне всех категорий фактически не имели частной земельной собственности. К 1905 г. доля крестьян, лично владевших землями, составляла всего 0,3%.

Таблица 16

Распределение частной личной собственности по сословным группам в 1877–1905 гг., %

Сословная группа	Доля от общей площади губернии		Доля от площади частного личного землевладения	
	1877–1878 гг.	1905 г.	1877–1878 гг.	1905 г.
Дворянство	22,9	23,5	86,6	92,0
Купечество	3,5	1,9	13,4	7,6
Крестьянство	0,1	0,0	0,0	0,3
Прочие	0,0	0,0	0,0	0,1
Всего	24,9	27,0	100,0	100,0

Составлено по: Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 10–13.

Таблица 17

**Отношение частной и наделной крестьянской земельной собственности
к общей площади земельных владений в 1877–1905 гг., %**

Уезд	1877–1878 гг.		1905 г.	
	Частное	Надельное	Частное	Надельное
Верхотурский	27,2	4,1	31,9	9,6
Екатеринбургский	63,4	9,6	51,2	26,8
Ирбитский	26,8	45,6	12,8	73,2
Камышловский	–	39,4	0,4	66,3
Красноуфимский	49,5	25,1	48,5	38,8
Кунгурский	10,4	23,2	14,9	41,5
Осинский	22,4	32,4	12,9	64,8
Оханский	40,1	39,6	36,0	55,1
Пермский	66,7	17,3	73,6	18,9
Соликамский	59,4	15,8	60,1	18,8
Чердынский	–	3,8	7,2	9,1
Шадринский	0,5	70,8	0,3	80,3
По губернии	28,4	20,0	30,9	29,1

Составлено по: Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. Статистический временник Российской империи / Сост. Г.Г. Ершов. Сер. 3. Вып. 10. СПб., 1886. С. 73; Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 10–11.

Всего в Пермской губернии в 1905 г. насчитывалось 586 личных земельных владений. В среднем размер одного дворянского имения составлял 67 893,9 дес., у купцов – 7239,7, иностранных подданных – 354,0, мещан – 105,8, крестьян – 54,1, прочих – 16,0, духовных лиц – 3,8 дес.⁵¹

Поуездная структура частной земельной собственности в 1877–1878 гг. также была неравномерной (табл. 17). Наибольшее количество земли в частном владении было в Пермском (66,7%), Екатеринбургском (63,4) и Соликамском (59,4) уездах. В то же время отсутствовало частное землевладение в Камышловском и Чердынском, а в Шадринском уезде оно составляло только 0,5% от площади всех земельных владений. По данным на 1905 г., структура частной земельной собственности в основном соответствовала показателям переписи 1877 г. Значительные изменения произошли лишь вблизи крупных городских центров губернии – Перми и Екатеринбурга. Так, по Пермскому уезду доля частного землевладения возросла до 73,6% (1877 г. – 66,7%), а в Екатеринбургском, наоборот, уменьшилась до 51,2 (1877 – 63,4), что было связано с приобретением части земель

Таблица 18

**Коллективная частная собственность Пермской губернии
в 1877–1905 гг., дес., %**

Категория владельцев	1877–1878 гг.		1905 г.	
	Абсолютно, дес.	Доля в частном землевладении, %	Абсолютно, дес.	Доля в частном землевладении, %
Крестьянские общества	1070	0,0	1040	0,0
Крестьянские товарищества	–	–	99 216	1,1
Торгово-промышленные общества	754 307	8,9	1 449 160	16,4
Прочие общества	–	–	978	0,0
Всего	755 377	8,9	1 550 394	17,5

Составлено по: Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 37.

общинами. Доля общинной наделной земли по Екатеринбургскому уезду увеличилась в 2,8 раза, составив 26,8%.

Коллективная частная собственность в Пермской губернии с 1877 по 1905 г. увеличилась почти в 2 раза, причем главную роль здесь играли торгово-промышленные общества (компании). Крестьянское землевладение в этой подгруппе частных владельцев было более чем скромным. Новым веянием стало появление в качестве земельного собственника крестьянских товариществ, площадь землевладения которых в 1905 г. составила 1,1% от общей площади частного землевладения губернии – 99 216 дес. (табл. 18).

Особенностью землевладения на Урале, с одной стороны, являлось преобладание государственных земель (огромные лесные площади), поэтому Пермская губерния относилась к так называемым «недворянским» губерниям. Но с другой стороны, в структуре частного (дворянского) землевладения доминировали крупнейшие собственники, владельцы обширных горнозаводских дач, что было наследием окружной системы. По архивным данным, на 1886 г. в Пермской губернии насчитывалось 79 дворянских имений с общей земельной площадью 6,1 млн дес. Более половины дворянского землевладения сосредоточивалось в Пермском и Соликамском уездах. Наиболее крупными земельными участками дворянство владело на основе посессионного права – свыше 1,2 млн дес. Это были четыре владения: наследников П.П. Демидова князя Сан-Донато, наследников действительного статского советника С.С. Яковлева, наследников

П.С. Яковлева, графини Н.А. Стенбок-Фермор⁵². Частное, преимущественно дворянское, землевладение носило латифундальный характер, земельные ресурсы практически не использовались для сельскохозяйственного производства⁵³.

Сельскохозяйственные угодья в структуре частного землевладения занимали незначительное место. В частном владении, по данным 1887 г., находилось 2,8% пашенных земель, более значительной была доля сенокосных и пастбищных угодий – 17,0%. Основным пользователем земель сельскохозяйственного назначения являлось крестьянство. В составе наделной крестьянской земли было 93,2% пахотной земли губернии, 71,0% сенокосных и пастбищных угодий. Остальные категории собственников – удел, города, монастыри и церкви, разные учреждения – располагали крайне малыми площадями сельскохозяйственных земель⁵⁴.

Общая площадь территорий, используемых крестьянством, составляла немногим более 1/4 всего земельного фонда губернии. В то же время доля посевов на крестьянских землях в 1881 г. составляла 91,6%, а по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. – 99,5%⁵⁵. Таким образом, сельскохозяйственное производство велось преимущественно на землях, находившихся во владении и пользовании крестьян, а частное землевладение имело промышленное значение.

Сложившаяся система землевладения подвергалась критике в периодической печати конца XIX в.: «По величине площади владения преобладающей в группе личной собственности является именно крупная. Таких крупных участков ни одна губерния, кроме Пермской, не знает. Мелкая личная собственность почти отсутствует. Не распаханными у частных собственников остаются больше 97% всей принадлежащей им земли. Наконец, только одну пятую часть губернии занимают крестьянские наделные земли, господствуя над другими разрядами только в Шадринском и Ирбитском уездах. Тогда как в других местностях России господствуют средние наделы от 3 до 4, от 4 до 5 дес., в Пермской губернии большинство наделов равняется 1 дес., достигая в некоторых волостях, например, Соликамского и Чердынского уездов 0,8; 0,6 и даже 0,26. Горнозаводское население всюду осталось без наделов и часто даже без выгонов... Ненормальность распределения земельной собственности настолько же очевидна, насколько настоятельна и потребность в примирении таких противоречий, как страшное малоземелье, грозящее пролетариа-

том, с одной стороны, и пустынность, масса бесплодно лежащих свободных земель – с другой»⁵⁶.

Земельный вопрос на Урале, в Пермской губернии заключался как в обеспеченности угодьями горнозаводского (индустриального) населения⁵⁷, так и в положении собственно крестьянства. В связи с этим возникает вопрос: имело ли место малоземелье в слабозаселенной Пермской губернии? И насколько был обеспечен землей отдельный крестьянский двор?

Крестьянство – как наиболее многочисленная, но непривилегированная сословная группа – оставалось фактически не включенным в поземельные рыночные отношения. Ни общинное, ни подворное владение, согласно действовавшим нормам гражданского права, не являлись частной собственностью. Вся наделная земля представляла собой фонд, который должен был служить материальной основой для решения государственной задачи – обеспечения существования крестьянства. Отдельные части этого фонда предоставлялись общинам или дворам. Каждый крестьянин должен был быть членом общины или двора, в этом случае он получал земельный надел⁵⁸.

Землеобеспеченность крестьян (разных категорий) Пермской губернии была неравномерной (табл. 19). В худшем положении оказались бывшие помещичьи крестьяне. Если принимать норму надела в 15 дес. (при экстенсивной трехпольной системе полеводства), то земли им явно не хватало. В 1877–1878 гг.

Таблица 19

Обеспечение земель домохозяйств по величине надела и категориям крестьян в 1877–1905 гг., %

Размер надела, дес.	1877 г.			1905 г.		
	Бывшие помещичьи	Бывшие государственные	Бывшие удельные	Бывшие помещичьи	Бывшие государственные	Бывшие удельные
1 и менее	20,5	1,7	0,0	9,7	0,5	0,0
1–5	35,0	38,2	47,2	23,9	8,5	4,8
5–10	40,0	41,5	39,4	19,4	4,5	37,3
10–15	4,4	16,2	9,3	31,7	15,1	41,2
15 и более	0,1	2,4	4,2	15,3	71,3	16,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 10 / Сост. Г.Г. Ершов. СПб., 1886. С. 44–61; Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 34.

среди них группа с наделом более 15 дес. составляла лишь 0,1%, еще 4,4% дворов обладали наделом в 10–15 дес., зато у 40,0% дворов было по 5–10 дес., наделами в 1–5 дес. обладали 35,0% хозяйств, а менее 1 дес. – 20,5%. Согласно данным за 1905 г., доля домохозяйств среди бывших помещичьих крестьян с наделом свыше 15 дес. увеличилась до 15,3%.

В целом по Пермской губернии удельный вес дворов с наделом свыше 15 дес. возрастал среди всех категорий крестьянства (табл. 20–22). У бывших государственных крестьян – с 2,4 до

Таблица 20

Землеобеспеченность крестьянских дворов бывших помещичьих крестьян в 1877–1905 гг., %

Размер надела, дес.	1877 г.			1905 г.		
	Общин	Дворов	Десятин	Общин	Дворов	Десятин
1 и менее	8,0	20,5	1,5	4,0	9,7	0,3
1–5	24,6	35,0	23,5	10,2	23,9	7,2
5–10	59,8	40,0	64,0	25,5	19,4	17,2
10–15	7,4	4,4	11,0	39,5	31,7	43,3
15 и более	0,2	0,1	0,0	20,8	15,3	32,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 34; Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 10 / Сост. Г.Г. Ершов. СПб., 1886. С. 44–49.

Таблица 21

Землеобеспеченность крестьянских дворов бывших государственных крестьян в 1877–1905 гг., %

Размер надела, дес.	1877 г.			1905 г.		
	Общин	Дворов	Десятин	Общин	Дворов	Десятин
1 и менее	1,1	1,7	0,1	0,3	0,5	0,0
1–5	36,4	38,2	19,2	2,4	8,5	1,6
5–10	43,2	41,5	45,7	3,8	4,5	1,9
10–15	15,6	16,2	28,8	15,7	15,1	10,7
15 и более	3,8	2,4	6,1	77,9	71,3	85,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 34; Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 10 / Сост. Г.Г. Ершов. СПб., 1886. С. 56–61.

Таблица 22

Землеобеспеченность крестьянских дворов бывших удельных крестьян в 1877–1905 гг., %

Размер надела, дес.	1877 г.			1905 г.		
	Общин	Дворов	Десятин	Общин	Дворов	Десятин
1 и менее	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
1–5	42,9	47,2	35,5	6,7	4,8	1,2
5–10	46,4	39,4	35,9	31,1	37,3	24,8
10–15	8,9	9,3	17,2	40,0	41,2	36,2
15 и более	1,8	4,2	11,4	22,2	16,7	37,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 34; Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 10 / Сост. Г.Г. Ершов. СПб., 1886. С. 50–55.

71,3%, бывших удельных – с 4,2 до 16,7. При сохранявшейся нехватке земли для значительной части крестьянства сопоставление данных переписей 1877–1878 и 1905 г. указывает на увеличение обеспечения земель крестьянского двора, что связано с процессом отмежевания сельским обществам предназначавшейся им земли при отмене крепостного права.

Процесс землеустройства в Пермской губернии имел затяжной и длительный характер. Поземельное устройство государственных крестьян определялось указом от 24 ноября 1866 г.⁵⁹ Для его осуществления все 36 губерний с государственными крестьянами делились на 4 группы, для которых назначались разные сроки выдачи документов на право владения отводимой землей – владенных записей. Пермская губерния вместе с Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Оренбургской, Уфимской была отнесена к третьей группе, где срок, определенный для отвода земельных наделов, превышал 6 лет. Но и к моменту перевода бывших государственных крестьян с оброчной подати на выкуп (1886 г.) их поземельное устройство все еще продолжалось. За прошедшие после 1886 г. десятилетия дело мало продвинулось вперед, землеустроительные работы в Пермской губернии продолжались⁶⁰.

Работы по землеустройству бывших государственных крестьян, согласно данным Земского отдела МВД, не были окончены в Пермской губернии до начала столыпинской аграрной реформы⁶¹. В «Справке о поземельном устройстве бывших госу-

дарственных крестьян Пермской губернии» за 1912 г. сообщает: «Завершение поземельного устройства государственных крестьян в означенной губернии (Пермской. – С.П.) производится и в настоящее время частью крестьянскими учреждениями, в распоряжении коих имеются для сей цели два землемера, частью поземельноустроительным отрядом на Урале, которому дела эти переданы Губернским присутствием в прежнее время для исполнения»⁶².

Средние уездные данные по обеспеченности крестьянских дворов наделной землей показывают, что в 1877–1878 гг. наделом свыше 15 дес. и более располагали дворы в Камышловском, Красноуфимском, Кунгурском, Чердынском и Шадринском уездах, где находилось 28,3% крестьянских хозяйств губернии (см. приложения, табл. 2). В 1905 г. средний надел на двор в 15 дес. и выше фиксируется в семи уездах: Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском, Кунгурском, Осинском, Чердынском, Шадринском, в которых находилось 53,9% всех крестьянских дворов губернии.

Ограниченное землепользование, по словам видного земского специалиста В.В. Грибеля, приводило к значительному увеличению пашни, в том числе за счет распахки других угодий, что в свою очередь вело к дисбалансу в системе землепользования: «Результатом этого является истощение почвы и периодические неурожаи, появление вредных для хлебов насекомых... Таким образом, недостаточность наделов является одной из коренных причин низкого экономического уровня населения»⁶³. Ситуацию усложняли чересполосная система общинного землепользования и нерациональная система сельской поселенческой сети, характеризовавшаяся относительной многолюдностью населенных пунктов со значительной удаленностью друг от друга, что затрудняло использование отдаленных полевых участков, увеличивая нагрузку на близлежащие полевые угодья⁶⁴.

Характерной чертой крестьянского землевладения была дробность участков. Следует при этом различать два вида дробности земель: один – как следствие распределения наделной земли между самими крестьянами, другой – как результат отмежевания наделной земли помещиками, казной и уделами. Тем самым создавалась парадоксальная ситуация – относительное малоземелье в слабозаселенной Пермской губернии.

Таблица 23

Размер арендованной земли и сроки аренды относительно наделного земельного фонда крестьянских хозяйств Пермской губернии в 1898–1901 гг., %

Уезд	Год	Арендующие хозяйства	Арендовано земли		Срок аренды	
			пашня	сенокос	долгосрочная	на 1 год
Верхотурский	1901	23,0	10,2	8,2	48,9	51,1
Екатеринбургский	1900	37,5	42,7	38,4	68,1	31,9
Ирбитский	1900	41,4	15,2	14,5	63,0	37,0
Кунгурский	1898	31,6	5,9	6,7	23,0	77,0
Шадринский	1900	43,0	18,7	19,0	23,8	76,2

Составлено по: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Сваницкий, З.М. Сваницкая. М., 1926. С. 136–152.

Крестьянская аренда, порожденная недостатком земли в хозяйстве, частично снимала остроту проблемы. В условиях существовавшей экстенсивной системы ведения хозяйства арендные отношения получили заметное распространение. В аренду были вовлечены значительные массы крестьян. Арендовали наделную и вненаделную землю, у своих односельчан и в соседних обществах, у частных землевладельцев, индивидуально и коллективно.

Наиболее ценные данные об аренде содержатся в земских подворных исследованиях (табл. 23). На рубеже веков в Пермской губернии, по данным подворных переписей, арендовали землю от 23 до 43% хозяйств. Срок аренды и вид арендуемых угодий определялись местными условиями. Недостаток наделной земли приводил к увеличению как площади арендуемой земли, так и сроков аренды. Из рассматриваемых уездов наибольшая площадь арендовалась в Екатеринбургском – 42,7% пашни и 38,4% сенокоса, что объясняется малой площадью наделного земельного фонда. В Шадринском уезде, с его относительным многоземельем и экстенсивным зерновым хозяйством, самой распространенной была краткосрочная аренда на 1 год. При такой арендной системе не могло быть и речи о каком-либо правильном использовании земли. Краткосрочная аренда исключала использование удобрений, что в дальнейшем приводило к истощению и эрозии почвы.

Анализ данных переписи по Оханскому уезду за 1913 г., проведенный земскими статистиками по методу комбинационных

Таблица 24

**Количество приобретенной земли в Пермской губернии
через Крестьянский земельный банк в 1883–1900 гг.**

Годы	Число покупок	Средняя цена за десятину, руб.	Количество куплен- ной земли, тыс. дес.
1883–1885	–	–	–
1886–1890	4	28	1,3
1891–1895	27	36	8,8
1896–1900	23	31	10,7

Составлено по: Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903. С. 106–107.

таблиц, показывает, что земельные участки при внутринадельной аренде сдавали хозяйства, не имевшие мужских рабочих рук и конной тяги. Вероятность аренды определялась условиями хозяйственной деятельности, главным образом это было связано с наличием рабочих рук в хозяйстве, лошадей и необходимостью прибегать к аренде при недостатке надельной земли. Основными арендаторами выступали средние по обеспеченности лошадыми группы крестьянских хозяйств (1–2 лошади на двор), но с недостаточным надельным фондом земли⁶⁵.

Одним из способов решения проблемы недостатка земли являлась ее покупка. Большинство сделок по покупке земли крестьянами совершалось через Крестьянский поземельный банк. Однако деятельность Крестьянского банка, начавшего работу в Пермской губернии с 1883 г., на первоначальном этапе не оказывала значительного влияния на земельный рынок губернии. С 1883 по 1900 г. было совершено 54 сделки, общая площадь купленной земли составила 20,8 тыс. дес. (табл. 24). До начала землеустроительных мероприятий в рамках столыпинской аграрной реформы операции Крестьянского банка оставались незначительными. Активизация деятельности банка происходит с 1906 г. В 1906 г. земельный фонд банка включал 5 имений общей площадью 51,2 тыс. дес., а к 1915 г. он составил 71 имение площадью 99,7 тыс. дес., что свидетельствует о росте банковского резерва земли почти в 2 раза. Увеличение объемов операций банка повлекло за собой рост цен на землю. Если цена десятины земли в 1906 г. при покупке у частного лица в среднем составляла 36 руб., то в 1914 г. она возросла до 65 руб. и 40 руб. при покупке из имений банка, являясь одной из самых высоких в Уральском регионе⁶⁶.

Затянувшееся государственное межевание ставило значительные преграды для рационального землепользования. Ни аренда, ни тем более покупка земли, доступная лишь экономически состоятельным хозяйствам, не снимала проблемы обеспечения земельными ресурсами.

Сложившаяся кризисная ситуация в аграрной сфере, особо остро проявившая себя в европейской части России, стала объектом рассмотрения ряда правительственных комиссий. В 1901 г. была создана комиссия для изучения уровня благосостояния крестьянского населения, а на следующий год созван специальный съезд по нуждам сельского хозяйства под председательством С.Ю. Витте. Исследовалась проблема связи форм земельной организации и состояния сельскохозяйственной экономики. Большинство комитетов пришло к выводу, что община составляет «непреодолимое препятствие» для дальнейшего развития⁶⁷.

Столыпинская аграрная реформа, ставшая ответной реакцией на сложившиеся противоречия, во главу угла ставила разрешение земельной проблемы. Для осуществления задуманного в регионах создавались специализированные организации – землеустроительные комиссии.

Особые землеустроительные комиссии создавались в России в соответствии с указом от 4 марта 1906 г. Вновь учреждаемые комиссии находились в ведении Комитета по землеустроительным делам Главного управления землеустройства и земледелия, преобразованного указом 6 мая 1905 г. из Министерства земледелия и государственных имуществ. Комитету предоставлялось право открывать уездные и губернские комиссии, осуществлять общее руководство их деятельностью, определять порядок действия землеустроительных комиссий⁶⁸.

Согласно упомянутому указу, в Пермской губернии в 1907 г. были созданы пять уездных комиссий: Красноуфимская, Осинская, Шадринская, Соликамская, Камышловская. Общее руководство землеустройством осуществляло Пермское губернское присутствие⁶⁹. В последующие годы комиссии открывались постепенно в связи с увеличением объемов работ по землеустройству. В 1909 г. была открыта землеустроительная комиссия в Оханском уезде, а в начале 1911 г. – в Пермском и Ирбитском. В конце 1911 г. последовало открытие землеустроительных комиссий в остальных уездах губернии: Верхотурском, Екатеринбургском, Кунгурском и Чердынском.

В процессе реорганизации была создана Губернская землеустроительная комиссия. Она была открыта 20 августа 1909 г., до этого функции ее выполнялись Пермским губернским присутствием. С этого момента для нее был установлен штат служащих и землемерных чинов, на содержание которых выделялись денежные средства. Комиссия проводила совещания под предводительством губернатора, контролировала расход средств, выделенных на оказание материальной помощи при землеустройстве⁷⁰.

Землеустроительные работы в Пермской губернии имели два основных направления: единоличное – участковое – и групповое землеустройство. Первое делилось на два основных типа: хуторское и отрубное хозяйство. В основе их различия лежит признак близости усадьбы и используемой в хозяйстве земли. Под хуторским хозяйством понималось такое, в котором вся земельная площадь или важнейшая ее часть составляла один участок, включавший в себя усадебный центр хозяйства, являвшийся местом жительства семьи, местом нахождения построек и местом постоянного содержания скота. При отрубном хозяйстве усадьба как организационно-хозяйственный центр, место жительства семьи, была расположена обособленно, на определенном расстоянии от основного участка земли⁷¹. Групповое землеустройство было связано с разграничением земельных угодий между отдельными крестьянскими общинами и селениями, а также между крестьянскими общинами и прочими категориями землевладельцев: частных собственников, удела и государства.

Активные землеустроительные мероприятия проводились до начала Первой мировой войны, в дальнейшем они пошли на спад. В соответствии с постановлением Совета министров от 1 августа 1914 г., основной задачей Главного управления землеустройства и земледелия становится обеспечение продовольствием и фуражом действующей армии. Все чины местных землеустроительных комиссий, включая агрономический персонал, должны были участвовать в заготовке продовольствия⁷².

С первых шагов реформы землеустроительные комиссии столкнулись с проблемой неосведомленности населения – смысл и назначение проводимых преобразований не были ясны крестьянину. В отчете Красноуфимской уездной землеустроительной комиссии, являвшейся первой по времени открытия (15 мая

1907 г.), отмечалось: «Нельзя сказать, чтобы учреждение комиссии удовлетворяло спрос на землеустройство со стороны самого крестьянского населения в уезде и отвечало сознательному стремлению крестьян к улучшенным формам землевладения. Нет, стремление это пришлось комиссии создавать путем насаждения совершенно чуждой красноуфимскому крестьянину идеи нового землеустройства»⁷³.

Процесс землеустройства нередко приводил к острым конфликтным ситуациям – как внутри крестьянской среды, так и с представителями землеустроительных комиссий. Наиболее трудным было землеустройство вблизи крупных сел и пригородных территорий. В «Обзоре деятельности Красноуфимской землеустроительной комиссии» за 1911 г. сообщается: «Особенно недружелюбное отношение общины к хуторянам и отрубщикам замечается в пригородных волостях – Криулинской, Ачитской и частью Манчажской... Например, хуторян Криулинской волости общественные доверенные затаскали по судам за мнимые нарушения прав общества. Предъявлялись обществом и удостоверялись волостным судом даже иски об отобрании якобы излишне выделенной хуторянам земли по проектам, принятым самим обществом в добровольном порядке. В подгородной деревне Чигвинцевой все хуторяне оказались избранными в неоплачиваемые общественные должности десятских, сторожей хлебозапасного магазина, церковных, волостных и т. п. В деревне Семенчиной Манчажской волости противники землеустройства пошли далее: убедившись, что выстрел дробью из ружья в окно квартиры землемера не изменил ход землеустроительного дела, они подали на землемера и наиболее убежденных сторонников землеустройства из выделяющихся ложный донос, обвиняя их в политической неблагонадежности...»⁷⁴.

В докладной записке председателя Оханской уездной землеустроительной комиссии за 1912 г. отмечалось: «Недостатка в желающих выделиться на отруба нет, но главным препятствием к соглашению выделщиков и общинников относительно места отвода отруба. Выделщик обыкновенно ставит непременно условием выхода на отруб сохранение некоторых старых полос, выбирая при этом ближайшие к деревне как лучшие. Общинники усматривают в этом нарушение их интересов, обе стороны редко склоняются к компенсации качества количеством земли, приходится или прекращать дело, или проводить выдел в обяза-

тельном порядке, что неминуемо влечет за собой обжалование решения комиссии и придает делу затяжной характер. Всеми этими обстоятельствами и можно объяснить сравнительно малое количество образованных в 1912 г. хуторских и отрубных участков»⁷⁵.

Медленный ход землеустроительных работ объяснялся не только недоверием населения и внутриобщинными противоречиями, но и слабым уровнем организации, недостатком квалифицированных кадров землемерных чинов. Так, неменный член Пермской губернской землеустроительной комиссии Н.П. Олферьев в отчете пермскому губернатору отмечал: «...благодаря отсутствию должного надзора на местах некоторые из межевых чинов допускали нетрезвый образ жизни, к работам относились нерадиво и если получили должное возмездие, то лишь по окончании полевого периода. Некоторые землемеры-ревизоры вместо того чтобы быть постоянно на работах для ревизии и указаний и давать должный пример ревизуемым ими землемерам, проявили халатное отношение к делу и низвели свои обязанности к летнему отдыху»⁷⁶.

Отрицательное воздействие на ход землеустроительных мероприятий оказал и неурожайный 1911 год. По данным МВД, в Пермской губернии отмечалось увеличение продажи наделных земель. Земский отдел МВД, реагируя на появившиеся в российской прессе публикации о случаях продажи наделной земли за продовольствие, произвел проверку, которая зафиксировала случаи продажи земли в осенне-зимние периоды 1910–1911 и 1911–1912 гг. Всего с 1 сентября 1910 г. по 1 февраля 1911 г. было совершено 719 сделок по продаже земли площадью 4013,7 дес., число сделок за этот же период в 1911–1912 гг. составило 911, общей площадью 3823,4 дес., что свидетельствовало о бедственном экономическом положении населения⁷⁷.

Несмотря на указанные трудности, землеустроительный процесс, во многом под давлением со стороны властей, не останавливался и продолжал развиваться. Всего, по официальным данным, с 15 мая 1907 г. по 1 января 1915 г. в землеустроительные комиссии поступило 203 636 ходатайств от крестьян. По видам землеустроительных мероприятий ходатайства распределялись неравномерно. Основная доля ходатайств населения была связана с групповыми формами землеустройства (табл. 25).

Таблица 25

Распределение крестьянских ходатайств по видам землеустроительных работ в Пермской губернии с 1907 по 1 января 1915 г.

Вид работ	Число дворов	
	абсолютно	%
Устранение внеадельной чересполосицы	78 699	38,7
Выдел отдельных селений, сельских обществ	68 432	33,6
Разверстание селений на хутора и отруба	28 496	13,9
Выдел отдельных домохозяев	18 177	8,9
Выдел выселков и частей селений	6551	3,3
Отграничение земель от смежных владений	2090	1,0
Раздел угодий общего пользования	1191	0,6
Всего	203 636	100,0

Составлено по: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 г. Пермь, 1915. С. 49.

Наибольшее количество ходатайств поступило на устранение внеадельной чересполосицы – 38,7%, выдел земельных участков селений и сельских обществ. Следующим по численности ходатайств являлось участковое землеустройство: раздел земли на хутора и отруба составлял 13,9%, выдел отдельных домохозяев – 8,9, а также выдел выселков и частей селений – 3,3⁷⁸.

За время деятельности землеустроительных комиссий – по 1 января 1915 г. – было окончательно завершено переустройство на площади в 352 224 дес., принадлежавшей 31 269 домохозяевам, составлявшим 15,4% всех заявивших ходатайства о землеустройстве. По количеству окончательно землеустроенных территорий в губернии первое место занимал Красноуфимский уезд, на него приходилось 22% устроенных территорий и 13% домохозяйств. По наибольшему числу землеустроенного населения лидировал Верхотурский уезд, на него приходилось 24% устроенных хозяйств губернии, но на меньшей земельной площади (табл. 26).

Однако укрепление земельной собственности за отдельным домохозяином отнюдь не означало возникновения нового типа хозяйства – вслед за выделом частым явлением была продажа земельного надела. По данным МВД на 1 января 1912 г., с момента землеустроительных мероприятий в Пермской губернии было заключено 3425 сделок по продаже укрепленных земель-

Таблица 26

Количество устроенных дворов и площадь земель Пермской губернии по уездам на 1 января 1915 г.

Уезд	Число дворов		Площадь, дес.	
	абсолютно	%	абсолютно	%
Верхотурский	7489	24	21 876	6
Екатеринбургский	586	2	7643	2
Ирбитский	1319	4	27 131	8
Камышловский	2611	8	24 330	7
Красноуфимский	4082	13	78 089	22
Кунгурский	353	1	2984	1
Осинский	3691	12	35 117	10
Оханский	1833	6	30 742	9
Пермский	658	2	7275	2
Соликамский	3496	11	32 175	9
Чердынский	1780	6	34 510	10
Шадринский	3371	11	50 352	14
Всего	31 269	100	352 224	100

Составлено по: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 г. Пермь, 1915. С. 63.

ных участков. Из них частичной продаже подверглись 1823 участка, или 53%, 1602 были проданы целиком – 47%. Из общего количества продавцов укрепленных земельных наделов для 53% основным занятием являлось земледелие, 47% не занимались земледелием. Из числа хозяев, занимавшихся земледелием, продали земельный надел, %: в целях переселения – 9, для приобретения других земель – 4, по причине неурожая – 3, из-за перехода к иным занятиям – 3, вследствие пьянства – 3, из-за болезни – 2, по старости – 24 и 52 – по иным, не указанным, причинам. В последнюю группу, несомненно, входили хозяйства, не сумевшие приспособиться к новым условиям землепользования⁷⁹.

Данные по единоличному землеустройству выразились в еще меньших цифрах. Хуторских и отрубных владений окончательно устроено за время деятельности землеустроительных комиссий – 9689. Из этого числа на землях Крестьянского поземельного банка – 1217 хозяйств с площадью в 39 584 дес.; на казенных землях – 367 хозяйств в 11 507 дес. Единолично устроенные крестьянские хозяйства составляли 31% от общего числа всех землеустроенных хозяйств с площадью 162 642 дес., что составило 46%⁸⁰.

Таблица 27

Количество единолично землеустроенных крестьянских дворов Пермской губернии на 1 января 1915–1917 гг.

Дата	Число дворов		Площадь, дес.	
	абсолютно	%	абсолютно	%
1 января 1915 г.	9689	1,5	162 642	2,0
1 января 1916 г.	12 543	1,9	209 904	2,5
1 января 1917 г.	21 246	3,2	254 785	3,1

Составлено по: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 г. Пермь, 1915. С. 67; *Першин П.Н.* Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920 гг.). М., 1922. С. 51; Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 10; ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–28; РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. Д. 19. Л. 464.

Попробуем оценить количественные итоги процесса землеустройства в рамках столыпинской аграрной реформы в Пермской губернии, а именно – единоличного землеустройства как основной целевой задачи реформирования. Обратимся к официальным данным землеустроительных комиссий, а также к сведениям, опубликованным П.Н. Першиным, принимавшим личное участие в землеустроительных мероприятиях в Пермской губернии⁸¹. Для определения общей численности крестьянских дворов в губернии воспользуемся материалами сельскохозяйственной переписи 1916 г., а для установления объемов землеустройства – данными поземельной переписи 1905 г., а затем экстраполируем эти сведения на более ранние и поздние даты.

Обобщая имеющиеся данные, мы получаем, что всего за период землеустроительных мероприятий 1907–1914 гг. в Пермской губернии окончательно укрепили в качестве отрубного или хуторского земельного участка 1,5% крестьянских домохозяйств на площади, составившей 2,0% от наделного земельного фонда. Общее количество дворов, укрепивших землю к 1 января 1917 г., составило 3,2% на площади 3,1% от наделной крестьянской земли (табл. 27).

Не оказав существенного влияния на формирование единоличного крестьянского землевладения, землеустроительные мероприятия тем не менее способствовали рационализации коллективного землепользования, установлению четких межевых границ между отдельными обществами, а также землями частных землевладельцев и казны.

Для характеристики землевладения хозяйств единоличного участкового землепользования обратимся к официальным данным Главного управления землеустройства и земледелия. С 15 сентября по 1 декабря 1913 г. для выяснения результатов землеустройства было проведено подробное статистико-экономическое обследование хуторских и отрубных хозяйств, образованных землеустроительными комиссиями до 1 января 1911 г. Всего по Российской империи было выбрано 12 уездов, где подворно обследованы единоличные хозяйства. Программа исследования разработана под председательством крупного специалиста по сельскому хозяйству А.А. Риттиха. В подготовке программы принимал участие видный статистик Московской губернской управы В.М. Колобов. В Пермской губернии для обследования был выбран Красноуфимский уезд как обладавший наибольшим количеством землеустроенных хозяйств, образованных при разverstании и выделе, а также на землях Крестьянского банка⁸².

Материалы подворного обследования содержат описание 1352 участковых хозяйств, из которых 733 находились на наделных землях и 619 – на землях Крестьянского банка. Из числа описанных наделных хозяйств при землеустройстве самостоятельно существовало 703, а остальные 30 образовались из первых путем семейных разделов уже после землеустройства. Все хозяйства при разработке были классифицированы на три основные группы: хутора (с переселением), «присельные» хутора (без переселения), отруба; кроме того, на три дополнительные: хозяйства, разделившиеся после землеустройства, отсутствующие и хозяйства, продавшие земельные участки. Общая численность крестьянского населения в рассмотренных хозяйствах в 1913 г. была 8923 человека, что составляло 2,79% от общего числа сельского населения уезда. Из зарегистрированного населения 4590 человек проживали в хозяйствах, сформированных на наделных землях, и 4087 человек – на землях Крестьянского банка.

Наиболее многочисленной группой была группа отрубных хозяйств, составлявшая 61,3% всех дворов. Группа хуторов составляла лишь 23,2%, а самая малочисленная группа «присельных» хуторов – 43 двора, или 6,1%. Дополнительные группы по количеству описанных дворов незначительны. Из них максимальным числом представлена группа разделившихся дворов, в

Таблица 28

Группы единолично землеустроенных хозяйств на наделных землях Красноуфимского уезда в 1913 г.

Группы хозяйств		Число дворов	%
Основные	Хутора (с переселением)	163	23,2
	«Присельные» хутора (без переселения)	43	6,1
	Отруба	431	61,3
	Всего по основным группам	637	90,6
Дополнительные	Хозяйства, выделившиеся после землеустройства	28	4,0
	Отсутствующие хозяйства	9	1,3
	Хозяйства, продавшие земельные участки	29	4,1
	Всего по дополнительным группам	66	9,4
	Итого по уезду	703	100,0

Составлено по: Обследование землеустроенных хозяйств, произведенное в 1913 году в 12 уездах Европейской России. Сводные поуездные данные. Пг., 1915. С. I, 86–89, 130–132.

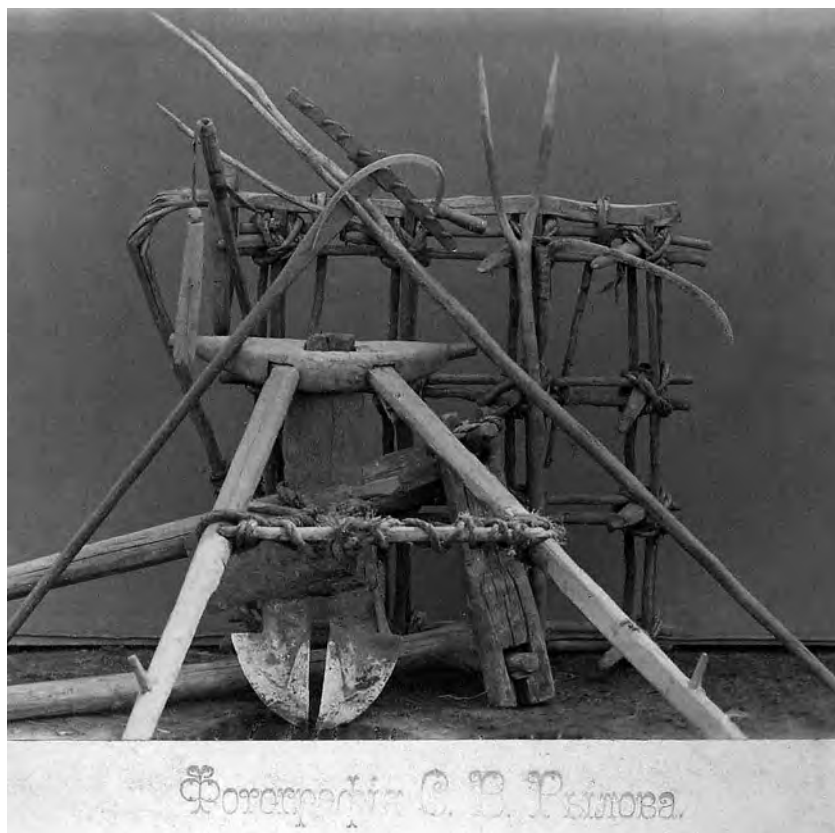
состав которой до землеустройства входило 28 дворов, а при обследовании – 58 (табл. 28).

Все реформированные хозяйства до года обследования существовали 4–5 лет, т. е. наиболее ранние из них по сроку образования перешли к фактическому пользованию землей на новых условиях лишь в 1908–1910 гг. Многие хозяйства начали пользоваться участками только с 1911 г., хотя землеустройство было закончено в 1910 г. Хозяйства на землях Крестьянского банка почти одновременно приступили к фактическому применению купленных участков, а именно: 587 хозяйств, или 94,8%, вступили во владение в 1910 г. и только 32 хозяйства, или 5,2%, – в 1911 г., причем последние относятся исключительно к переселившимся хозяйствам⁸³.

Интересно соотношение между количеством земли в пользовании единоличных владельцев и составом семьи (см. приложения, табл. 3). Данные по всем обследованным хозяйствам на наделных землях указывают, что со времени перехода к единоличному владению соотношение работников и едоков изменилось незначительно. Число работников мужского пола по отношению к хозяевам возрастало по мере увеличения земельной обеспеченности. Соотношение тоже имело определенную тенденцию: количество едоков на мужскую рабочую силу уменьшалось по мере возрастания земельной площади.

По данным агрономической службы Главного управления земледелия и землеустройства, соотношение земельных угодий в единоличных хозяйствах Пермской губернии определялось природными условиями. В этом смысле хозяйство крестьян-единоличников было в равных условиях с хозяйствами, владеющими землей на общинных началах. Но изменения произошли в системе землепользования. Земельные ресурсы единоличного владения использовались более интенсивно. Агрономическим персоналом отмечалось уменьшение доли паровых участков. В хозяйствах единоличного земельного владения Красноуфимского уезда под паром находилось 25,0%, тогда как в среднем по уезду количество земли под паром составляло 32,1%, а по губернии – 31,7%. В землеустроенных хозяйствах губернии увеличивалась доля посевов кормовых трав и корнеплодов. Сокращалась доля трудоемких технических культур – льна и конопли, что объяснялось повышенной занятостью по устройству хозяйств на новых местах⁸⁴.

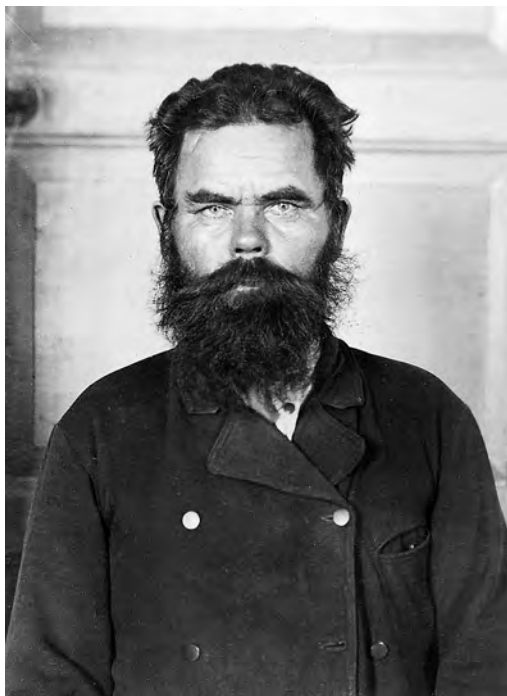
Таким образом, преобладающей формой крестьянского землепользования в Пермской губернии оставалась передельная общинная система. Общинное землепользование подвергалось постепенным изменениям, приводившим к улучшению системы землепользования, но в целом оставалось крайне неупорядоченным и архаичным. В развитии системы землевладения и землепользования исследуемой территории можно выделить два основных периода. Первый связан с отменой временнообязанного состояния в 1881 г., он продолжался до начала столыпинской аграрной реформы в 1906 г. Второй обусловлен землеустроительными мероприятиями, проводимыми в рамках столыпинской аграрной реформы, начало которых в Пермской губернии датируется 1907 г., а активная фаза длится до начала Первой мировой войны в 1914 г. Надельный земельный фонд расширялся под давлением растущего населения, вовлекавшего в хозяйственный оборот преимущественно государственные земли. Землеустроительный процесс в Пермской губернии имел длительный, затяжной характер. Основу его составляло междуселенное и междуобщинное обустройство. Активизация межевых работ отмечается с началом землеустройства в рамках столыпинской аграрной реформы. Участковое землепользование, появившееся в результате преобразований, отличалось большим рационализмом, однако доля единолично устроенных хозяйств была очень мала.



Сельскохозяйственные орудия: соха (на переднем плане), грабли, деревянные вилы, серп, цеп, коса-горбуша, борона (на заднем плане). Соликамский уезд. 1890-е гг. Автор С.В. Рылов



Крестьянин деревни Березовки
Красноуфимского уезда С.В. Жари-
нов. Начало XX в. Автор
не установлен

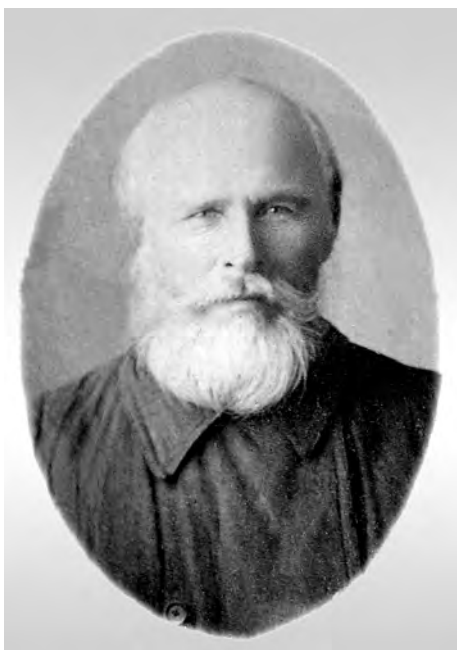


Крестьянин Верхотурского
уезда, депутат Государствен-
ной думы II созыва
Г.И. Кабаков. Начало XX в.
Автор не установлен



Крестьянин-удмурт Красно-
уфимского уезда. 1880-е гг.
Автор не установлен

Вотмакъ
Красноуфимск. у. Пермск. губ.



Крестьянин Осинского уезда
С. Косолапов. Начало XX в.
Автор не установлен



Крестьянки коми-пермячки села
Чуракино Чердынского уезда.
1911 г. Автор не установлен



Крестьянки коми-пермячки. Начало XX в. Автор не установлен



Крестьянка с ребенком на руках. Начало XX в. Автор не установлен



Основатель трудовых сельскохозяйственных артелей в Шадринском уезде Н.Г. Фёдоров. [1880–90-е гг.] Автор не установлен



Крестьяне деревни Кедровка Кунгурского уезда передают наказ депутату II Государственной думы А.В. Чащину. 1906–1907 гг. Автор не установлен



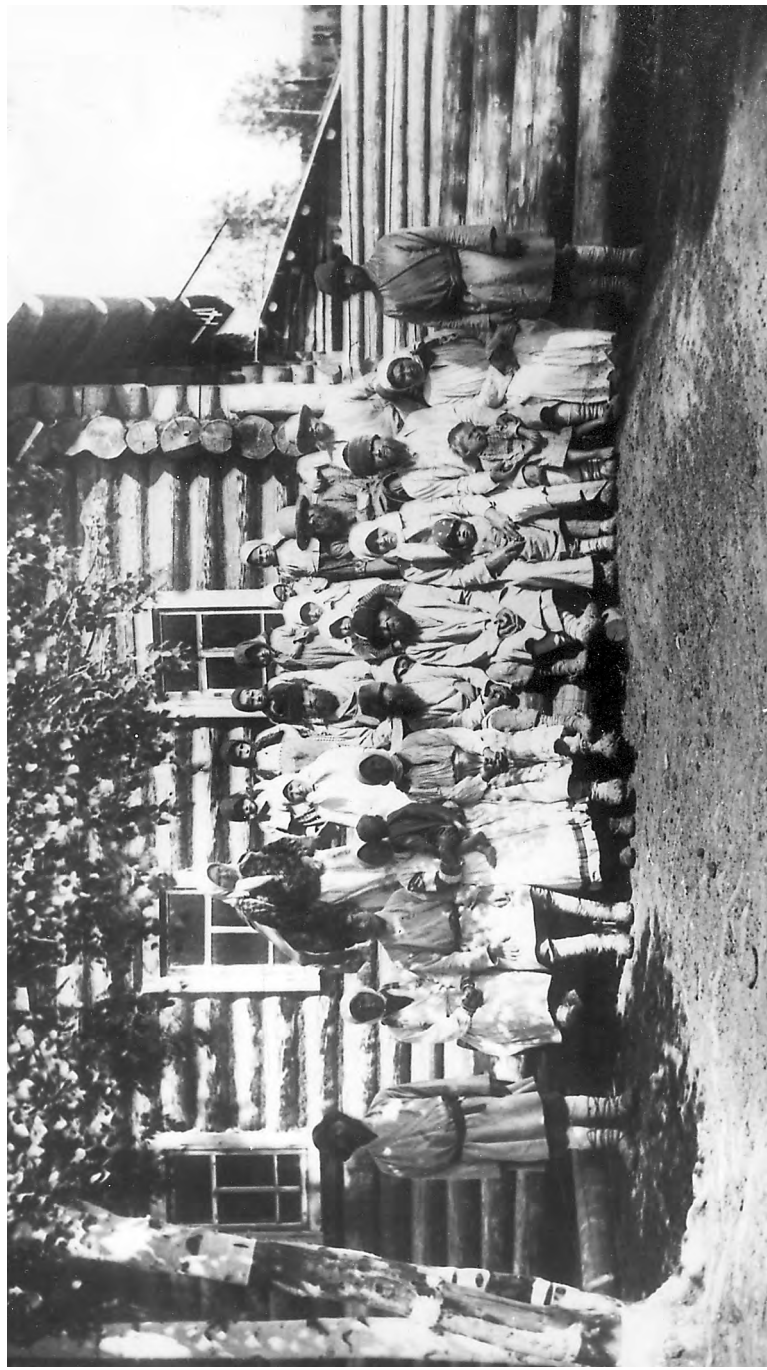
IV съезд сельских хозяев Шадринского уезда. 5–8 июня 1914 г. Автор не установлен



Волостной сход в селе Верх-Юсьва Соликамского уезда. 1890-е гг. Автор С.В. Рылов



Башкиры на волостном сходе. Красноуфимский уезд. Конец XIX – начало XX вв. Автор не установлен



Крестьяне одного из хуторов Оханского уезда. 1908 г. Автор А.Н. Замятин



Землемеры и крестьяне на одном из хуторов Оханского уезда. 1908 г. Автор А.Н. Замятин



Торжок в одном из сел Оханского уезда. 1908 г. Автор А.Н. Замятин



Здание волостного правления Екатеринбургской волости Оханского уезда. 1908 г. Автор А.Н. Замятин



Село Ивдель (Никито-Ивдельское) Верхотурского уезда. Начало XX в. Автор В.Л. Метенков



На сельской улице зимой. Конец XIX – начало XX вв. Автор не установлен



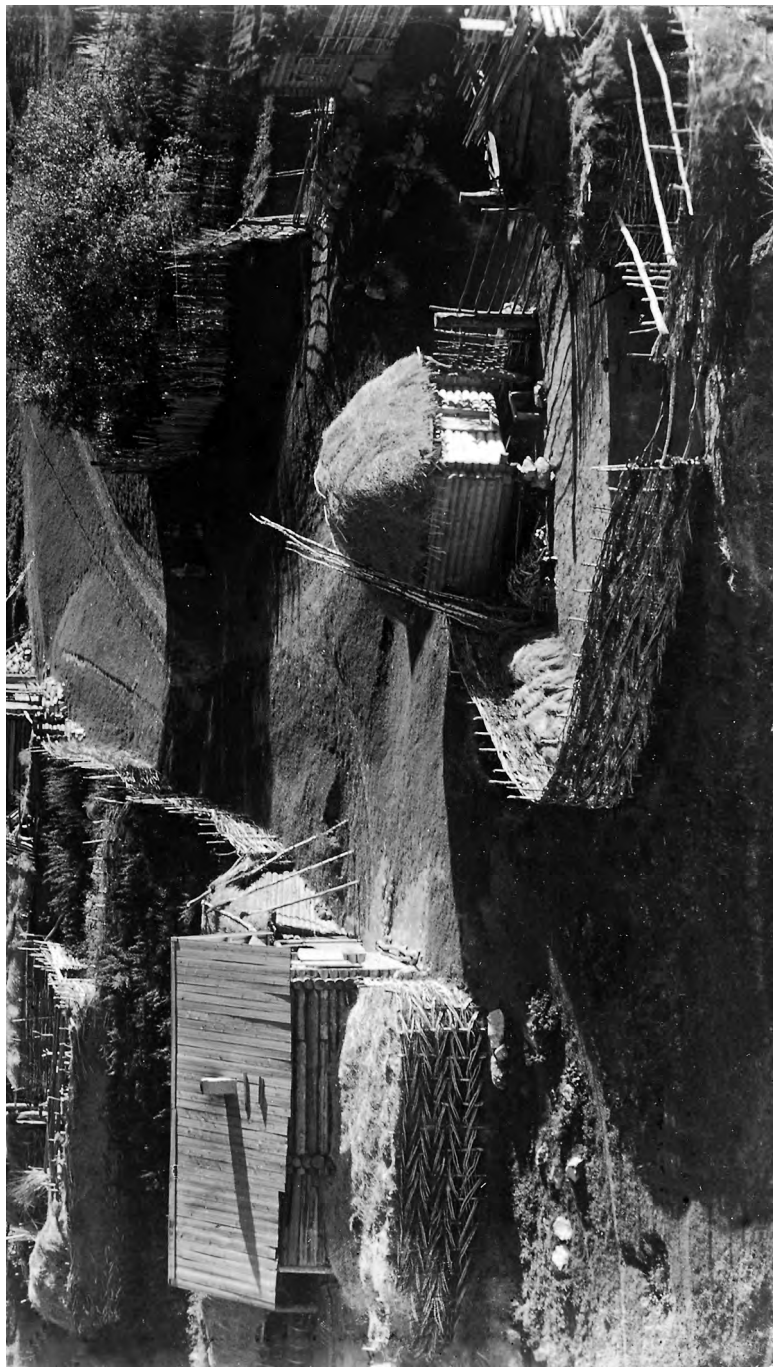
Сжатое поле с пшеницей, уложенной в суслоны. Камышловский уезд. 1910 г.
Автор С.М. Прокудин-Горский



Гумно. Камышловский уезд. 1910 г.
Автор С.М. Прокудин-Горский



Крестьяне укладывают снопы пшеницы на гумне. Камышловский уезд. 1910 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Токарева Камышловского уезда. 1909 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Новый Завод Камышловского уезда. 1909 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



На одном из хуторов Оханского уезда. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Возведение дома и хозяйственных построек на новом месте. Оханский уезд.
1908 г. Автор А.Н. Замятин



Виды крестьянских усадеб. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Ржаные поля возле крестьянских усадеб. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Уборка ржаного поля на одном из хуторов Оханского уезда. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Расчистка лесного участка под пашню. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Крестьянские усадьбы возле водоемов. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Новый крестьянский дом на расчищенном лесном участке. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Капуста на приусадебном участке. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Крестьяне у своих усадеб. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Крестьянин устанавливает изгородь вокруг усадьбы. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин



Крестьянская усадьба. Оханский уезд. 1908 г.
Автор А.Н. Замятин

Приложение къ «Сборнику Пермскаго губ. земства»

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНІЯ

ВЪ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЗИМА 1897—98 и ВЕСНА 1898 гг.

П Е Р М Ъ.
Типографія Губернской Земской Управы.
1898.

Титульный лист статистического сборника «Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении». 1898 г.

«Приложение къ Сборнику Пермскаго земства».

СТАТИСТИЧЕСКОЕ БЮРО ПЕРМСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА.

Материалы
КЪ ОЦѢНКѢ ЗЕМЕЛЬ
Пермской губерніи.

Т о м ъ IV-й.

Выпускъ 2-й.

Екатеринбургскій уѣздъ.

СВОДЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ ПОДВОРНОЙ ПЕРЕПИСИ.

П Е Р М Ь.
Типографія Губернской Земской Управы.
1902.

Титульный лист статистического сборника подворной переписи
Екатеринбургского уезда. 1902 г.

Уральское Хозяйство

**ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛЪ,**

посвященный вопросам
кооперации

и
сельскаго хозяйства.

Издается Екатеринбург-
скимъ союзомъ кредит-
ныхъ и ссудо-сберегатель-
ныхъ товариществъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ доставкой 3 р.

1/2 " " " 1 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ 15 к.

За перемѣну адреса 20 к.

Подписной годъ считается съ 1 Января

АДРЕСЪ

РЕДАКЦІИ

И

конторы журнала:

Екатеринбургъ,

Уктусская улица, 52.

ТАКСА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 2, 3 и 4 стр. обложк. 150 р. въ г.

Впередѣ текста 125 р. "

Позади " 100 р. "

За размѣну при журналѣ отдѣ-
льныхъ объявленій въ томъ не болѣе
1 лог. по 10 р. за каждыя тыс. экз.

Екатеринбургъ, 7 Апрѣля.

**Не одинаковое по-
нѣманіе задачъ и
цѣлей кооперации.**

Съ грустью и сожалѣніемъ приходится

указать на все увеличивающееся за послѣд-

нее время желаніе обществъ потребителей

имѣть „ренсковые погреба“: теперь уже рѣд-

кая „потребилровка“ не обладаетъ „виннымъ отдѣленіемъ“.

Быть можетъ, съ практической, чисто коммерческой, точки зрѣ-
нія это очень выгодно и приносить кооперативамъ крупную ма-
териальную прибыль, но съ другой стороны, намъ кажется,—не дѣло
кооперативовъ вообще, а въ томъ числѣ и потребителей, за-
ниматься распространеніемъ „виннаго зелія“, отъ котораго наша
деревня стономъ-стонетъ и оскудѣла... Цѣли и задачи кооперати-
вовъ должны далеко лежать отъ всего того, что приносить вредъ,
и не пользу населенію, о вредѣ же существованія въ деревнѣ вся-
кихъ „ренсковыхъ погребовъ“, „пивныхъ“ и прочихъ подобнаго
рода заведеній здѣсь говорить нѣтъ и надобности, ибо это старая,
очевидная истина, давнымъ—давно доказанная.

Относясь совершенно отрицательно къ стремленію потреби-
тельныхъ кооперативовъ къ торговлѣ, хотя-бы и виноградными, ви-
нами,—мы должны съ величайшимъ удовольствіемъ отмѣтить глу-
боко симпатичныя постановленія, вынесенныя только что мину-
вшими общими собраніями товарищей Бугаевского (Шадринскаго
уѣзда) и Ново-Пышминскаго (Камышловскаго уѣзда) кредитныхъ
кооперативовъ. Эти товарищества будучи встревожены все разви-
вающимися пьянствомъ въ деревнѣ, тайной торговлей виномъ, а
отсюда и хулиганствомъ,—вмѣняютъ своимъ исполнительнымъ ор-
ганамъ—совѣту и правленію—слѣдить за своими слабыми товари-
щами и противъ замѣченныхъ въ пьянствѣ, разстраивающемъ хо-
зяйство, или тайной торговлѣ виномъ, принимать мѣры воздѣй-
ствія, досрочно требуя съ нихъ возврата взятыхъ ссудъ или даже
вовсе закрывая имъ кредитъ.

Титульный листъ журнала Екатеринбургскаго союза кредитныхъ
и ссудо-сберегательныхъ товариществъ «Уральское хозяйство». 1913 г.



Корова тагильской породы. Нижнетагильский завод Верхотурского уезда. Начало XX в. Автор не установлен



Почтовая открытка с изображением участников автопробега Пекин–Париж в одной из уральских деревень. 1907 г.
Автор Л. Барзини

Глава 2

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ЖИВОТНОВОДСТВО

2.1. ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Как всякое явление, земледельческое хозяйство должно рассматриваться в исторической перспективе его развития, чтобы можно было не только наметить, но и определить факторы, воздействующие на него и управляющие его эволюцией. Изучение статистических данных дает нам характеристику процессов и изменений, совершающихся в хозяйстве. Особое значение в данном случае имеет также географическое и экономическое положение исследуемой территории.

Территория Пермской губернии располагалась по обеим сторонам Уральского хребта в области с резко континентальным климатом. По оценкам современников, из всей площади Пермской губернии около 30% земель вообще не были пригодны для земледелия. К наиболее неблагоприятным относились северные части Чердынского и Верхотурского уездов, а также нагорные местности. Из 12 уездов губернии только 5 относились к чисто земледельческим (Оханский, Осинский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский), где имелись достаточно благоприятные условия для сельского хозяйства и плодородные почвы, в остальных 7 уездах занятие земледелием считалось убыточным¹.

В Пермской губернии выделялись два основных сельскохозяйственных района – северо-западный и юго-восточный. К первому относилась большая часть приуральских уездов (Оханский, Кунгурский, Пермский, Соликамский, Чердынский, Верхотурский), ко второму – четыре зауральских уезда (Шадринский, Камышловский, Ирбитский и Екатеринбургский). Северные части Осинского и Красноуфимского уездов относились к северо-за-

падному району, а южные – к юго-восточному. В северо-западном районе преобладали посевы озимой ржи, а в юго-восточном – пшеницы и яровой ржи. Данная специализация была обусловлена климатическими и почвенными условиями².

При разной степени населенности и разнообразии климатических и почвенных условий в губернии не было единообразной системы ведения полевого хозяйства, что прежде всего связано с ландшафтными особенностями исследуемой территории. В условиях перепада высот рельефа местности даже в масштабах отдельного уезда в лесной и лесостепной зонах формируется множество локальных и микролокальных пространств со своеобразным протеканием общих погодных процессов. Это приводило к разнице в урожайности отдельных полей и даже их участков, а разнообразие почвенных условий усиливало этот эффект.

Кроме того, хозяйственной организации крестьянских хозяйств Пермской губернии были присущи и общие особенности. Преобладающими в конце XIX в. оставались многолюдные поселения, удаленные друг от друга на значительные расстояния. В этих условиях большая часть пахотных участков находилась вдали от усадеб, что вызывало необходимость делить полевые земли на ближайшие к жилью (удворные) и отдаленные (окольные)³.

Удворными называли пашни, расположенные вблизи селений, обычно они огораживались и эксплуатировались по трехпольной системе с удобрением парового поля. Полевыми, или окольными, землями называли пашни, удаленные от усадеб, на них господствовало «пестрополье», земля за дальностью, как правило, не удобрялась, плодородие восстанавливалось оставлением земли в залежь – «шутем»⁴.

При пестрополье отдельные поля не были объединены севооборотами, посевы на них совершались вне связи с другими участками, иной раз в виде беспорядочного посева хлеба по хлебу, иногда с некоторой периодичностью. Для пермского пестрополья периодичность смены севооборота носила определенный выдержанный характер и сводилась к обычным трех- и четырехпольному севооборотам, отличаясь от соответствующих систем только тем, что каждый участок земли использовался совершенно самостоятельно, вне зависимости от других. Пространственная система севооборота, таким образом, отсутствовала и наблюдалась только временная⁵.

Резко континентальный климат с преобладанием зимнего периода над летним, необходимость удобрять поля, сравнительно широкое потребление мясных и молочных продуктов, большие расстояния между населенными пунктами, значительный гужевой извоз обусловили необходимость обширного скотоводства, а следовательно, потребность в значительных запасах фуража (посевах овса). Краткость летнего периода полевых работ и потребность в кормах обуславливали преобладание яровых посевов над озимыми⁶.

Исследование земледелия в крестьянском хозяйстве Пермской губернии базируется на материалах как правительственной (ЦСК МВД), так и местной (земской) статистики⁷. К концу XIX в. сложились самостоятельные, по некоторым параметрам пересекающиеся структуры сбора информации в центре и регионах.

Центральный статистический комитет МВД с 1883 г. наладил сбор сведений через волостные правления, а информация о посевных площадях стала собираться с 1881 г. В 1887 г. был проведен сбор новых сведений о площадях посевов, использованных при исчислении сбора хлебов в 1890 и 1891 г. С 1893 г. данные о размерах посевов стали собираться ежегодно и публиковаться наряду со сведениями по урожайности и общим сборам различных культур⁸. Материалы ЦСК МВД впоследствии часто публиковались в разных обобщающих сборниках, в том числе в советский период (ЦСУ СССР)⁹.

Подробную информацию о положении крестьянства и состоянии сельскохозяйственного производства собирало и Пермское земство, которое использовало также сведения волостных правлений и низовых органов сельского управления, создавало сеть добровольных корреспондентов и прибегало к проведению подворных поуездных переписей. Достаточно стабильную систему получения общегубернских данных в Пермской губернии создали к началу 1890-х гг. Местные земцы подняли вопрос о централизованном сборе показателей в масштабах губернии в 1889 г., когда съезд агрономических смотрителей выработал проект сбора сведений об урожае хлебов. С 1890 г. его стали применять на практике, но до 1893 г. материалы по урожайной статистике не издавались¹⁰.

На необходимость систематических исследований и публикации данных сельскохозяйственного производства повлиял голод 1891–1892 гг., который показал несостоятельность земской ор-

ганизации продовольственной безопасности. Неурожай 1891 г. можно было предвидеть еще в июне 1890 г.¹¹

В 1893 г. вышел первый сборник «Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении»¹². Затем эти издания выходили ежегодно, до четырех публикаций за один сельскохозяйственный год. В них описывались основные этапы полевых работ, а также социально-экономическое положение крестьянства края¹³. Они издавались в качестве приложения к печатному органу губернского земства «Сборник Пермского земства», который публиковался с 1872 по 1906 г. В 1907 г. сборник был преобразован в еженедельную газету «Пермская земская неделя». После этого «Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении» выходила уже как самостоятельное издание¹⁴. Данные после 1909 г. публиковались земством в докладах управы губернскому земскому собранию¹⁵. В целом земством опубликованы материалы за 1891–1915 гг., они содержат информацию об урожайности на крестьянских землях.

Урожайность. Сведения о величине урожаев основных зерновых культур собирались всеми статистическими структурами путем простейшего социологического опроса и зависели исключительно от числа респондентов. В литературе утвердилось мнение о достоверности и близости показателей правительственной статистики (ЦСК МВД) и земской по урожайности с крестьянских полей во второй половине XIX – начале XX в.¹⁶ Урожайность зависела от трудовых затрат крестьянина, плодородия почвы, культуры растений, погодных условий и иных факторов. Рис. 1 показывает среднюю суммарную урожайность основных зерновых хлебов в Пермской губернии.

Средние данные по Пермской губернии за трехлетние периоды, несмотря на временные спады из-за погодных аномалий, указывают на постепенное увеличение урожайности и сбора основных зерновых культур с начала 1890-х гг., что свидетельствует в том числе об определенных качественных изменениях в агротехнике уральского крестьянства. Наиболее благоприятным был период начала XX в., когда наблюдался ряд высокоурожайных лет. Но наряду с годами высоких урожаев имели место катастрофические недороды. Особо низкие сборы наблюдались в 1883, 1890–1891, 1901 и 1911 годах, отмеченных сильными засухами¹⁷.

Посевные площади. Значительно более сложная ситуация была с определением размеров посевных площадей. ЦСК МВД

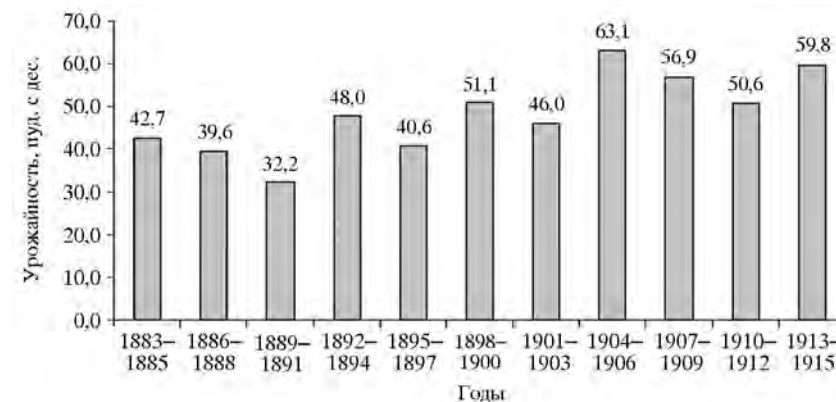


Рис. 1. Средняя трехлетняя урожайность основных зерновых культур (ржи озимой, ржи яровой, пшеницы, ячменя, овса) в Пермской губернии в 1883–1915 гг., пуд. с дес.

Составлено по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы ЦСК по урожаям на наделных землях.). М., 1928. С. 125–129

получал эти сведения от волостных правлений, а качество собранных таким образом статистических данных даже современниками оценивалось весьма невысоко. Загруженные всевозможными должностными обязанностями волостные старшины и писари, сельские старосты часто отправляли просто отписки с мало достоверной информацией¹⁸.

Пермское земство использовало комбинированные данные. Например, И.С. Сигов в 1898 г. в предисловии к очередному сборнику сообщал, что сведения о площадях озимых посевов являются «полученными от сельских старост и сверенными с таковыми же уездных управ (в случаях разногласий тех и других – они исправлялись показаниями волостных правлений), сведениями о площадях посева озимых хлебов за 1892/93–1897/98 гг., заключающимися в сельскохозяйственных обзорах Пермской губернии, сведениями о площадях посева тех же хлебов за 1886/87–1891/92 гг., извлеченными из продовольственных докладов губернского и уездных земств»¹⁹. Первичная информация сельских старост (часто неграмотных и не обязанных вообще вести какую-либо статистику) проверялась, сопоставлялась с другими источниками и опубликованными данными. В следующем издании И.С. Сигов опять указывал, что сведения о посевных площадях получены от сельских старост и сверены с данными уездных управ²⁰.

Наиболее достоверным источником являлись итоги сплошных подворных переписей, когда статистики обходили каждый двор и со слов самого домохозяина записывали количество засеянной им земли по культурам. Но в Пермской губернии подобные переписи проводились только по отдельным уездам и в разные периоды (см. главу 1), поэтому определение общей величины посевных площадей в крестьянском хозяйстве остается сложной и дискуссионной задачей. Вообще определенное невнимание к изучению крестьянского хозяйства, отказ от организации общегубернских сельскохозяйственных переписей были характерны для земств промышленных губерний (например Московского²¹).

Однако пермские земские статистики, видимо, сомневаясь в достоверности информации низовой сельско-волостной администрации, организовывали проверку, сравнение полученного цифрового материала, что делает их показатели более предпочтительными в сравнении с итогами официальной статистики ЦСК МВД (табл. 29).

Как видим из табл. 29, площадь крестьянского посева на наделных землях по данным ЦСК МВД (из сборников «Урожай... года») была меньше приведенной в сведениях пермских земских статистиков на 203 434 дес. только основных хлебов. Даже опираясь на тот же первоисточник (сельские старосты и волостные правления), Пермское земство, контролируя и проверяя поступающую информацию, получало существенно различавшиеся итоговые данные²². Для сравнения: в соседней Уфимской губернии

Таблица 29

**Площадь крестьянского посева в Пермской губернии в 1902 г.
по данным ЦСК МВД и Пермской губернской земской управы, дес.**

Культура	Посев по сведениям ЦСК	Посев по земским данным
Рожь яровая	32 742	61 289
Рожь озимая	453 079	502 615
Пшеница яровая	375 561	428 648
Овес	594 223	659 244
Ячмень	125 996	133 239
Всего главных хлебов	1 581 601	1 785 035
Второстепенных хлебов	Нет свед.	33 042
Всего	?	1 818 077

Составлено по: Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии // Сборник Пермского земства. Пермь, 1903. № 5. Отд. 2. С. 39–41.

подобный недоучет посевных площадей официальной статистикой доходил до 500 тыс. дес.²³ Поэтому данные о величине посевных площадей носят достаточно приблизительный характер.

В основном крестьянство Пермской губернии сеяло рожь, пшеницу, овес и ячмень. Наибольшую долю посевных площадей занимал овес – 38,1% в 1881 г. и 34,0 в 1914. Второе место в структуре посевов принадлежало озимой ржи, доля которой по данным на 1881 г. составляла 31,1%, а к 1914 сократилась до 25,2. Третье место по размеру занимаемой посевной площади принадлежало яровой пшенице, которой в 1881 г. засевалось 17,0% пашни. В отличие от ржи, доля посевов пшеницы увеличилась, и в 1914 г. составила 25,4%. Возросла также доля посевов ячменя – с 1,0% в 1881 г. до 8,2 в 1914. Доля остальных зерновых и бобовых культур была невелика, в 1881 г. – 10,5%, в 1914 – 11,9 (табл. 30). Пропорция культур в этих источниках в целом отражена верно.

Таблица 30

**Распределение площадей посева Пермской губернии
по культурам в 1881–1914 гг.**

Культура	1881 г.		1914 г.	
	дес.	%	дес.	%
Рожь озимая	465 511	31,1	548 315	25,2
Рожь яровая	95 833	6,4	26 080	1,2
Пшеница озимая	2469	0,2	–	–
Пшеница яровая	254 017	17,0	552 461	25,4
Овес	571 072	38,1	740 099	34,0
Ячмень	15 552	1,0	178 016	8,2
Полба	3401	0,2	–	–
Гречиха	18 152	1,2	37 247	1,7
Просо	108	0,0	–	–
Кукуруза	13	0,0	–	–
Горох	22 518	1,5	17 805	0,8
Чечевица	19	0,0	–	–
Картофель	4569	0,3	17 941	0,8
Лен	34 618	2,3	44 998	2,1
Конопля	9802	0,7	14 053	0,6
Всего	1 497 654	100,0	2 177 015	100,0

Составлено по: Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям европейской России // Временник ЦСК МВД. № 48. СПб., 1901. С. 33; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии, 1916 г. Пермь, 1916. Отд. 4. С. 5.

На рубеже XIX и XX в. повышается доля кормовых хлебов – овса и ячменя, горнозаводская промышленность Урала все еще в очень широких масштабах использовала гужевой транспорт, и спрос на фуражное зерно оставался высоким.

В структуре посевов продовольственных хлебов тоже происходили существенные изменения. Уже в конце XIX в. пермские статистики обратили внимание на сокращение посевов озимой ржи в четырех зауральских уездах – Екатеринбургском, Ирбитском, Камышловском и Шадринском. Основная, наиболее надежная (засухоустойчивая) озимая рожь – главный продукт питания традиционного общинного крестьянства – вытеснялась товарной яровой пшеницей, самой выгодной рыночной культурой, предназначенной для потребления растущим городским (индустриальным) населением²⁴.

Данные Пермского губернского земства показывают, что площади посева озимой ржи за 1891–1915 гг., несмотря на значительные колебания в течение периода, в начале и конце фактически оставались на одном уровне. В 1891 г. озимой рожью было засеяно 544,36 тыс. дес., а в 1915 – 587,79. Посевы пшеницы за 1893–1915 гг., по данным губернского земства, увеличились в 3 раза – с 214,0 тыс. дес. в 1893 г. до 639,0 в 1915 (рис. 2).

Снижение доли посевных площадей под озимой рожью подтверждают и данные правительственной статистики. В 1893 г., по материалам ЦСК МВД (рис. 3), рожью было засеяно 583,8 тыс. дес., в 1915 – 601,8. Колебания посевных площадей в течение рассматриваемого периода 1893–1915 гг. были связаны с комплексом причин, от погодных условий до изменений в сборе первичных данных. Но показатели свидетельствуют, что после сокращения посевов ржи на рубеже XIX–XX вв. к 1910-м гг. вновь увеличиваются площади посевов под озимыми. Это, вероятно, было связано как с общим возрастанием посевных площадей в традиционных общинах Среднего Урала, так и с конкуренцией зауральской и сибирской пшеницы, более качественной и дешевой, вытеснявшей местную продукцию с рынков.

В отличие от ржи посевы пшеницы на протяжении 1893–1915 гг. стабильно возрастали, увеличившись в 3 раза – с 202,7 тыс. дес. в 1893 г. до 642,1 в 1915. В юго-восточной части Пермской губернии в начале XX в. сложился крупный район товарного зернового хозяйства, специализировавшийся преимущественно на производстве яровой пшеницы.

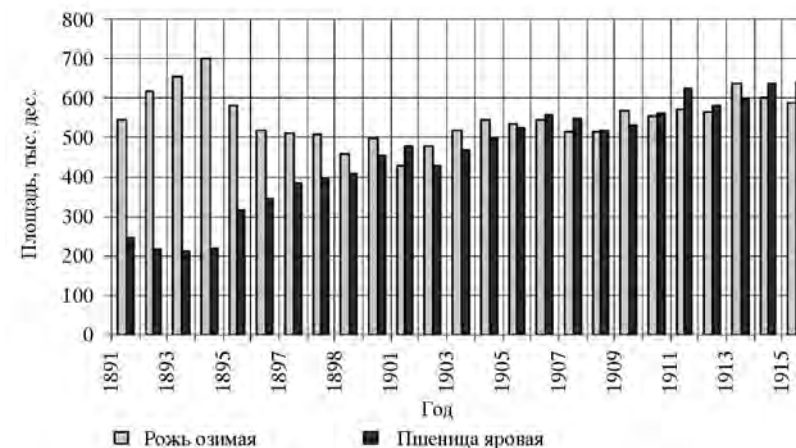


Рис. 2. Соотношение посевных площадей озимой ржи и яровой пшеницы в крестьянских хозяйствах Пермской губернии по данным Пермского губернского земства, 1891–1915 гг., тыс. дес.

Составлено по: Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1901 г. Пермь, 1902. С. 3–23; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1902 г. Пермь, 1903. С. 70–71. Приложение; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 г. Пермь, 1904. С. 70–71; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 г. Пермь, 1905. С. 54–55; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1905 г. Пермь, 1906. С. 54–55. Приложение; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1906 г. Пермь, 1907. С. 50–51. Приложение; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1907 г. Пермь, 1908. С. 106–107. Приложение; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1908 г. Пермь, 1909. С. 106–107. Приложение; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1909 г. Пермь, 1916. С. 108–109; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 44-й оч. сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1913. С. 366–367; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 46-й оч. сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1916. С. 112–115

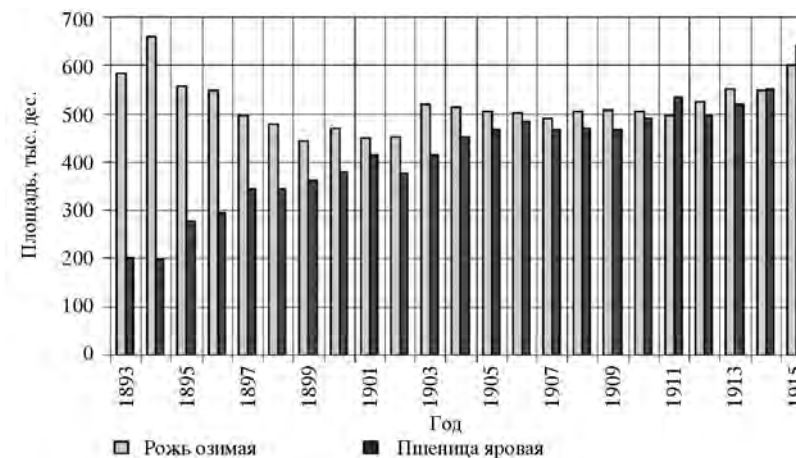


Рис. 3. Соотношение посевных площадей озимой ржи и яровой пшеницы в крестьянских хозяйствах Пермской губернии по данным ЦСК МВД в 1893–1915 гг. Составлено по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы ЦСК по урожаям на наделных землях). М., 1928. С. 125–126

Посевные площади в руках крестьянина были весьма чувствительным инструментом, с помощью которого он реагировал на малейшие изменения почвенно-климатических, природных, а также социально-экономических условий, запросов рынка. В конце XIX в. в земледелии Пермской губернии произошли значительные изменения – паровая система вблизи крупных населенных пунктов вытеснила переложно-паровую. Содержание паровой зерновой системы значительно отличалось от того, каким оно было в первой половине века: расширяется набор сельскохозяйственных культур, однотипный трехпольный севооборот постепенно заменялся многопольными севооборотами. Изменяется соотношение посевов основных продовольственных хлебов – озимой ржи и яровой пшеницы.

Сборы хлебов. Руководителей Пермской губернии, земство и правительственную администрацию интересовали не столько сведения об урожайности и посевных площадях, сколько итоговые показатели – величина валовых и чистых сборов зерна. Статистики стремились рассчитать степень обеспеченности населения губернии хлебом – продовольственная безопасность относилась к основным задачам центральных и региональных властей. Но никаких объективных, основанных на измерениях (запасов в амбарах и пр.) данных не имелось. Поэтому статистики, опираясь на исходные сведения об урожайности (достоверные) и посевных площадях (малодостоверные), просто вычисляли примерные величины валовых сборов.

Анализ имеющихся данных ЦСК МВД за 1893–1915 гг. показывает, что рост валовых сборов главных зерновых культур (ржи озимой и яровой, пшеницы, ячменя, овса) в целом происходил по мере увеличения посевных площадей, при частых колебаниях в неурожайные годы. Засухи приводили к небольшим сокращениям площади посевов в крестьянских хозяйствах, когда семенной фонд вынужденно использовался на продовольственные нужды (рис. 4). Сокращение посевных площадей фиксируется в 1899, 1902, 1907, 1912 г.

Следующая диаграмма (рис. 5) показывает валовые сборы основных зерновых культур в Пермской губернии. Даже учитывая, видимо, заниженные показатели этих сведений, необходимо отметить, что, оставаясь потребляющим регионом, Пермская губерния в то же время была и крупным аграрным районом – в юго-восточных уездах производилось значительное ко-

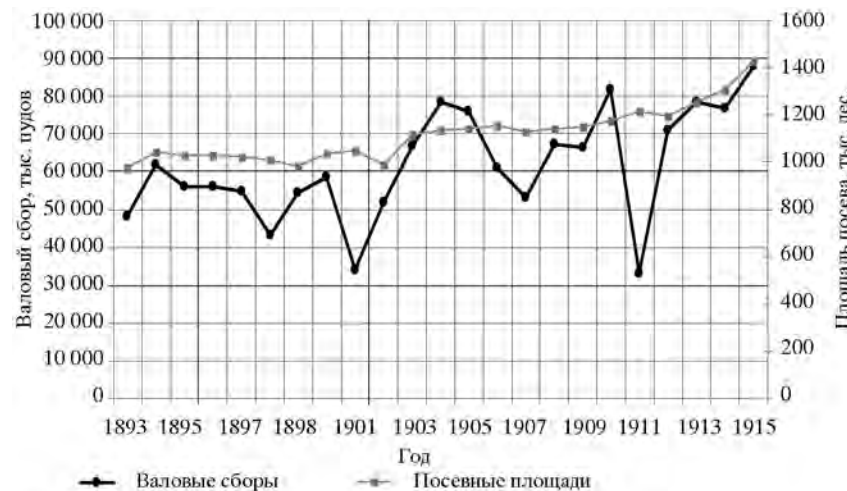


Рис. 4. Соотношение валовых сборов и площадей посевов главных зерновых культур (ржи озимой и яровой, пшеницы, ячменя, овса) в Пермской губернии в 1893–1915 гг.

Составлено по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы ЦСК по урожаям на надельных землях). М., 1928. С. 125–126



Рис. 5. Валовые сборы основных зерновых культур (ржи озимой и яровой, пшеницы, ячменя, овса) в Пермской губернии в 1883–1915 гг.

Составлено по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы ЦСК по урожаям на надельных землях). М., 1928. С. 125–129; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1901 г. Пермь, 1902. С. 3–23; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1905 г. Пермь, 1906. С. 160; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 46-й очередной сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1916. С. 119

личество товарного хлеба. Для Среднего Урала, как и для других потребляющих регионов России, внутригубернские валовые сборы не дают точной информации о положении с продовольственным обеспечением населения. Нужно учитывать привоз зерна из Сибири, запасы от прошлых лет (и не только в самих крестьянских хозяйствах, но и в городах и заводских поселках, где уже в XVIII в. создавалось большое количество амбаров для хранения хлебных запасов). Поэтому колебания сборов даже в самые неурожайные годы для потребляющих губерний не обладали строгой корреляцией с положением крестьянства, которое на Урале часто имело дополнительные заработки, из которых, например, выплачивались подати. В обычной крестьянской семье фонд потребления составляли продовольственные хлеба, оставшиеся после выплат податей и отложенного запаса посевного материала²⁵. Для значительной части пермского крестьянства требуется учитывать как промышленные внедеревенские доходы, так и доступность для сельчан покупки продовольствия во время неурожая в городских лавках, где хлеб имелся практически всегда.

Кроме основных зерновых культур для сельскохозяйственного производства крестьян Пермской губернии была характерна значительная роль огородных и иных «второстепенных» культур. Не имея возможности конкурировать с дешевым привозным хлебом, уральские крестьяне, особенно более северных нечерноземных уездов, переключались на пригородное овощеводство и другие формы хозяйствования.

Овощеводство, или, как его было принято называть, огородничество, земскими и правительственными статистическими учреждениями не исследовалось. В земских обзорах отмечалось, что в крестьянских хозяйствах Пермской губернии им занимаются лишь для удовлетворения личных потребностей, т. е. оно имело приусадебный характер. Из овощей стоит выделить картофель, набравший среди населения популярность.

Посевные площади картофеля, составлявшие 4569 дес. в 1881 г., к 1914 г. возросли почти в 3 раза и занимали площадь 17 941 дес. (см. табл. 30). Картофель в крестьянском хозяйстве Пермской губернии играл роль резервной продовольственной культуры, резкое увеличение объемов его производства фиксируется после голодного 1891 года. И вообще резкий рост посевных площадей под картофелем происходил в неурожайные го-

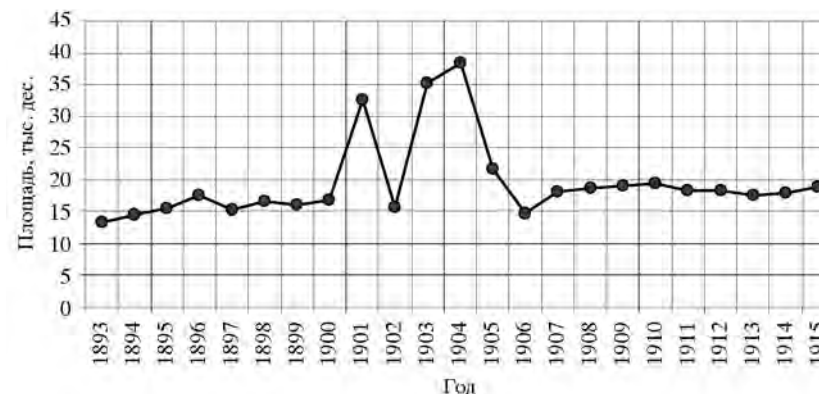


Рис. 6. Площади посева картофеля в крестьянских хозяйствах Пермской губернии в 1893–1915 гг.

Составлено по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы центрального статистического комитета по урожаям на наделных землях). М., 1928. С. 128

ды. Так, в условиях недорода 1901 г. посев картофеля фактически удвоился, составив 32 604 дес. против 16 710 в 1900. Максимального уровня площади посевов картофеля достигли в 1904 г., составив 38,4 тыс. дес., компенсируя неурожай зерновых предшествующих лет (см. рис. 4, 6)²⁶.

Официальные данные ЦСК МВД (см. табл. 30) показывают устойчивый рост посевов технических культур в крестьянских хозяйствах Пермской губернии. Так, доля посевов льна в 1881 г. составляла 2,3%, а конопли – 0,7, в 1914 г. лен занимал 2,1% посевных площадей, конопля – 0,6. Лен в крестьянском хозяйстве зачастую использовался в качестве культуры-пионера при распахке целинных земель²⁷, которых было еще немало на степном юго-востоке. Стабильные посевы льна и конопли могут свидетельствовать как о сохранении полунатурального хозяйства с традиционным производством домотканого полотна, так и о проникновении рыночных отношений – семена льна и конопли в широких масштабах скупались для изготовления технических масел, что побуждало крестьян расширять посевы под ними, особенно когда привозное зерно вытесняло местный хлеб. Посевная площадь технических культур в целом оставалась стабильной (рис. 7).

Достаточно низкая урожайность в крестьянских хозяйствах Пермской губернии, как и в целом по стране, резкие перепады в сборах зерна из-за погодных условий были обусловлены рутинной системой земледелия, примитивной агротехникой, по-

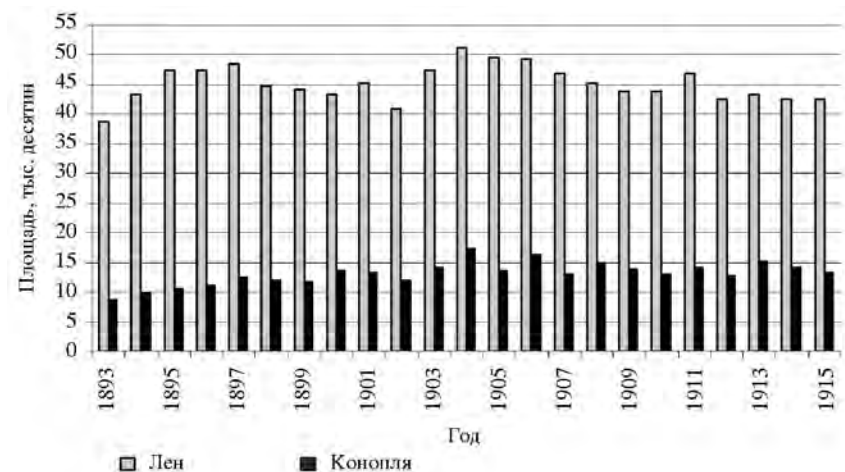


Рис. 7. Посевные площади льна и конопли в крестьянских хозяйствах Пермской губернии в 1893–1915 гг.

прежнему доминировавшими в традиционных общинах. Экстенсивное хозяйствование уже к началу 1880-х гг. отчетливо проявило негативные черты. Хронические неурожаи, как отмечалось в приложении к отчету пермского губернатора за 1879 г., происходили от неконтролируемой вырубке лесов, истощения почвы и нерационального ведения крестьянами хозяйства²⁸. В отчете губернатора за 1890 г. говорилось, что «правильной системы обработки земли в Пермской губернии не ведется... В губернии издревле практикуется трехпольная и переложная зерновая система земледелия. Крестьяне, не имея достаточно навоза, оставляют большинство возделываемых земель без удобрения, а употребление других удобрительных материалов им пока неизвестно. В южной полосе губернии, где черноземные почвы считаются жирными, население практикует такой способ земледелия: с одной и той же почвы крестьянин снимает хлеб несколько лет подряд, пока в почве не истощится весь запас питательных веществ, и затем оставляет землю для отдохновения на известное число лет, а сам распахивает новый участок земли и подобным же образом обрабатывает ее несколько лет. Помещичьих хозяйств в губернии немного, и они какого-либо существенного влияния на развитие крестьянских хозяйств оказать не могут, так как ведутся в общем теми же способами, как и крестьянские хозяйства»²⁹.

Результатом становилась полная зависимость от природно-климатических условий. Так, засуха 1901 г. привела к катастрофическому снижению сбора зерновых. Урожай был значительно ниже средних данных за предшествующее десятилетие 1891–1900 гг. По некоторым уездам сбор хлебов составлял 1/3 или даже меньше среднего урожая предыдущих лет. Недород главных зерновых культур по губернии достигал 41,4%³⁰. В начале XX в. большая часть крестьянских хозяйств оставалась на уровне, едва обеспечивавшем собственное потребление. При неблагоприятных климатических явлениях часто имел место голод (1901, 1905, 1906, 1911 г.)³¹.

Поэтому пермские земские статистики, местная администрация уделяли такое большое внимание вопросам *продовольственного обеспечения* сельского населения, что для региона, значительная часть которого лежала в зоне весьма неблагоприятной для ведения сельского хозяйства, было вполне оправданным. При изучении этого вопроса необходимо определиться с нормами потребления. По данным правительственной комиссии, к 1901 г. в 50 губерниях Европейской России в среднем на одного сельского жителя от наделной земли получалось по 16,6 пуда продовольственного хлеба (к нему причислен и картофель в пропорции 1:3). В литературе встречается большое разнообразие средних нормативов потребления, но наиболее часто используется норма 20 пудов на человека в год³². Материалы не только о нормах потребления пищевых продуктов в Пермской губернии, но и фактическом уровне, количестве и структуре потребляемых продуктов содержатся в земских статистических трудах и имеют отрывочный характер. В связи с этим нужно проанализировать поуездные данные.

Так, в итогах подворной переписи 1890–1891 гг., охватившей 9 из 47 волостей Оханского уезда, показано, что основу продовольственного бюджета крестьянского хозяйства составляли продукты полеводства. С учетом проданного и приобретенного хлеба, вычитая зерно на посев, в среднем на 1 человека приходилось 16,48 пуда потребления продовольственных хлебов, плюс 0,44 пуда приобреталось мукой, итого 16,92. Отметим, что данные этой подворной переписи нетипичны и отражают структуру потребления в условиях неурожая (табл. 31), без учета незначительного количества приобретаемых других продуктов питания: рыбы, соли, сахара, чая, вина.

Таблица 31

Среднее потребление пищевых продуктов в Оханском уезде в 1890–1891 гг.

Продукт	Потребление, пудов/чел.
<i>Зерновые</i>	
Рожь озимая	7,25
Рожь яровая	0,67
Пшеница	0,41
Ячмень	7,37
Горох	0,78
Мука ржаная и пшеничная (куплено)	0,44
<i>Итого</i>	<i>16,92</i>
<i>Мясо</i>	
Мясо домашней заготовки	1,05
Мясо купленное	0,15

Составлено по: Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. / Сост. Е.И. Красноперов. Пермь, 1896. С. 207–208.

Основную роль в питании местного крестьянства играли рожь и ячмень, роль пшеничного хлеба была минимальной. Конечно, размер потребления зависел от экономического состояния хозяйства, количества работников и ценности капитала, размеров посевной площади и поголовья рабочего скота. В табл. 31 приведены усредненные данные. Однако, можно утверждать, что образ жизни и, следовательно, структура питания всего сельского населения имели общие черты. Уровень социально-экономического расслоения в традиционной деревне юго-запада Пермской губернии оставался еще невысоким.

Для сравнения приведем материалы о структуре и объемах потребления горнозаводских мастеровых. В ходе оценочных работ губернского земства в 1901 г. исследованы 1459 хозяйств мастеровых Висимо-Уткинской и Висимо-Шайтанской волостей Верхотурского уезда. Потребление продуктов питания находилось в непосредственной зависимости от структуры, численного состава домохозяйства и его имущественной состоятельности. Душевое потребление в больших семьях в качественном и количественном отношении являлось лучшим, так как эти хозяйства были экономически более состоятельными и обладали сравнительно более высокими показателями по обеспеченности рабо-

Таблица 32

Соотношение численного состава семьи и потребляемых продуктов питания мастеровых Висимо-Уткинской и Висимо-Шайтанской волостей Верхотурского уезда в 1901 г.

Группа дворов по обеспеченности рабочими лошадьми	Человек на домохозяйство (оба пола)	Мужчин 18–59 лет на домохозяйство	Потребление продуктов питания на душу						
			Рожь, пуды	Крупчатка, пуды	Мясо, пуды	Молоко, ведра	Масло, пуды	Яйцо, шт.	Картофель, пуды
Безлошадные	4,0	0,4	8,0	8,5	0,7	7,0	0,1	27,0	2,4
1–2 лошади	5,6	1,3	9,0	9,8	0,9	11,0	0,2	49,0	2,7
3 и более	7,0	1,7	12,5	10,6	1,6	15,0	0,3	62,0	6,4
В среднем	5,5	1,1	9,8	9,6	1,1	11,0	0,2	46,0	3,8

Составлено по: Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1902. С. 122–151.

чими руками и лошадьми (табл. 32). Полевое хозяйство, несмотря на неблагоприятные почвенные условия, было довольно развитым у мастеровых, особенно в многолошадной группе, в которой значительное число домохозяев занималось земледелием, используя полученные продукты в продовольственных целях и на корм скоту. В расходной части денежного бюджета траты на продукты питания составляли главную статью³³.

Из табл. 32 видно, что в среднем по группам потребление ржи и крупчатки вместе составляло 19,4 пуда, а с картофелем (в пересчете картофеля на зерно, по соотношению 3 пуда картофеля на 1 пуд зерна) среднегодовая душевая норма превышала 20 пудов на человека, что соответствует принятым в то время нормативам для городского (индустриального) населения³⁴. В высшей группе потребление зерновых доходило до уровня 25 пудов на душу. Данные табл. 32 показывают тесную корреляцию душевого потребления продуктов питания с составом семьи (наличие в хозяйстве мужчин трудоспособного возраста) и обеспеченностью дворов рабочим скотом. Для Пермской губернии наличие в хозяйстве лошадей имело особое значение, позволяя дополнительно зарабатывать на гужевых перевозках и иных работах.

Эту взаимосвязь подтвердило исследование экономического благосостояния крестьянских хозяйств Красноуфимского уезда, проведенное заведующим оценочным бюро Пермского губернского земства Г.И. Баскиным в 1903 г. Полученные итоги также

Таблица 33

Соотношение средней обеспеченности рабочими лошадьми и работниками крестьянских хозяйств Красноуфимского уезда в 1903 г. и площади посева

№	Посевная группа, дес.	Средняя площадь посева на двор, дес.	Рабочих лошадей на хозяйство	Работников-мужчин на хозяйство
1	Без посева	—	0,8	1,0
2	До 2,0	1,2	1,4	1,1
3	2,1–5,0	3,4	1,8	1,2
4	5,1–10,0	7,4	2,9	1,6
5	10,1–15,0	11,9	4,0	1,7
6	15,1–20,0	17,5	6,3	1,8
7	20,1–25,0	21,7	6,2	1,5
8	25,1–50,0	26,9	6,0	2,0
9	50,1 и более	68,9	22,0	2,0

Составлено по: Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 33-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 899.

указывают, что уровень потребления на душу был выше в больших крестьянских семьях, являвшихся экономически более состоятельными, уровень которой определялся размером посевной площади на хозяйство. Всего было выделено девять групп (табл. 33). Средние количественные данные показывают, что по мере увеличения посевной площади сокращалась относительная численность хозяйств без мужчин-работников. С увеличением площади посева в хозяйстве возрастала численность лошадей.

Это данные по южному для Пермской губернии Красноуфимскому уезду, где имелись массивы плодородных черноземов и было развито товарное земледелие. В 1893 г. податный инспектор Кунгурско-Красноуфимского округа сообщал, что в хлебной торговле большую роль играют село Ачитское, расположенное на Сибирском тракте, заводы Артинский и Михайловский. Хлеб ежегодно сплавляется в барках по р. Уфе. В том году было отправлено «8 барок обыкновенной емкости до 25 000 пуд., готовилось к нагрузке более судов, но скорая убыль воды помешала их сплаву»³⁵. Очень много зерна вывозилось из Красноуфимска и с Усть-Машской пристани.

Табл. 33 показывает, что корреляция числа работников и площади посева достаточно слабая. В группах сельских предпринимателей (от 10–15 дес. посева и более) с высокой долей вероятности практиковался найм батраков. Зато между поголовьем рабочих лошадей и посевной площадью – четкая взаимосвязи-

Таблица 34

Потребление зерновых и картофеля на душу в крестьянских хозяйствах Красноуфимского уезда в 1903 г. по посевным группам, пуд.

Зерновая культура	Посевная группа, десятины					
	До 2,0	2,1–5,0	5,1–10,0	10,1–15,0	15,1–20,0	20,1–25,0
Рожь	11,4	12,1	12,7	18,5	12,0	14,4
Пшеница	2,9	4,0	4,6	7,8	9,6	9,4
Ячмень	0,2	0,2	0,9	0,7	0,4	2,4
<i>Итого</i>	<i>14,5</i>	<i>16,3</i>	<i>18,2</i>	<i>20,0</i>	<i>22,0</i>	<i>26,2</i>
Картофель	3,7	4,4	4,4	3,9	4,0	4,7

Составлено по: Доклады Пермской губернской земской управы 33-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 910.

мость (при средней нагрузке на рабочую лошадь в 3–5 дес. посева). В малопосевных группах наблюдается избыток рабочего скота, здесь лошадь использовалась не только на своем полевом участке, но и при заработках на стороне.

Опираясь на эту группировку хозяйств по посеву, Г.И. Баскин составил бюджетные описания крестьянских дворов. Анализ посевных групп (табл. 34) позволяет сделать вывод, что в нижних слоях крестьянства (бедняки и середняки с посевами до 10 дес.) значительная часть производимого продовольствия шла на личное потребление. При средней урожайности даже в 50 пуд. (см. рис. 1) в группе 3 собиралось 170 пудов зерна, из которых средней крестьянской семье из пяти человек на пропитание требовалось при норме в 20 пудов около 70–80 (половина семьи – дети). Здесь удовлетворялись лишь самые насущные потребности.

В зажиточных крестьянских дворах на внутрисемейное потребление расходовалась уже небольшая часть выращенного хлеба. Хотя во всех группах рожь являлась самым важным продовольственным хлебом, но ее значение снижается в богатых дворах, где в питании равнозначную роль начинал играть белый пшеничный хлеб.

Если потребление хлеба в крестьянской семье с посевом до 2 дес. в среднем составляло 14,5 пуда на едока, в том числе ржи – 11,4 пуда, то в посевной группе 20,1–25,0 дес. на едока приходилось уже 26,2 пуда хлеба. Недостаток в продовольственных хлебах у бедняков восполнялся картофелем, посевы которого не сильно различались по группам. Продовольственное обес-

печение в малопосевных крестьянских хозяйствах было ниже не только в количественном отношении, но и в качественном, доля картофеля как продовольственного продукта возрастала с уменьшением размера хозяйства³⁶. В богатых дворах картофель мог выращиваться и на продажу для винокуренных заводов.

Важным в деятельности Пермского земства являлся вопрос о величине продовольственных норм, так как именно на основании этих показателей осуществлялась помощь населению во время неурожая. Первоначально, после недорода 1901 г., норматив продовольственного обеспечения был установлен в размере 15 пудов на едока³⁷.

Однако анкетное исследование в августе 1903 г. показало, что годовая потребность населения в продовольствии была значительно выше. По показаниям 802 корреспондентов, годовая потребность взрослого человека в среднем определялась в 24,2 пуда хлеба, для подростка возрастом до 15 лет – 17,8, ребенку от 5 до 10 лет требовалось около 12,8, а на ребенка до 5 лет – около 7,9 пуда (табл. 35).

Таблица 35

Показания добровольных корреспондентов Пермскому губернскому статистическому бюро в августе 1903 г. о размере годового потребления хлебов на одну душу

Уезд	Число респондентов	Потребляемый хлеб, пуд.			
		взрослым человеком (старше 16 лет)	подростком (11–15 лет)	ребенком (6–10 лет)	ребенком (0–5 лет)
Верхотурский	49	24,0	17,4	12,4	7,6
Екатеринбургский	83	23,8	16,7	12,0	7,7
Ирбитский	77	25,6	19,4	14,5	9,5
Камышловский	36	23,6	18,0	12,4	8,1
Красноуфимский	54	22,8	16,1	11,6	7,5
Кунгурский	57	24,5	17,1	12,2	7,4
Осинский	95	26,6	18,2	13,1	8,0
Оханский	111	23,9	17,4	12,3	7,8
Пермский	63	23,5	17,4	12,5	7,3
Соликамский	63	24,3	18,9	13,6	8,1
Чердынский	25	23,8	17,5	12,9	7,1
Шадринский	89	23,9	18,9	13,9	9,2
По губернии	802	24,2	17,8	12,8	7,9

Составлено по: Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 г. Пермь, 1904. С. 115.

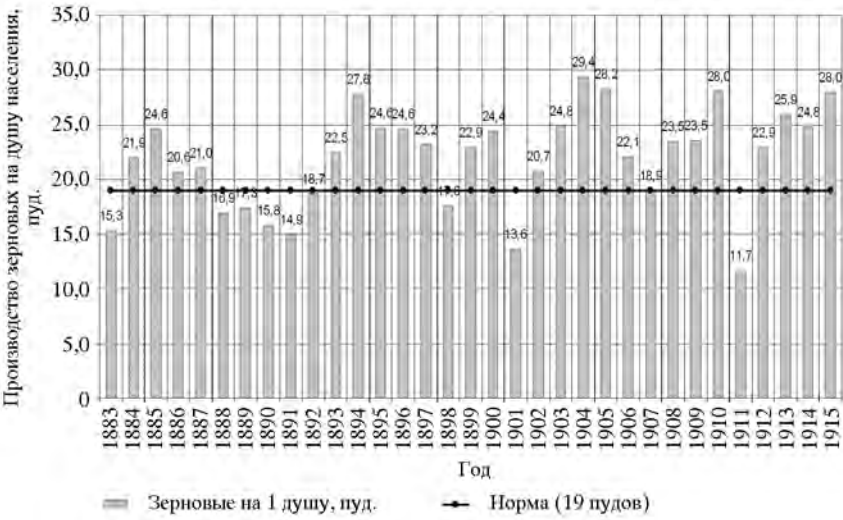


Рис. 8. Производство зерновых продовольственных культур (ржи озимая и яровая, пшеницы, ячменя, полбы, гречихи, гороха, проса) на душу сельского населения в Пермской губернии в 1883–1915 гг., пуд.
Составлено по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы ЦСК по урожаям на наделных землях). М., 1928. С. 125–128; Зайцев В. К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 81

Добровольные земские корреспонденты, скорее всего, сообщали «нормальную» годовую потребность в продовольствии, которая для взрослого человека соответствовала городскому нормативу или питанию состоятельного сельчанина. Видимо, под влиянием такой информации с 1904 г. продовольственная норма для расчета обеспеченностью продовольствием населения Пермской губернии была повышена до 19 пудов на человека³⁸.

Официальные данные ЦСК МВД о валовом сборе основных продовольственных культур на душу сельского населения, в число которых входили рожь озимая и яровая, пшеница, ячмень, полба, гречиха, горох, просо, указывают на недостаток производимых хлебов (рис. 8). Овес в данном случае не учитывался, так как относился к кормовым культурам и использовался населением в основном в качестве фуража. Валовой сбор на душу сельского населения без вычета посевного материала фиксирует резкие колебания уровня производства. В течение 10 из 33 лет принятая земством минимальная норма потребления хлеба, связанная с базовой физиологической потребностью человеческого организма в пище, не достигалась. Даже с учетом заниженных

сведений ЦСК МВД, крестьянство Пермской губернии эпизодически испытывало нехватку продовольствия.

В отдельные периоды ситуация в пермской деревне сильно обострялась. Так, значительный спад производства на душу сельского населения, произошедший в 1886–1891 гг., привел к острому продовольственному кризису 1890–1891 гг.³⁹ В докладе продовольственной комиссии XXII чрезвычайному Пермскому губернскому земскому собранию 1891 г. отмечалось, что наибольший урон в экономическом отношении был нанесен населению Шадринского, Екатеринбургского и Камышловского уездов. Даже у «более достаточных хозяев» были израсходованы не только излишние, но и достаточные запасы, что в свою очередь привело к сокращению поголовья скота. Скот продавался или из-за отсутствия корма, или для прокормления семьи. Комиссией отмечалось, что еще 1883 год был неурожайным, однако нужда населения тогда не была настолько велика. Спад сбора хлебов в Пермской губернии длился ряд лет, до 1889 г., результатом чего стало сокращение посевов, а последовавшие сильнейшие неурожаи 1890 и 1891 г. окончательно подорвали шаткое положение крестьянского хозяйства⁴⁰.

На рубеже XIX–XX вв. крестьянское хозяйство Пермской губернии оказалось в непростой ситуации, в первую очередь – традиционное общинное крестьянство западных и северных уездов. Кризис патриархальной деревни дополнялся конкуренцией дешевого сибирского хлеба и упадком многих горных заводов, бывших ранее местом сбыта сельскохозяйственной продукции. Но в жизни крестьянства Урала действовали и иные факторы, способствовавшие поиску путей выживания и развития местной деревни. Во-первых, это более высокий из-за векового соседства с горной индустрией образовательный уровень рядового населения. Во-вторых, сложившаяся в городах и заводских поселках уральская интеллигенция, образованные слои общества в рамках земского самоуправления очень рано стали не просто предпринимать меры по оказанию разнообразной поддержки крестьянству, но стимулировать разные *новации в аграрной сфере* в целях модернизации, перестройки сельского хозяйства Пермской губернии. Неслучайно именно здесь в 1879 г. в Верхотурском уезде была введена должность земского агронома.

И деятельность самого населения, и помощь со стороны местных властей и земских структур включали не только благо-

творительную поддержку в виде ссуд или безвозвратных пособий. Ссуды выдавались в основном хлебом, выдача денежных сумм допускалась в незначительных размерах. Продовольственные и семенные ссуды, выданные из хлебозапасных и общественных магазинов, губернского и общественного капиталов, возвращались не позднее чем через три года (из запасных магазинов зерном, из продовольственных капиталов деньгами). Помимо этого наиболее нуждавшимся выделялись безвозвратные хлебные пособия. В момент обострения нужды земские учреждения старались разнообразить продовольственную помощь путем выдачи не только хлеба, но и горячей пищи, а также денег. Для предупреждения возможных эпидемий организовывали особую врачебно-питательную помощь. Практиковались организация общественных работ, а также покупка скота и кормов для него⁴¹.

Но помимо этого на Среднем Урале предпринимались мероприятия по переустройству села, внедрению интенсивных форм хозяйствования. Качественные изменения в земледелии крестьян стали возможны благодаря агротехнологическим нововведениям, проявившимся в улучшении орудий обработки почвы и молотбы, а также новым сортам зерновых культур. Несомненно, большое воздействие на распространение нововведений оказали близость горнозаводских центров и деятельность земства, направленная на поднятие уровня сельскохозяйственной культуры в губернии. Пермское земство было одним из лидеров создания постоянной агрономической организации. Начавшись в 1883 г., агрономическая деятельность уже не прекращалась. К концу 1880-х гг. создана полноценная агрономическая организация, наиболее значимым достижением которой в то время было создание участковой агрономии⁴².

В состав организации агрономических смотрителей входили губернский агроном, его помощник и находившиеся в уездах 12 агрономических смотрителей. Должностные обязанности последних заключались: в проведении бесед по разным вопросам местного хозяйства; организации показательных опытов; руководстве опытно-показательными хозяйствами, опытными полями и школьными хозяйствами; содействии хозяевам в приобретении улучшенных семян, породистого скота и усовершенствованных сельскохозяйственных орудий; сборе материалов об экономическом состоянии крестьянских хозяйств; разработке и осу-

ществлении мер борьбы с вредными насекомыми и другими паразитами растений⁴³.

Численность агрономического персонала Пермского земства в 1913 г. составляла уже 170 человек, в том числе агрономов было 56, специалистов, инструкторов и техников по сельскому хозяйству – 43, низшего агрономического персонала – 71. Общая сумма затрат на содержание агрономического персонала составляла 158,7 тыс. руб. Из средств государственного казначейства на эти цели было израсходовано 40,3 тыс. руб., или 25,4%, а из бюджетов земств – 118,4, или 74,6⁴⁴. К 1914 г. в Пермской губернии функционировало 57 агрономических участков, планировалось увеличение их до 70⁴⁵.

Расходы земства на развитие сельского хозяйства губернии постоянно росли. В 1895 г. из бюджетов губернского и уездных земств было выделено, тыс. руб.: 91,2, 1901 г. – 143,6, 1907 г. – 275,9, 1912 г. – 692,0. Таким образом, за период с 1895 по 1912 г. общая сумма расходов на поддержку отрасли увеличилась в 7,5 раз. По общей сумме ассигнований на сельское хозяйство Пермская губерния в 1912 г. среди 34 «земских» губерний Европейской России занимала третье место после развитых в аграрном отношении Екатеринославской и Полтавской губерний⁴⁶.

На средства земств губернии существовали три опытных сельскохозяйственных учреждения – фермы. Первая была открыта в Красноуфимском уезде, учрежденная в 1881 г. С 1893 г. при ферме действовало промышленное училище, готовившее специалистов сельского хозяйства для местных нужд. Шадринская земская ферма возникла в 1882 г., с 1893 г. при ней функционировало низшее сельскохозяйственное училище. Последней по времени открытия являлась ферма Ирбитского земства, созданная в 1891 г. В 1895 г. при ферме начала работу низшая сельскохозяйственная школа 1-го разряда. Основными функциональными целями земских учреждений были: внедрение в сельскохозяйственное производство губернии новых способов агротехники, распространение улучшенного посевного материала⁴⁷.

Новым веянием в крестьянском хозяйстве Пермской губернии стали посевы кормовых трав и травопольные севообороты. Еще в начале 1890-х гг. в губернии травосеяние существовало лишь при сельскохозяйственных земских фермах и у некоторых частных лиц. Земские специалисты распространяли среди местного населения семена клевера, тимopheевки и других кормовых

Таблица 36

Количество крестьянских хозяйств Пермской губернии с посевом клевера в 1909–1912 гг.

Год	Число домохозяев	Доля от общего числа домохозяев, %	Доля от всей посевной площади, %
1909	22 105	5,25	1,21
1910	22 316	3,50	0,94
1911	19 764	4,40	0,88
1912	26 071	7,70	1,60

Составлено по: Цифровой материал о положении сельского хозяйства крестьян Пермской губернии за восьмилетний период с 1905 по 1912 г. включительно. Пермь, 1913. С. 8–11.

трав⁴⁸. Во многом именно под воздействием земского агрономического персонала в Пермской губернии расширялись посевы клевера. Пермский красный клевер – детище одного из основоположников агрономической науки на Урале В.Н. Варгина – на Международной выставке в Милане в 1906 г. был аттестован золотой медалью. С 1889 по 1913 г. Варгин работал агрономом Пермской губернской земской управы и много внимания уделял внедрению результатов научных исследований в сельскохозяйственную практику. В Пермской губернии к распространению травосеяния привлекались целые сельские общины⁴⁹.

Результатом этой деятельности становится появление в крестьянских хозяйствах углового травосеяния для нужд животноводства. Посевы кормовых трав в Пермской губернии в 1909 г. производили 5,25% домохозяев, что составляло 1,21% посевных площадей губернии. В 1912 г. посев трав осуществляли в 7,7% хозяйств (табл. 36).

Сведения о влиянии травосеяния на крестьянское хозяйство содержатся также в материалах подворной переписи Оханского уезда 1913 г. Травосеянием здесь было занято 20,5% хозяйств. Применяя метод комбинационных таблиц, земские статистики выяснили, что количество хозяйств с посевами трав возрастало с увеличением числа лошадей в хозяйстве и определялось запасом мужской рабочей силы. Это объяснялось тем, что посев трав по сравнению с использованием естественных покосов требовал значительных трудовых затрат. Доля хозяйств с посевом трав возрастала и с расширением размера земельного надела. Использование кормовых трав благотворно сказывалось на состоянии крестьянского скотоводства, способствуя его интенсификации⁵⁰.

Важнейшим фактором модернизации сельскохозяйственного сектора экономики выступало использование технических новшеств, начиная с простейших сельскохозяйственных машин, что не просто облегчало труд землепашца, способствовало улучшению обработки пашни, но и позволяло увеличивать обрабатываемую площадь.

Основными сельскохозяйственными орудиями, используемыми в Пермской губернии в конце XIX в., были соха, или сабан, борона. Молотьба в основном производилась цепями, зерно веяли вручную. Хлеба жали серпами. Качество обработки земли сохой находилось в полной зависимости от индивидуальной способности пахаря. Такое орудие, как соха, не оставалось в статичном состоянии. Земледелец в конце XIX – начале XX в. вносил изменения в орудие пахоты; в основном трансформировался сошник, который начал выполнять функцию не только рыхления почвы, но и отвала пласта (курашимка, соха-колесуха, пермский сабан)⁵¹.

К началу XX в. появился устойчивый спрос на фабричную сельскохозяйственную технику. Этому способствовало относительное многоземелье в юго-восточных уездах, когда на селе трудно было найти наемного работника, поэтому выгоднее становилось заменить человеческий труд машинами. А значительные пространства, вовлекаемые в хозяйственный оборот, использовались в экстенсивном режиме, что тоже требовало особого набора орудий по обработке пашни⁵².

Исследование технического оснащения сельского хозяйства, проведенное в 1910 г. ЦСК МВД, зафиксировало результаты постепенного внедрения машин в крестьянских хозяйствах Пермской губернии. По степени обеспеченности усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем территория Европейской России была разделена на шесть районов. Пермская губерния входила во второй район, где доля усовершенствованных орудий составляла менее 10% от всего количества сельскохозяйственного инвентаря⁵³.

В среднем на одно усовершенствованное орудие пахоты приходилось 14,3 крестьянского хозяйства; сеялка приходилась на 273 двора, жатвенная машина – 55, молотилка – 17, веялка – 8 (табл. 37).

Фабричный, усовершенствованный инвентарь в Пермскую губернию поступал разными путями. Большая часть земледельческих машин и орудий изготавливалась в Пермской губернии

Таблица 37

**Обеспеченность крестьянских хозяйств Пермской губернии
усовершенствованным инвентарем в 1910 г.**

Вид орудия	Хозяйств на одно усовершенствованное орудие
Плуг	14,3
Борона	256,5
Сеялка	273,0
Жатвенная машина	55,0
Молотилка	17,0
Веялка	8,0
Сенокосилка	1906,0

Составлено по: Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913. С. XXX–XXXI.

местными кустарями. Крупными центрами производства считались заводы: Очерский (Оханский уезд), Артинский и Саранинский (Красноуфимский уезд), Каслинский (Екатеринбургский уезд). По сведениям агрономического бюро при Пермской губернской земской управе, в 1901 г. при заводах имелось 79 мастерских, кроме того, 292 мастерские располагались в других населенных пунктах губернии. Продукция удовлетворяла внутренний спрос и вывозилась в другие губернии. Например, машины Саранинского завода (веялки, молотилки) поставлялись в Оренбургскую, Самарскую, Тобольскую и Уфимскую губернии; Артинский завод являлся крупным производителем кос, серпов и чугунных деталей для сельскохозяйственных машин, поставлявшим продукцию в европейскую часть России и Сибирь⁵⁴.

Агентами (посредниками) по продаже выступали земские склады, частные лица, сельскохозяйственные общества, кооперативные учреждения. Первый сельскохозяйственный склад в Пермской губернии открылся в 1882 г. в Оханском уезде. Изначально склады создавались исключительно в городах, основное время открытия их пришлось на 1890-е, 1900-е гг.⁵⁵ Впоследствии сельскохозяйственные склады открывали отделения в селах. Как ни странно, отделений не имели земства земледельческих уездов, какими являлись Шадринский, Ирбитский, Осинский, Красноуфимский, Кунгурский и Камышловский; эти уезды в то же время были наименее обеспечены удобными путями сообщения. В 1912 г. в Пермской губернии работало 19 земских складов и их филиалов⁵⁶.

Условия отпуска товаров населению со складов земств губернии были разнообразны. Все земства давали товары в кредит с рассрочкой платежа на разные сроки и начислением процента. Наиболее продолжительная рассрочка была до 5 лет, она допускалась Шадринским земством на орудия обработки почвы и сортировальные машины. На остальные орудия рассрочка не превышала 2 лет. Соликамское земство при продаже минеральных удобрений начисляло 1,5% на рассроченную сумму, а при отпуске семян трав не требовало задатка.

Спрос на сельскохозяйственный инвентарь определялся покупательной способностью населения, которая зависела от результатов сельскохозяйственного года. Из данных земства видно, что по 12 уездам губернии обороты сельскохозяйственных складов были, руб.: в 1910 г. – 564 212, 1911 г. – 507 143, 1912 г. – 629 918. Понизились обороты складов в 1911 г. из-за крайне плохого урожая во всех уездах губернии⁵⁷.

Частная торговля сельскохозяйственными машинами и орудиями была развита меньше, нежели в других губерниях. Всего, по официальным данным на 1912 г., продажей сельскохозяйственного инвентаря занимались 20 частных лиц, 19 складов сельскохозяйственных обществ и кооперативных учреждений, крупнейшим из которых был склад Союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ в г. Екатеринбурге⁵⁸.

Исключение составляла торговля уборочными машинами. Наибольшим спросом жнеи-самосброски и сноповязалки пользовались в восточной половине губернии, это объяснялось тем, что крестьянские хозяйства Зауралья обладали большими площадями посевов и более коротким периодом для сбора урожая⁵⁹.

Таким образом, система земледелия у подавляющей части крестьянства Пермской губернии имела преимущественно экстенсивный характер, что соответствовало общинной форме землевладения. Сохранение традиционных способов эксплуатации земли при возраставшем демографическом давлении вело к дисбалансу в использовании природных угодий. Производство продовольствия в большинстве крестьянских хозяйств находилось на уровне самообеспечения. Истощение почв в комплексе с природными аномалиями приводило к периодическим сильным неурожаем, которые, как правило, сопровождались голодом. Ответной реакцией на возникшие вызовы становятся изменения в структуре посевных площадей. Культура озимой ржи как менее

ценная постепенно отходила на второй план, расширялись посевы яровой пшеницы. Большие усилия в модернизации аграрной сферы предпринимало пермское земство – во многом благодаря земской агрономии появляются посевы кормовых трав, внедряются усовершенствованные орудия труда, но в целом уровень технической оснащенности крестьянского хозяйства оставался низким.

2.2. СОСТОЯНИЕ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Животноводство в крестьянском хозяйстве Пермской губернии занимало второе по важности место после полеводства. Количество скота являлось одним из показателей состоятельности крестьянского хозяйства, а продукты животного происхождения (молоко, мясо, яйца, мед) представляли особую ценность для человека питательными и вкусовыми качествами. Важную роль играло животноводство как источник высокоценного сырья для текстильной, кожевенной, маслодельной промышленности. Изучение состояния животноводства имеет значение не только само по себе, но и потому, что оно оказывало решающее воздействие на земледелие, так как для обработки земли использовалась тягловая животная сила (лошади), а навоз служил источником удобрения.

Наиболее распространенным показателем состояния животноводства является численность скота. Это объясняется тем, что в животноводстве учет продукции – дело довольно сложное, а учесть количество скота проще. Численность скота позволяет оценить объем и изменение продукции животноводства. Для этого рассмотрим имеющиеся данные о поголовье животных в крестьянских хозяйствах Пермской губернии.

Статистика численности скота в Российской империи разрабатывалась разными учреждениями. Источниками служат данные Ветеринарного управления МВД и ЦСК МВД, собираемые полицейско-административным способом. В XIX в. ЦСК публиковал в своих изданиях данные о скотоводстве на основании приложений к губернаторским отчетам. В 1900 г. комитет принял самостоятельную регистрацию сельских домашних животных – через волостные правления и уездную полицию. Весь учтенный скот был подразделен на две категории владения:

крестьянский и владельческий. Впоследствии сведения, собранные указанным способом, печатались в ежегодных публикациях ЦСК, эта информация показывала численность поголовья в отдельной губернии без подразделения на городскую и сельскую местность и категории владения. В результате имеются однородные показатели за 1901–1915 гг. Хотя здесь также отмечался определенный недоучет, однако реальное поголовье (по крайней мере, без мелкого рогатого скота) фиксировалось более очевидными и доступными способами, что делает и количественные показатели более-менее достоверными, а динамика численности скота по этим данным отображалась удовлетворительно, что позволяет использовать их для анализа развития животноводства⁶⁰.

Другим важнейшим источником являлись сведения военноконских переписей конского поголовья. Государство регулярно собирало информацию на случай мобилизации лошадей для нужд армии. Такие переписи на территории Пермской губернии проводились 4 раза – в 1882, 1891, 1905–1906 и 1912 гг. Переписью 1882 г. было охвачено 6 уездов, в 1891 г. – 12, а в 1905–1906 и 1912 – по 10 уездов⁶¹.

Кроме того, данные о численности сельскохозяйственных животных содержатся в материалах текущей земской статистики, а также в публикациях итогов подворных переписей. В силу одновременности переписей они не позволяют выстроить динамику численности скота, но могут иметь контрольное значение – для проверки других источников.

По данным ЦСК МВД за 1900 г., основная часть поголовья скота в Пермской губернии принадлежала крестьянам (табл. 38). На их долю приходилось 96,0% лошадей, 75,3% поголовья крупного рогатого скота, 97,8% овец и коз и 97,7% свиней, поэтому применение губернских сводок оправдано при рассмотрении крестьянского животноводства.

Официальные данные о количестве скота, основанные на материалах ЦСК, указывают на увеличение численности поголовья, что было обусловлено приростом населения (см. приложение, табл. 4). По общей численности поголовья в 1882 г. Пермская губерния (3512,9 тыс. голов) занимала второе место на Урале после Вятской губернии (3973,1 тыс. голов), а в 1914 г. – первое (3882,2 тыс. голов). Пермская губерния абсолютно лидировала по численности лошадей, что было связано не только с

Таблица 38

**Численность поголовья скота в Пермской губернии
по данным исследования ЦСК МВД в 1900 г., тыс. голов, %**

Категория собственников	Лошади		Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свины	
	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%
Крестьяне	865,7	96,0	133,7	75,3	1501,0	97,8	233,3	97,7
Прочие	36,3	4,0	43,8	24,7	34,1	2,2	5,6	2,3
Всего	902,0	100,0	177,5	100,0	1535,1	100,0	238,9	100,0

Составлено по: Сведения о количестве скота в 1900 г. по данным волостных правлений и уездной полиции. Временник Центрального статистического комитета МВД. 1901. № 50. СПб., 1901. С. 14.

использованием их в качестве тягловой силы в сельском хозяйстве, но и с развитием гужевого транспорта для нужд горнозаводской промышленности.

В расчете на душу населения она уступала вновь колонизируемым сельскохозяйственным территориям Оренбургской и Уфимской губерний. За 1882–1914 гг. поголовье крупного и мелкого рогатого скота выросло на 6,1%, свиней на 14,3%, а количество лошадей сократилось на 7,8%. Общее поголовье стада увеличилось лишь на 369,3 тыс. голов, или 9,5%. Если учесть сложившуюся демографическую ситуацию, то производство животноводческой продукции на душу населения не только не увеличивалось, но и сокращалось. Число лошадей в расчете на 100 сельских жителей сократилось с 45 в 1882 г. до 27 в 1914 г., поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 38 голов до 35, мелкого рогатого скота с 50 до 34, а свиней с 11 до 6.

Ориентация крестьянского хозяйства на зерновое производство приводила к прямой зависимости численности скота от сбора хлебов. Прирост поголовья происходил в периоды роста сборов зерновых и резко снижался вслед за неурожайным годом. Так, по данным текущей земской статистики, вследствие сильного недорода 1891 г. количество лошадей сократилось на 18,9%, крупного рогатого скота – на 18,7%, а поголовье овец, коз и свиней уменьшилось на 24,2%⁶².

Крестьянский скот, по меткому выражению заведующего Ирбитской земской фермы Д.И. Кирсанова, «являлся ссудо-сберегательной кассой крестьянина». Рассматривая динамику численности поголовья скота в крестьянском хозяйстве, он указывал: «После каждого недорода количество скота сразу падает,

Таблица 39

**Численность скота в крестьянских хозяйствах Пермской губернии
в 1901–1906 гг., тыс. голов, %**

Год	Лошади		Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свины	
	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%
1901	1074,0	100,0	1511,1	100,0	1614,7	100,0	258,0	100,0
1902	1004,6	93,5	1326,7	87,8	1350,4	83,6	181,5	70,3
1903	1020,4	95,0	1355,7	89,7	1440,7	89,2	184,2	71,4
1904	1037,2	96,6	1352,5	89,5	1400,2	86,7	194,3	75,3
1905	1073,2	99,9	1546,2	102,3	1468,6	91,0	241,7	93,7
1906	1115,9	103,9	1513,8	100,2	1543,8	95,6	296,0	114,7

Составлено по: Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1902 г. Пермь, 1902; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 г. Пермь, 1904. С. 86; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 г. Пермь, 1905. С. 48; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1905 г. Пермь, 1906. С. 96; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1906 г. Пермь, 1907. С. 38.

особенно крупного рогатого скота, свиней и нерабочих лошадей. Очевидно, в трудную минуту крестьянин реализует содержимое своей кассы, после чего она при ничтожных усилиях со стороны крестьянина пополняется до прежнего уровня и притом довольно быстро. Современные условия жизни, по-видимому, еще не в состоянии сбить местное крестьянское хозяйство с веками проторенной дорожки, оно до сих пор несет многие существенные черты натурального хозяйства, в котором скот и доставляемые им продукты являются не столько предметом купли-продажи, сколько служат для удовлетворения насущных, несложных потребностей владельца»⁶³.

Негативно на состоянии крестьянского животноводства отразился и неурожай 1901 г. Земские специалисты сообщали, что сельское население, решая проблему обеспечения своих хозяйств хлебом, вынужденно продавало скот, в том числе рабочий. Утраченное за один год восстанавливалось в течение ряда лет (табл. 39). Данные ветеринарно-статистического отделения Пермского губернского земства показывают, что численность лошадей и свиней достигла уровня 1901 г. только в 1906 г., крупного рогатого скота – в 1905, а число мелкого рогатого скота и в 1906 составляло только 95,6% от уровня 1901 г.

Поголовье сельскохозяйственных животных Пермской губернии в 1901–1915 гг. не имело устойчивого роста, особенно сильны

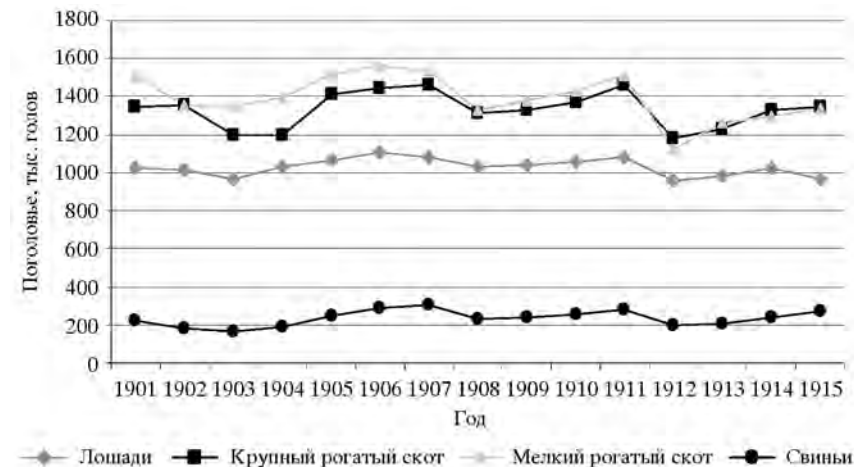


Рис. 9. Динамика численности сельскохозяйственных животных Пермской губернии в 1901–1915 гг.

Составлено по: Статистический ежегодник России 1911 г. СПб., 1912. Отд. 7. С. 57–84; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. Отд. 7. С. 46; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отд. 7. С. 46; Статистический ежегодник России 1914 г. СПб., 1915. Отд. 7. С. 46; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. Отд. 7. С. 33

были колебания численности крупного и мелкого рогатого скота. Количество лошадей оставалось более стабильным, так как их наличие определяло возможность ведения полевого хозяйства и нормального функционирования крестьянского двора. Данные ЦСК МВД указывают на снижение численности скота в 1901–1903 гг., 1906–1908 и 1911–1912 гг. Неблагоприятные условия 1901 сельскохозяйственного года привели к сокращению поголовья лошадей к 1903 г. на 6,0%, крупного рогатого скота – 11,4, мелкого рогатого скота – 11,1, свиней – на 26,9%. С 1903 г. наблюдалось увеличение численности всех видов сельскохозяйственных животных. Однако уже в 1906–1908 гг. произошло очередное уменьшение поголовья. Число лошадей сократилось на 6,1%, крупного рогатого скота – 9,3, мелкого рогатого скота – 14,4, свиней – на 20,4%. Самым резким снижением поголовья в начале XX в. отличаются 1911–1912 годы. В результате засухи и неурожая трав и зерновых 1911 г. численность лошадей за один сельскохозяйственный год сократилась на 11,8%, крупного рогатого скота – на 19,6, мелкого рогатого скота – 25,5, свиней – на 28,2% (рис. 9).

Главную роль в функционировании крестьянского двора играли лошади. Коневодство обеспечивало возможность ведения

полевого хозяйства, а гужевой транспорт являлся фактически единственным средством передвижения. Качественная характеристика состояния крестьянского коневодства ретроспективно может быть рассмотрена на основе военно-конских переписей. Перепись 1882 г. охватила шесть уездов Пермской губернии: Пермский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский и Соликамский. В остальных уездах губернии перепись не проводилась, и они были освобождены от военно-конской повинности. Всего переписью была учтена 476 251 лошадь, из них у сельских обществ – 469 655 голов, или 98,6%, у землевладельцев – 2785, или 0,6, в городах – 3811, или 0,8. Лошади в губернии были в основном малорослыми, но крепкими и выносливыми. Изредка встречались экземпляры обвинской породы лошадей, в прошлом имевшей большую славу за выносливость. Только в Осинском уезде были чистокровные кони этой породы, куда в 1881 г. были завезены два производителя из Починковской заводской конюшни (Нижегородской губернии). На момент переписи 1882 г. крестьянство применяло для случки своих жеребцов, лишь иногда использовали производителей, имевшихся у землевладельцев. В основном случка была произвольной, так как кобылы и жеребцы паслись на общих выгонах без пастухов⁶⁴.

Лошадь в крестьянском хозяйстве использовалась круглый год. В зимнее время крестьянин занимался извозом и подражался для перевозки грузов горных заводов (дров, угля, руды, чугуна, железа и т. п.). В течение весенне-летнего периода лошадей задействовали для полевых работ. Обработка земли производилась на лошадях сохами, кроме Красноуфимского уезда, где помимо сох для обработки применяли сабан (род плуга). Внешний вид лошадей, как правило, определялся социальным статусом владельца. Лошади землевладельцев, горожан и зажиточных крестьян были выше, сильнее, красивее, так как имели лучшие условия содержания и кормления. Лучший вид лошади имели осенью, худший – в конце зимы и начале весны. Недостаток кормов, особенно в северных уездах, отсутствие хороших производителей, преждевременная случка, содержание на общих выгонах, а также раннее использование лошадей для работ неблагоприятно сказывались на крестьянском коневодстве⁶⁵.

Специализированных случных пунктов на момент переписи в 1882 г. не существовало. Единственный случный пункт в 1873 г.

был закрыт, причиной чего стал отказ Пермского губернского земства выделять средства на его содержание. Таким образом, Пермская губерния была лишена главнейшего, а может быть, и единственного источника улучшения местного коневодства. На территории Пермской губернии существовало 16 частных конезаводов. По пять – в Екатеринбургском и Ирбитском уездах, четыре – в Осинском, в Шадринском и Камышловском – по одному. На всех заводах в соответствии с местными потребностями разводились лошади упряжных и рабочих пород. Крупнейшими из них были заводы, принадлежавшие наследникам М.Г. Виноградова в Ирбитском уезде и А.Ф. Поклевскому-Козелл – в Камышловском. На первом выращивались упряжные и тяжеловозные породы, а на втором – рысистые породы и частично верховые⁶⁶. В 1905–1906 гг. в Пермской губернии насчитывалось уже 25 случных пунктов и небольших конезаводов, 12 из них были земскими. Но на общее развитие коневодства пункты племенного разведения лошадей существенного влияния не оказывали по причине малочисленности⁶⁷.

Основной тенденцией для коневодства Пермской губернии было снижение количества лошадей на душу населения. В среднем на 100 душ населения обоих полов в 1882 г. приходилось 41,7 лошади, в 1891 – 32,2, в 1905–1906 гг. число лошадей на душу населения несколько увеличилось и составило 39,8, а показатель 1912 г. составил только 26,4.

Сопоставление переписей 1882 и 1912 г., по имеющимся описаниям шести уездов, указывает на сокращение численности лошадей в крестьянских хозяйствах, а рост доли безлошадных дворов свидетельствует о негативных тенденциях. В среднем по шести уездам Пермской губернии доля безлошадных дворов увеличилась с 15,4 до 19,8%. Кроме роста числа безлошадных хозяйств снизилось количество лошадей на одно хозяйство. Если в 1882 г. на один крестьянский двор в среднем приходилось 2,8 лошади, то к 1912 г. эта цифра упала до 1,8 (табл. 40).

О снижении обеспеченности крестьянских хозяйств губернии лошадьми свидетельствуют и материалы подворных переписей. Данные по Оханскому уезду показывают сокращение доли дворов, имевших двух лошадей и более. К 1913 г. 23,5% крестьянских дворов были безлошадными, 52,7 – однолошадными, 20,2 имели две лошади, а три и более были только у 3,6% хозяйств уезда (табл. 41).

Таблица 40

Обеспеченность крестьянских хозяйств Пермской губернии лошадьми по данным военно-конских переписей 1882 и 1912 г.

Уезд	1882 г.		1912 г.	
	Безлошадные дворы, %	Среднее число лошадей на один двор с лошадьми	Безлошадные дворы, %	Среднее число лошадей на один двор с лошадьми
Красноуфимский	14,0	3,7	14,9	2,7
Кунгурский	13,7	2,5	19,2	1,6
Осинский	12,7	2,6	16,6	1,8
Оханский	8,9	2,7	16,4	1,8
Пермский	24,5	2,3	28,1	1,5
Соликамский	18,8	2,7	23,5	1,6
<i>В среднем</i>	<i>15,4</i>	<i>2,8</i>	<i>19,8</i>	<i>1,8</i>

Составлено по: Конская перепись 1882 г. СПб., 1884. Отд. 3. С. 77; Военно-конская перепись 1912 г. Статистика Российской Империи. Т. 83. Пг., 1914. С. 11.

Таблица 41

Распределение крестьянских хозяйств Оханского уезда Пермской губернии по количеству лошадей, %

Год	Без лошади	1 лошадь	2 лошади	3 лошади и более	Всего
1891	8,1	48,4	33,2	10,3	100,0
1897	11,2	47,4	30,8	10,6	100,0
1913	23,5	52,7	20,2	3,6	100,0

Составлено по: Земские подворные переписи 1880–1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926. С. 42–45, 136–141; Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. / Сост. Е.И. Красноперов. Вып. 1. Пермь, 1896. С. 189–190; Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915. С. 129–130.

В географических описаниях Урала начала XX в. сообщалось, что на территории Пермской губернии разводили лошадей разных пород, но большее распространение имела простая русская лошадь. Современники отмечали: «Русская крестьянская лошадь трудно поддается описанию и обыкновенно представляет собой продукт неудовлетворительного кормления и ухода, а потому единственным достоинством такой выродившейся, заморенной лошади могут считаться ее нетребовательность и способность переносить всякие невзгоды. При хороших условиях корма и ухода из нее, впрочем, получают более или менее крупные и ценные лошади». В качестве причины упадка коневодства

у крестьян кроме недостаточного кормления указывалась еще и ранняя бесконтрольная случка лошадей⁶⁸.

Кроме лошадей важнейшим звеном в крестьянском животноводстве был крупный рогатый скот, являвшийся основным источником мяса и молочной продукции. Изменения состояния именно этой, казалось бы, неприметной составляющей хозяйства отражали сущность изменений всего животноводства. Состояние скотоводства в Пермской губернии исследовалось неоднократно. К таким материалам относятся данные экспедиции академика А.Ф. Миддендорфа, начавшего изучение скота России с Пермской губернии в 1883 г., отчеты агрономов по улучшению скотоводства и показательному кормлению скота, не в полной мере разработанные материалы экспедиции профессора А.А. Калантара 1913 г., опубликованные позднее в работе А.И. Берзина⁶⁹.

Замечания члена экспедиции 1883 г. Н.П. Чигвинцева типичны для описаний скота Пермской губернии: «Трудно представить себе что-нибудь невзрачнее, неказистее здешнего скота»⁷⁰. Причины подобного положения были связаны с неблагоприятными условиями содержания. Уровень развития животноводства определяли как организационная система крестьянского двора, так и природно-климатические условия хозяйствования. При длительном стойловом содержании скота – 200 суток в год и более – продуктивность животноводства в зимний период фактически сводилась к нулю. Положение усугублялось суровыми климатическими условиями, а также недостатком калорийных кормов. Основной пищей крестьянского скота зимой была яровая солома, имевшая небольшой запас питательных веществ, сено для коров являлось только подсобным кормом. В основном сено применяли для кормления лошадей. После отела корове выделяли небольшое количество муки. Корнеплоды в рационе отсутствовали. В неурожайные годы коров кормили даже соломой с крыш, запаренными ветками ивы и рябины.

Ежегодно во многих местностях в течение зимы скот терял от исхудания не только жир и часть мышечной массы, но и часть костной ткани. «К весне коровы до того изнуряются, что их нередко приходится вытаскивать на пастбища за ноги, отсюда произошло шуточное местное название породы русских коров – «та-сканская»⁷¹. По материалам экспедиции 1913 г., количество яровой соломы в кормовом рационе скота колебалось от 65 до 71%, озимой – 4–9, отходов мукомольного производства – 10–15%. Се-

но составляло лишь 2–12%. Таким образом, зимнее кормление в крестьянских хозяйствах в начале XX в. представляло «вынужденную диету» с низким содержанием питательных веществ.

Летнее содержание тоже не отличалось высоким качеством. Обычно пастбищный период начинался почти сразу, как только сходил снежный покров. Первые 1–2 недели животные паслись везде, кроме озимых полей и заливных лугов (последние находились еще под водой). С началом весенней пахоты и сева яровых хлебов закрывались поля и суходольные луга. Для выпаса оставались только леса, болота и паровые поля. Этот период был самым тяжелым для животных. Отягчалось это обстоятельство тем, что скоту приходилось ходить очень далеко на пастбище, поскольку свыше 54% из них (по данным экспедиции 1913 г.) были расположены на значительном расстоянии. Истощенный к весне скот попадал на очень скудные пастбища. К тому же последние обладали недостаточной площадью. Так, экспедицией 1913 г. обеспеченность скота выгонами была оценена, %: для Верхотурского уезда на 78, Чердынского – 64, Оханского – 55, Соликамского – 47, Пермского – 35, Кунгурского – 30. В результате как зимнее, так и летнее содержание не способствовало повышению продуктивности⁷².

Сосредоточив исключительное внимание на земледелии, продукция которого имела товарную ценность, крестьянин упускал из поля зрения остальные хозяйственные возможности. Скот содержался для обеспечения семьи молоком и получения навозного удобрения для полей. От большого числа коров крестьянин получал большее количество удобрения, низкие удои коров покрывали потребности семьи в молочных продуктах. Для большинства крестьянских хозяйств молоко не имело товарной ценности, причина этого заключалась в том, что вблизи не существовало рынков сбыта. Поставка продукции в крупные города и горнозаводские центры требовала промышленной переработки молочной продукции, которая фактически отсутствовала. Зерновая продукция в этом отношении имела ряд преимуществ: зерно в отличие от молочной и мясной продукции имело длительный срок хранения, было удобным для транспортировки и в силу этих причин неизменно находило потребителя.

В крестьянском хозяйстве использовались традиционные способы переработки молока в масло, предусматривавшие ручное взбивание сливок, что обеспечивало лишь незначительные

объемы производства. Применялся простейший инвентарь, а производство велось в антисанитарных условиях, что негативно влияло как на качество продукции, так и на сроки хранения. «Для отстоя молоко разливается в миски (крынки) из черной неглазированной глины. Сработана эта посуда донельзя грубо и не имеет правильной формы, на ней нередко можно видеть отпечатки пальцев мастера... Для прочности она оплетается снаружи полосками березовой коры, в промежутках между которыми накладывается масса грязи и придает крынке в высшей степени неряшливый вид, делает ее похожей на комок навоза, в углублении которого налито молоко... Русское масло (топленое масло. – С.П.), единственный сорт, здесь приготавливаемый, продается скупщикам по ценам от 20–30 коп. за фунт, 18–12 руб. за пуд, глядя по качеству»⁷³.

Явно товарное направление молочное животноводство крестьянских хозяйств Пермской губернии начинает приобретать только в начале XX в., что связано с появлением новых технологий в переработке – сепарирования молока, а также развитием железнодорожной сети, что позволяло доставлять продукцию на удаленные рынки сбыта. Массовое развитие маслодельного производства в новых кооперативных формах тяготело к бурно развивающемуся центру маслоделия Сибири – Кургану, где находилось правление Союза сибирских маслодельных артелей и крупные оптовые компании по закупке сливочного масла⁷⁴. Наиболее отчетливо этот процесс наблюдался в Шадринском уезде, где функционировали маслодельные заводы частной и кооперативной форм организации.

В 1902 г. образовалось первое Каргопольское кооперативное маслодельное товарищество. В следующем 1903 году возникло три новых артели. Особенно сильный толчок в развитии маслодельная промышленность получила после неурожайного 1911 года, когда молочное хозяйство показало выгоду и устойчивость. В 1912 г. число кооперативных маслодельных заводов значительно увеличилось. В северо-восточном районе уезда открылось 5 заводов, а в юго-западном – 14. К 1 января 1913 г. на территории Шадринского уезда работало уже 35 артельных и 10 частных молочных заводов⁷⁵.

Развитию молочного животноводства способствовала и деятельность земства, оказывавшего кредитную помощь населению. Беспроцентные ссуды на устройство маслодельных заводов выда-

вались губернской управой как отдельным хозяевам, так и кооперативам. Сумма ссуды для частных лиц составляла до 300–400 руб., для артелей и товариществ – до 1200 руб. сроком на 4–5 лет. Всего за время с 1901 по 1910 г. включительно губернским земством было выдано 103 ссуды на сумму 38 712 руб.⁷⁶

Кроме того, населению предоставлялись кредиты на приобретение молочного скота. Однако получение кредита не гарантировало его рационального использования. В отчете агрономов В.Н. Варгина и А.Н. Дворникова за 1907 г., исследовавших состояние дел на организованном при содействии земства Бисертском маслодельном заводе в Красноуфимском уезде, указывалось, что «выдача ссуд на покупку коров необходима для развития дела, но эта выдача, к сожалению, производилась не всегда целесообразно». Ссуду получали хозяйства, совсем не имевшие коров, расходуя земские средства как пособие для приобретения скота, или имевшие 2–3 коровы, где хозяева при получении ссуды не приобретали новых животных⁷⁷.

Несмотря на общий низкий уровень продуктивности крестьянского скотоводства в Пермской губернии в целом, существовал ряд локальных примеров интенсивного развития. К таким относятся фабрично-заводские центры Нижнетагильского и Суксунского заводов, ставшие местом появления высокопродуктивных молочных пород скота – тагильской и суксунской.

Создание местных пород стало возможным благодаря качественному кормлению и уходу. В отчете А.А. Калантара, участника экспедиции академика Миддендорфа в 1883 г., указывается, что «хорошие суксунские коровы требовательны... кроме сена получают мешанку с ржаной мукой в 5–10 фунт. С новотела, 3–4 фунт., во время летнего кормления... молока дают – хорошие (коровы. – С.П.) до 5–7 кринок вечером и 3–4 кринки утром, всего 8–11 кринок, каждая из которых не менее штофа»⁷⁸. Там же указывается, что у земледельца В.П. Голубцова (1832–1887) под Красноуфимском, вблизи Суксунского завода, раньше были коровы холмогорской породы⁷⁹.

Впоследствии кроме Суксунского завода и имения Голубцова местом разведения племенного скота становится ферма Красноуфимского промышленного училища, возникновение которой относится к 1881 г. В очерке о создании Красноуфимской фермы указывается, что «содержимый в настоящее время на ферме молочный скот принадлежит к местной так называемой “голуб-

цовой”», или суксунской, породе, эта порода распространена по местным заводам и происходит, вероятно, от культурной породы, выписанной в данную местность, надо полагать, очень давно и сохранившей благодаря хорошим кормовым условиям в заводах, имеющим громадные сенокосы и пастбища, большой рост, ширину зада и большую молочность... Характерна масть этой породы – темно-красная, иногда с белыми подпалинами»⁸⁰.

Точных данных о происхождении суксунской породы не имеется, но, без сомнения, какие-то культурные породы в ее появлении принимали участие. И это тем более вероятно, что еще в 1880-х гг. составитель очерка Красноуфимской фермы отождествляет суксунскую породу с «голубцовой» – по фамилии местного помещика, который, очевидно, и занимался разведением породистого скота. Другой фактор происхождения суксунского скота – благоприятные местные условия кормления.

В исследовании агронома М. Агапова в 1893 г. указывается, что суксунский скот имел высокие молочные качества. Всего, по данным Агапова, при заводе находилось 855 дворов, из которых 78,7% содержали коров. В результате учета удоев и анализа проб молока в 18 хозяйствах было выяснено, что суксунский скот имел высокие показатели не только продуктивности, но и жирности, ценной для маслоделия⁸¹.

В начале XX в. улучшения суксунской породы продолжались путем смешения с иностранными породами. Под руководством земского зоотехника С.А. Груздева был организован случный пункт. В 1912 г. из Дании были «выписаны» экземпляры фюненьской породы, а в апреле 1913 г. в Суксуне организован случный пункт, на котором в 1913–1914 гг. имелись 5 чистокровных фюненьских быков, 3 полукровных, 2 суксунской породы. В результате этой работы было получено 404 теленка, 304 из них оставлено для племенной работы. Численность поголовья суксунской породы к началу XX в. значительно возросла. По отзыву С.А. Груздева, в 1916 г. суксунские стада насчитывали уже несколько тысяч, а «Суксун превратился в огромный рынок племенного скота»⁸².

Происхождение тагильской породы скота тоже было связано с влиянием улучшенных условий кормления и содержания животных, направленных на получение молочной продукции. В связи с подъемом зернового хозяйства в Сибири и развитием на Урале крупной мукомольной промышленности начиная с 1880-х гг. в Та-

гил и прилегающие к нему районы стали завозить пшеничные отруби, которые быстро вошли в практику кормления скота⁸³.

Нормы кормления «тагилок» были на высоком уровне. Агроном Пермского губернского земства В.Н. Варгин отмечал, что обычный средний расход на корову составлял 200 пудов сена и 72 пуда отрубей и хлебных отходов в год. Кроме того, большую роль в создании ценных качеств тагильского скота сыграли хороший уход и наличие теплых помещений для содержания. В период летнего содержания – с 15 мая по 15 сентября – скот дополнительно подкармливался сеном и отходами мукомольной промышленности. Помещения для содержания скота представляли собой теплые бревенчатые хлева с деревянными полами. Животных ценили и обращались с ними бережно, поэтому коровы были «ручные»⁸⁴. К началу 1900 г. тагильский скот получил довольно широкую известность. После выставки 1905 г., наглядно показавшей ценные молочные качества этой породы, за пределы Пермской губернии с 1906 по 1916 г. было вывезено около 6620 голов⁸⁵. Феномен возникновения суксунской и тагильской пород сам по себе свидетельствовал о возможностях высокопродуктивного скотоводства в условиях Пермской губернии.

Несомненный интерес представляют объемы производства и потребления продукции животноводства в Пермской губернии. Основными потребителями были заводские центры и города. В отчете члена экспедиции 1883 г. А.А. Калантара указывается: «Заводы служили во всяком случае значительными пунктами для сбыта сельских и скотоводственных продуктов... Некоторые заводы по своему положению и по размерам обращаются в крупные торговые центры, где совершаются промежуточные закупки и продажи. В этих местах, как и в городах, мясо, молоко, масло, сметана приобретают большое значение на рынке. А на такие пункты, как Екатеринбург, работает окрестность далеко шире: деревни Горный Щит, Уктус, Елизаветино, Нижний Исетск, Шарташ, Березовское, Пышма или ежедневно, или один, два раза в неделю посылают в город молочные свои продукты»⁸⁶.

Прямых данных о размерах потребления мяса в Российской империи конца XIX – начала XX в. нет⁸⁷. Исключением являются материалы Ветеринарного управления за 1913 г. В основу этого исследования легли годовые отчеты ветеринарных инспекторов, а также данные министерства финансов и путей сообщения. В предисловии указывалось, что использованные источники не в

полной мере отражали размеры потребления мяса, так как невозможно было учесть скот, передвигавшийся гоном. Сравнительно точны сведения относительно городов. Поэтому кроме вычислений общего количества потребления мяса по губернии отдельно приводятся данные по крупнейшим населенным пунктам каждой губернии. В Пермской губернии это были Пермь и Екатеринбург⁸⁸.

Информация о точном убойном весе животных отсутствовала, поэтому специалистами Ветеринарного управления в качестве убойного веса приняли средний убойный вес в 9 пудов для туши крупного рогатого скота, 2 1/2 – для туши теленка, 1 1/2 – овцы и 7 – свиньи⁸⁹.

По собранным таким образом сведениям, в Пермской губернии потреблялось 2248,9 тыс. пудов всех видов мяса в год, 1364,1 тыс. пудов производилось в самой Пермской губернии, что составляло 60,7% от всего объема потребляемого мяса. Специалисты Ветеринарного управления оценивали годовое потребление мяса жителя Пермской губернии в 0,6 пуда, что было значительно ниже действительного уровня, так как основной убой скота в крестьянском хозяйстве проходил вне боен и не мог быть учтен. Более точными выглядят данные о потреблении мяса в крупнейших городах губернии – Перми и Екатеринбурге, где на душу населения приходилось 9,6 и 5,7 пуда соответственно (см. приложения, табл. 5).

Основными пунктами потребления ввезенного мяса в Пермской губернии были Екатеринбург (станция Уктус), Пермь и Нижнетагильский завод (табл. 42). По данным статистики железнодорожных перевозок, крупного рогатого скота в отдельные годы ввозилось более 17 тыс. голов. Количество скота, при-

Таблица 42

**Ввоз в Пермскую губернию крупного рогатого скота
в 1910–1913 гг., голов**

Станция	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Уктус	5797	7700	5196	7086
Пермь	3952	7225	3110	5506
Нижний Тагил	2966	2562	2980	4747
Всего	12 715	17 487	11 286	17 339

Составлено по: Статистические материалы по мясопродовольственному делу в России. Данные о доставке мясного скота и мяса в города и другие крупные пункты потребления по железнодорожным дорогам, водным путям и гоном в 1913 г. Пг., 1916. С. 81.

бывавшего гоном, не подвергалось строгому учету, но, несомненно, имело значительные размеры. Поставщиками мяса были соседние Оренбургская и Тобольская губернии.

Несмотря на то что существовавшая система учета не позволяла в полной мере оценить размеры производимой и потребляемой мясной продукции, она с очевидностью указывала на то, что крестьянское животноводство не обеспечивало потребностей внутреннего рынка губернии. Причина подобного положения дел была не только в экстенсивных формах производства, но и в ориентации данной отрасли хозяйства на внутренние потребности крестьянской семьи.

Кроме животноводства, в крестьянском хозяйстве были специфические отрасли, связанные с производством дорогостоящих сельскохозяйственных продуктов, в число которых, несомненно, входил мед. Пчеловодство в крестьянском хозяйстве Пермской губернии являлось подсобным занятием и зачастую, по оценкам современников, имело вспомогательное значение в хозяйственной деятельности населения. Однако там, где этот вид сельскохозяйственного промысла был развит, он служил значительным подспорьем и позволял выручить значительные денежные средства, необходимые для выплат налоговых сборов. Мед и воск как ценнейшие продукты пользовались неизменным спросом населения⁹⁰.

На территории Пермской губернии пчеловодство не имело повсеместного распространения, что объяснялось природно-климатическими условиями. Являясь технологически сложным процессом, пчеловодство требовало специальных знаний, которые в среде местного населения передавались из поколения в поколение. В географическом описании середины XIX в. подполковником генерального штаба Х. Мозелем указывалось: «Пчеловодство по климату и местным условиям здешнего края развито не повсеместно, а только в южных местах губернии, где климат умереннее и флора разнообразнее. Вообще пчеловодство имеет некоторое значение только в Красноуфимском, Осинском, Оханском и Кунгурском уездах, а в Пермском, Соликамском и Шадринском оно составляет скорее забаву, чем особую промышленность. Еще надо сказать, что пчеловодством занимаются с любовью только башкиры, тептяри и черемисы, что же касается до русских, то из них охотников до пчел весьма не много»⁹¹.

В Пермской губернии различали три вида, или приема, пчеловодства: бортевое, пасечно-колодное и пасечно-рамочное⁹². Традиционным способом было лесное бортевое. Этим видом пчеловодства занимались преимущественно нерусские народы Красноуфимского уезда, а также некоторые русские крестьяне. Точное количество хозяйств, занятых бортевым пчеловодством, не было известно, но по приблизительным оценкам к концу XIX в. у красноуфимских бортевиков имелось около 1666 бортей⁹³. Второй способ пчеловодства предполагал домашнее содержание пчел, когда ульи ставились вокруг усадьбы, в огородах. Изготавливались они из толстых сосновых кряжей и покрывались берестой. Каждый улей давал хозяину-пчеловоду от 25 до 30 фунтов меда. Один пчеловод имел от 10 до 20 ульев, и редко – более 30. Больших пасек с наемным пчеловодом и полным инвентарем в Пермской губернии до конца XIX в. не существовало. В основном в Пермской губернии превалировали мелкие домашние хозяйства, редко доходившие до 20 или 50 ульев (табл. 43). Основной целью пчеловодства было удовлетворение собственных потребностей, данное занятие не только имело хозяйственное значение, но и являлось своеобразным хобби.

Таблица 43

Распределение крестьянских хозяйств Пермской губернии по количеству ульев в 1897 г.

Уезд	1–20	20–50	50–100	100–200	200–300	300–400
Верхотурский	4	–	1	–	–	–
Екатеринбургский	75	25	11	4	1	–
Ирбитский	4	–	–	–	–	–
Камышловский	19	–	–	–	–	–
Красноуфимский	1679	32	83	20	2	2
Кунгурский	1034	80	10	–	–	–
Осинский	2392	759	276	79	10	2
Оханский	1648	198	29	9	–	–
Пермский	900	118	29	6	1	–
Соликамский	433	7	–	–	–	–
Чердынский	85	2	–	–	–	–
Шадринский	3	–	–	–	–	–
Всего	8274	1221	439	118	14	4

Составлено по: Колотилов П.П. Кое-что о пчеловодстве в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости, 1898. 11 ноября. С. 2.

Более совершенные рамочные ульи стали входить в обиход пчеловодов в конце XIX в. В Пермской губернии, по данным 1897 г., преобладали ульи «колоды», или «чурки», которых насчитывалось 140 627, что составляло 97% всех ульев, 2678 бортей (2%) и 1766 рамочных ульев (1%)⁹⁴.

Значительный вклад в развитие пчеловодства в Пермской губернии внесло земство. Данный вид сельскохозяйственной деятельности распространялся путем популяризации и финансовой помощи. Развитие пчеловодного промысла стало возможным благодаря распространению рамочных ульев, снабжению населения семенами для посевов медоносных трав, знакомству с рациональными приемами пчеловодства путем бесед и устройству образцовых пасек⁹⁵.

Например, Ирбитское земское собрание в 1879 г. поручило управе дать пособие в 100 руб. диакону Юдину из села Голубковского, решившему заняться пчеловодством. В 1881 г. он приобрел две пчелиные семьи и в первое же лето получил 24 фунта меда, но зимовка оказалась неудачной, и пчелы погибли. Зимой 1882–1883 гг. завел пчел священник села Волковского Цветухин, но и они тоже не развелись. Неудачным оказался опыт и священника Мостовского в селе Шмаковском, хотя ранее он успешно занимался пчеловодством в Красноуфимском уезде. После столь плачевного начала Ирбитское земство вернулось к развитию пчеловодства только после десятилетнего перерыва – в 1894 г. Дело развития пчеловодства сдвинулось, и в Ирбитском уезде в 1903 г. насчитывалось уже 22 пасеки. Занимались в это время пчеловодством 5 учителей, 5 священников, 3 диакона и 9 крестьян. В начале XX в. развитие пчеловодства продолжало набирать темпы: в 1907 г. в Ирбитском уезде имелись уже 64 пасеки с 215 семьями. Расширился контингент занимавшихся пчеловодством. По данным на 1911 г., среди пасечников было 109 крестьян, 17 священников, 6 псаломщиков, 11 учителей, 9 мещан, 8 разночинцев, кроме того, были 3 школьных пасеки и 1 – общества пчеловодов. К 1913 г. число пасек возросло до 180, с 1394 семьями. Самая крупная пасека насчитывала 73 семьи⁹⁶.

По данным ЦСК, в 1910 г. в Пермской губернии насчитывалось 7199 пасек, а доход от продажи меда и воска составлял 13 коп. на одного сельского жителя; по количеству пасек и объемам производимой продукции в уральском регионе Пермская губерния уступала только Уфимской (см. приложения, табл. 6).

Последним из уездов, где получило распространение пчеловодство, стал самый северный Верхотурский. Возникновение этого промысла в Верхотурском уезде относится к началу XX в. Пионерами здесь были учителя, фельдшеры, служащие железнодорожных станций, духовенство, а затем при содействии земского агрономического персонала постепенно начали приобретать пчел и более развитые крестьяне. Для обучения начинающих пчеловодов рациональной постановке и правильному уходу за пчелами уездным земством содержался особый инструктор.

В 1913 г. в Верхотурском уезде земским инструктором пчеловодства было зарегистрировано 879 рамочных ульев, из которых 353 принадлежали крестьянам, у духовенства и монастырей было 335 ульев, остальные – 191 – принадлежали учителям и «лицам интеллигентных профессий». Наибольшее количество ульев рамочной системы находилось в Нижнем Тагиле (215), в Топорковской волости (173), прочие распределялись более или менее равномерно в 10 волостях уезда⁹⁷.

Популяризация пчеловодства была связана и с деятельностью Кунгурского общества пчеловодов, которое было учреждено 16 апреля 1895 г. Его целью была пропаганда рационального пчеловодства. Это общество организовало образцово-показательную пасеку, проводило чтения, беседы. По данным Кунгурского общества пчеловодов, в 1897 г. всего в губернии существовало 27 современных рационально устроенных пасек, 13 из которых располагались в Кунгурском уезде⁹⁸. К началу Первой мировой войны пчеловодство в Пермской губернии продолжало развиваться в основном в приуральских уездах: Осинском, Кунгурском, Красноуфимском, а из зауральских – в Ирбитском. В 1914 г. в Оханском уезде занималось пчеловодством 1492 человека, доход от пчеловодства составлял 40 281 руб.⁹⁹ Основным центром рационального пчеловодства стал Кунгурский уезд, где активно продолжало действовать общество пчеловодов.

Пчеловодство в Пермской губернии не стало значительной отраслью, как это было в сопредельной Уфимской губернии, где оно было традиционным занятием башкирского населения. Пчеловодство, являясь сложным в технологическом плане, привлекало прежде всего людей образованных, а также крестьян, интересовавшихся передовыми методами сельскохозяйственного производства.

Таким образом, животноводство в организационной системе крестьянского хозяйства Пермской губернии выполняло подчиненную роль, обслуживая нужды полеводства, и имело натуральный характер. Единственным практиковавшимся способом расширения производства было численное увеличение стада; примеры интенсивного продуктивного развития, связанные с породистым молочным скотоводством, имели локальный характер. Возрастанию товарности животноводства препятствовало отсутствие налаженной системы переработки и сбыта. Производство зерновых не требовало высокотехнологичной переработки, сложной системы хранения, поэтому хлеб оставался основной товарной продукцией, которую мог предложить крестьянский двор. Подобная исключительная специализация обуславливала крайнюю степень зависимости от колебаний погодных условий.



Северная часть села Ныроб Чердынского уезда. 1910 г.
Автор С.М. Прокудин-Горский



Западная часть села Ныроб Чердынского уезда. 1910 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Центральная часть села Ныроб Чердынского уезда. 1910 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Искор Чердынского уезда. 1910 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Вильгорт Чердынского уезда. 1910 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Поросята на крестьянском подворье. Пермский уезд. 1912 г.
Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Вилижна Пермского уезда. 1912 г.
Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Куликово Пермского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Разсольная Пермского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Пристань на реке Чусовой в деревне Межевая Утка Кунгурского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Заречная часть деревни Межевая Утка Кунгурского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Романовка (Романова) Кунгурского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Илимское Кунгурского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Пристань на реке Чусовой в селе Илимское Кунгурского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Мартянова Кунгурского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Крестьянский дом в деревне Мартянова Кунгурского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Родина Красноуфимского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Каменка Екатеринбургского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Решёты Екатеринбургского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Мост через реку Решётку в деревне Решёты Екатеринбургского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Река Решётка в деревне Решёты Екатеринбургского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Палкино Екатеринбургского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Макарова Екатеринбургского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Крестьянский дом в деревне Макарова Екатеринбургского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Скатынское Камышловского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Деревня Токарева Камышловского уезда. 1909 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Долина реки Исеть возле села Колчеданское Камышловского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Колчеданское Камышловского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Крестьянка мнет лен. Шадринский уезд. 1910 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Пасака в местечке Ключи Шадринского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Село Дрянновское Шадринского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский



Река Исеть у села Мехонское Шадринского уезда. 1912 г. Автор С.М. Прокудин-Горский

Глава 3

СЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

3.1. УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ

Возникновение и массовое развитие кооперативного движения конца XIX – начала XX в. было связано с процессом вовлечения крестьянского двора в систему общероссийского рынка. Становление и развитие кооперативных учреждений наиболее ярко отражают сущность трансформаций в аграрной сфере. В России, в том числе в Пермской губернии, были распространены три вида кооперации: кредитная, потребительская и сельскохозяйственная.

Первое место по степени развития принадлежало кредитной кооперации, обладавшей лучшими возможностями этого, что было обусловлено необходимостью модернизации сельского хозяйства, которая могла быть осуществлена через стимулирование деятельности крестьянского хозяйства. Мероприятия по усилению аграрного сектора требовали серьезного финансирования, и наиболее вероятным способом его улучшения являлся кредит. Задача кредитных крестьянских кооперативов заключалась в мобилизации денежных средств крестьян и создании возможностей для развития товарных отношений¹.

Кроме того, необходимость в кредитовании сельского хозяйства имела естественные причины, связанные с цикличностью производства. При переходе от натурального хозяйства к денежному крестьянский двор неизбежно сталкивался с проблемой сбыта. Кульминационным моментом сельскохозяйственного года была осень, на это время приходилось завершение полевых работ, а также приурочена выплата податей. Потребность в денежных средствах и массовый сбыт продукции приводили к перенасыщению рынка продовольствием и снижению цен.

В Пермской губернии это положение усугублялось неудовлетворительным состоянием путей сообщения, а зачастую и полным их отсутствием. В трудах земского совещания, посвященного экономическому положению крестьянства губернии, проходившего в г. Перми с 28 декабря 1892 по 7 января 1893 г., отмечалось: «Отсутствие подъездных путей, шоссейных грунтовых дорог, которые могли бы в критический момент выдвинуть крестьянский хлеб для продажи в крупные центры, служит особенным удобством для спекуляции, накрывающей хлеб на месте в минуту, когда деньги нужны на безотлагательную уплату податей и когда для хлеба нет ходу, открывающемуся вообще с зимним путем, а во многих местностях только с навигацией...»². Поэтому хозяин крестьянского двора, не имевший запаса денежных средств, был вынужден продавать полученный урожай по заниженным ценам местного рынка или, если это было возможно, брал деньги в долг. Краткосрочный кредит в данном случае мог способствовать частичному устранению проблемы.

России конца XIX – начала XX в. было присуще многообразие форм организаций мелкого кредита. Кроме собственно кооперативных учреждений – ссудо-сберегательных и кредитных товариществ – существовал ряд крестьянских учреждений сословно-общественного кредита. Участниками сословных крестьянских учреждений являлись домохозяева, принадлежавшие по рождению к составу сельских и волостных обществ, находившихся в местности, на которую распространялась деятельность сословного кредитного учреждения. К категории этих учреждений принадлежали волостные ссудо-сберегательные, сиротские кассы, сельские банки бывшего удельного ведомства, ссудные кассы башкир. Учреждения этого типа числились в ведении МВД, непосредственное руководство находилось в руках местной сельской администрации³.

Кооперативные организации в отличие от сословных учреждений были основаны на принципе добровольного вступления. Существовавшие кооперативные учреждения мелкого кредита делились на два типа: 1) ссудо-сберегательные товарищества и 2) кредитные товарищества (учреждены с 1895 г.). Они различались главным образом способом образования основного капитала. У ссудо-сберегательных товариществ он создавался из паевых взносов участников. Кредитные товарищества отличались от ссудо-сберегательных отсутствием паевых взносов, где основ-

ной капитал формировался из ссуды, полученной товариществом от Государственного банка, земства или из другого источника. Оба вида кредитных кооперативов могли пополнять свои оборотные капиталы за счет займов и вкладов⁴.

Впервые вопрос о необходимости сельскохозяйственного кредита для интенсификации крестьянского хозяйства в Пермской губернии был сформулирован заведующим статистическим отделением Пермской губернской земской управы Е.И. Красноперовым, отметившим, что существовавшие к 80-м гг. XIX в. сословные учреждения мелкого кредита не удовлетворяли потребностей населения. Основная причина сложившегося положения была в том, что кредиты сословных учреждений выдавались не на развитие, а на поддержание крестьянских хозяйств, помогали только в крайних случаях, сохраняя хозяйство от полного упадка. Как следствие основная часть кредиторов волостных касс были не платежеспособны. Выданные кредиты возвращались с большим трудом, а иногда списывались из-за полной имущественной несостоятельности заемщика⁵.

Возникновение первых кооперативных кредитных учреждений в России приходится на 60-е гг. XIX в. Первое ссудо-сберегательное товарищество было учреждено С.Ф. Лугининым в с. Дороватово Рождественской волости Костромской губернии (1865 г.) по образцу кооперативов, созданных Ф.Г. Шульце-Деличем в Германии⁶.

Учреждение ссудо-сберегательных товариществ в Пермской губернии началось с 70-х гг. XIX в. Инициатива создания товариществ принадлежала частным лицам. В 1871 г. была начата организация товариществ из бывших крепостных крестьян на капитал, предоставленный родом Строгановых. Земство не принимало значительного участия в этом процессе и ограничивалось выдачей нескольких ссуд. Так, например, 17 ссудо-сберегательных товариществ в Оханском уезде были открыты на капиталы Строгановых, в Верхотурском уезде товарищества открывались по инициативе местных заводоуправлений и частных лиц⁷.

Ссудо-сберегательные товарищества, основанные на капиталах Строгановых, имели свои особенности. Источником средств послужили суммы, образованные во времена крепостного права, так называемые страховые, ссудные и коммерческие капиталы. При освобождении крестьян эти капиталы были переданы на устройство ссудо-сберегательных товариществ. До их создания эти

капиталы находились в ведении Губернского присутствия по крестьянским делам и хранились в Государственном банке. Каждой волости передавался список лиц, задолжавших в указанные капиталы, и право взыскивать долги для пополнения счета. Деньги из этого фонда выделялись только при учреждении ссудо-сберегательного товарищества. Сумма включала долю волости в общем количестве наличных денежных средств, а также проценты, полученные от вклада в Государственном банке. Непосредственный собственник этих капиталов не был указан, поэтому в разных товариществах средства использовались различным образом⁸.

По способу использования денежных средств все образованные товарищества можно разделить на две основные группы: 1) полученный капитал был признан собственностью крестьянского общества; 2) собственностью товарищества. Первую группу, наиболее многочисленную, можно подразделить на две подгруппы: а) общество совпадало с товариществом по составу; б) общество не было тождественно составу товарищества.

Товарищества подгруппы а) представляли собой своеобразный тип ссудо-сберегательных товариществ, где каждый член крестьянской общины становился членом товарищества. По способу организации эти товарищества были больше похожи на волостные вспомогательные кассы. Другой важной особенностью данного типа кредитных учреждений было фактическое отсутствие паевых взносов. Пaeвой капитал или совсем не распределялся между участниками товарищества, или распределялся фиктивным образом – по числу окладных душ в семье каждого домохозяина, а изменения паев зависело от изменения состава семьи. На руки эти паи не выдавались, а в случае прекращения деятельности товарищества их капиталы должны были поступить на нужды образования. К 1900 г. в Оханском уезде насчитывалось 11 товариществ подобного типа⁹.

В ссудо-сберегательных товариществах, относившихся к подгруппе б), основной капитал также считался собственностью крестьянской общины. Отличием было то, что капиталы в этих товариществах были получены от обществ в виде займа или вклада, с условием ежегодного отчисления от 2 до 5% годовых¹⁰.

Товарищества второй группы получали денежные средства непосредственно в свое ведение. К 1900 г. существовало три подобных товарищества, например Верх-Очерское ссудо-сберега-

тельное товарищество. Полученный капитал делился дифференцированно в соответствии с участием того или иного домохозяина и его родственников в формировании страхового капитала. Данные о доле участия были собраны из имевшихся документов, поэтому размер пая был различным – от нескольких копеек до 100 руб. и более. Доли вымерших семей (выморочные) зачислялись в запасный капитал товарищества. Средства, превышавшие размер пая – 50 руб., выдавались на руки или поступали в товарищество в виде вклада. При выходе из товарищества паевая доля полностью выплачивалась владельцу пая¹¹.

Другим примером было Сретинское ссудо-сберегательное товарищество, располагавшееся в одноименной волости. В состав товарищества при организации вошли только 40 домохозяев. Товариществу передавался небольшой наличный капитал в 283 руб. и долговые обязательства местных крестьян в размере 18 тыс. руб. Должники постепенно погашали задолженность, а отказавшиеся оплачивать долг добровольно привлекались волостным судом. С 1879 по 1900 г. было взыскано около 4 тыс. руб. Из состоявших к 1900 г. 220 членов товарищества – 60 являлись жителями других волостей¹².

Особенностью третьего – Усольского ссудо-сберегательного товарищества – было то, что основной капитал был записан в качестве вклада от всех участников товарищества. Для увеличения этого капитала из прибылей товарищества отчислялся 1%. Члены, выходявшие из состава товарищества, лишались права на получение части капитала¹³.

Динамика создания ссудо-сберегательных товариществ не была равномерной. С 1871 по 1899 г. в Пермской губернии было образовано 66 товариществ: 28 – заводских, 36 – сельских и 2 – городских. Наибольшее число товариществ было организовано в период первого пика популярности кооперативной идеи 1871–1880 гг., когда возникло 43 товарищества, в том числе 24 сельских, в дальнейшем численность вновь организованных товариществ сокращалась – за период 1881–1890 гг. возникло 16 товариществ, в 1891–1899 гг. – 7. Старейшее из них было открыто в 1871 г. Средняя продолжительность существования всех товариществ Пермской губернии к 1900 г. составляла более 18 лет (табл. 44).

Территориальное расположение ссудо-сберегательных товариществ тоже имело особенности. Статистическое исследование 1883 г., инициированное пермским губернатором А.К. Анастась-

Таблица 44

**Динамика образования ссудо-сберегательных товариществ
Пермской губернии 1871–1899 гг.**

Год создания	Заводские	Сельские	Городские	Всего
1871	1	—	—	1
1872	—	1	—	1
1873	5	2	—	7
1874	—	2	—	2
1875	2	3	1	5
1876	1	6	—	8
1877	6	2	—	8
1878	2	2	—	4
1879	1	1	—	2
1880	—	5	—	5
1881	1	1	—	2
1882	—	—	—	—
1883	1	1	—	2
1884	—	3	—	3
1885	—	—	1	1
1886	1	—	—	1
1887	1	2	—	3
1888	—	1	—	1
1889	1	1	—	2
1890	1	—	—	1
1891	—	—	—	—
1892	—	—	—	—
1893	2	—	—	2
1894	—	1	—	1
1895	1	—	—	1
1896	—	—	—	—
1897	—	—	—	—
1898	1	2	1	3
1899	—	—	—	—
Итого	28	36	2	66

Составлено по: Валаев А. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1903. № 1. Отд. 3. С. 100–101.

евым, указывало, что распространение кооперативов носило очаговый характер. В губернии насчитывалось 49 ссудо-сберегательных товариществ, в которых состояло 17 056 участников. Товарищества располагались в 9 из 12 уездов: 15 находилось в Оханском уезде, 12 – в Пермском, 11 – Верхотурском, 3 – Красноуфимском, 2 – Соликамском, 2 – Екатеринбургском, 2 – Шад-

ринском, в Кунгурском и Ирбитском – по 1. На территории Чердынского, Осинского и Камышловского уездов кредитных кооперативов не было. Соответственно наибольшее количество участников кредитных кооперативов приходилось на Оханский уезд, в котором насчитывалось 56% всех участников кредитных кооперативов губернии. На Верхотурский уезд приходилось 12%, Пермский уезд – 11% и 21% участников ссудо-сберегательных товариществ находились в остальных уездах губернии. Концентрация товариществ в том или ином уезде губернии зависела не только от экономической необходимости, но от наличия инициаторов и их финансовых возможностей. Наиболее благоприятное финансовое положение было у товариществ Верхотурского и Пермского уездов, связанное с ростом паевых вложений. Ссудо-сберегательные товарищества земледельческого Оханского уезда, созданные на капиталы Строгановых, несмотря на многочисленность и длительный срок существования, имели скудные финансовые ресурсы. Большинство членов товариществ Оханского уезда были не в состоянии внести полного пая и являлись долевыми участниками паев. Данные по 12 товариществам Оханского уезда, предоставившим подробные финансовые отчеты, свидетельствуют, что количество членов с полным паям составляло только 3%, остальные 97% участников кооперативов имели доленое участие¹⁴.

Несомненный интерес представляет информация об источниках займов крестьян, роли в этом процессе учреждений мелкого кредита, а также целевое использование взятых ссуд. Материалом по этому вопросу являются данные, полученные в рамках подворного изучения 14 волостей Оханского уезда 1892 г. Исследованием было охвачено 13 818 крестьянских хозяйств, с общей численностью населения – 73 101 человек обоего пола. В среднем на один двор приходилось 5,3 чел. Общая сумма задолженности крестьянских хозяйств в местных кредитных учреждениях и у частных лиц была равна 94 844 руб. 64 коп., что составляло на человека около 1 руб. 30 коп., а на двор – 6 руб. 86 коп.

Из общей суммы крестьянской задолженности на долю кредита в ссудо-сберегательных товариществах, сельских банках, волостных кассах и мирских капиталах приходилось 67 185 руб. 13 коп., или 71%, а на займы у частных лиц – 27 659 руб. 51 коп., или 29%. Учреждения мелкого кредита располагались в 10 из 14 волостей. Частные займы были распространены повсеместно.

Во всех волостях, где частный кредит существовал наряду с кредитными учреждениями, сумма взятого в учреждениях мелкого кредита превышала займы у частных лиц минимум в 2 раза и максимум в 7. Учреждения мелкого кредита не только дополняли частный кредит, но и вытесняли частный способ кредитования¹⁵.

Стоимость займа в учреждениях мелкого кредита составляла 5–8% в год. При кредитовании у частных лиц ссудный процент был на порядок выше. Условия по использованию частного кредита редко предусматривали фиксированную плату за использование ссуды. Только в двух волостях земскими статистиками были зафиксированы конкретные размеры стоимости ссуды, составившие 44 и 56% годовых. Резкая разница между стоимостью ссуд сглаживалась особыми условиями получения частного кредита. Частный кредит в отличие от такового в учреждениях не требовал поручителей и основывался на личном доверии. Условия возврата долга тоже имели специфику. Установить точную сумму за использование кредита было трудно, так как формально частный кредит был беспроцентным, что обусловлено морально-этическими представлениями в крестьянской среде, осуждавшими ростовщичество. Как правило, кредит оплачивался разными услугами, «тяжесть которых хорошо чувствуется должником, но не поддается точному вычислению». Обычно займ совершался под обязательство отработать определенное количество дней в хозяйстве кредитора – «поденно» или «сдельно», под определенный объем работ. В том и другом случаях стоимость работ рассчитывалась по ценам вольного найма. Выгода для кредитора заключалась в том, что он имел гарантированного работника в период напряженных сельскохозяйственных работ – «страды», поскольку заемщик обязывался явиться «по первому зову» кредитора. В исключительных случаях вместо отработки долга заемщик оставлял кредитору в пользование часть своего надела до возврата долга, в данном случае доход от залога служил платой за пользование кредитом. Таким образом, кредитование у частных лиц совершалось в ущерб состоятельности собственного хозяйства¹⁶.

По данным подворного исследования 1892 г., общая сумма стоимости заработка вольного найма составляла 20 158 руб. 89 коп. Сумма стоимости работ в оплату долговых обязательств частным лицам была равна 9291 руб. 22 коп., т. е. в 2 раза меньше вольнонаемного заработка. Оставшаяся задолженность по оплате долгов составляла около 1/3. Так как задолженность кре-

Таблица 45

Статьи расходов крестьянских ссуд в Оханском уезде в 1892 г.

Статья расходов	Доля в общей сумме затрат, %
Продукты питания	28,3
Приобретение скота	11,1
Приобретение семян	8,5
Ремонт построек, строительные материалы	6,2
Торговля и устройство мельниц	4,6
Земельно-арендные платы	4,3
Свадьбы	4,0
Выкуп в собственность земельных наделов	2,0
Выплата податей	2,6
Экстренные расходы (похороны, штрафы и т. д.)	1,6
Приобретение инвентаря	0,3
Оплата труда наемных рабочих в «страду»	0,2
Прочие расходы	26,3
Итого	100,0

Составлено по: Труды совещания при Пермской губернской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г. – 7 января 1893 г.). Пермь, 1893. С. 39–40.

стьян частным лицам обеспечивалась главным образом отработкой долга в будущем, то во многих случаях вся сумма займа погашалась не за один год. Некоторые долги оплачивались деньгами, частично с оплатой процентов за пользование кредитом или без процентов, когда займ совершался у родственников¹⁷.

Основными целевыми статьями расходов всех крестьянских займов были потребительские нужды и необходимые затраты на поддержание хозяйства (табл. 45). Наибольшую долю затрат занимали расходы на продовольствие – 28,3%, к потребительским расходам можно отнести категорию прочих расходов (26,3%), связанную с мелкими домашними тратами, в том числе на одежду и утварь. Крупными статьями расхода было приобретение скота (11,1%), посевного материала (8,5%), а также другие расходы по поддержанию и развитию хозяйства. Среди непроизводительных затрат стоит отметить свадьбы, составившие 4,0% потраченных займов.

Значительное преобладание займов в учреждениях мелкого кредита Оханского уезда над частным кредитом объяснялось наличием ссудо-сберегательных товариществ, а также сельских банков, которые составляли принадлежность бывших удельных крес-

тыян. Товарищества возникли в Оханском уезде благодаря инициативе мировых посредников. Из общей суммы займа в учреждениях мелкого кредита, составляющей 67 185 руб. 13 коп., на ссудо-сберегательные товарищества и сельские банки приходилось 56 899 руб. 22 коп., или 85%, а на волостные кассы – 10 195 руб. 91 коп. – 15%. Сложившееся положение земские специалисты объясняли неудовлетворительным состоянием дел волостных касс, где выданные населению ссуды не возвращались, а новые ссуды не могли быть получены из-за отсутствия оборотных средств¹⁸.

Система организации и финансовое состояние кооперативных учреждений были лучше сословных, в то же время качественное состояние дел ссудо-сберегательных товариществ не было безоблачным. Так, в исследовании А. Валаева указывалось: «Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии, несмотря на видимую солидность и значительность своих операций, находятся в действительности в очень неудовлетворительном положении, и качественная сторона дела далеко не соответствует количественной. Около четвертой части местных ссудо-сберегательных товариществ представляют картину явного упадка и разложения...»¹⁹.

Основная проблема, с которой пришлось столкнуться ссудо-сберегательным товариществам, состояла в просрочке выплат по кредиту. По данным на 1898 г., общее количество просроченных ссуд по губернии составляло 18,6 %. Наибольшее число просроченных ссуд приходилось на сельские кредитные кооперативы – 29,3%, в заводских товариществах доля была меньше – 10,0, а в городских – 6,7%. В 1899 г. доля просроченных ссуд в сельских ссудо-сберегательных товариществах увеличилась до 30,3%, а в заводских и городских товариществах сократилась до 5,6 и 6,5% (см. приложения, табл. 7).

Проблема несвоевременного взноса заключалась не только в слабой платежеспособности крестьянского населения, но и в медленном обороте капитала. В сельских товариществах преобладали длительные сроки кредитования. Независимо от целевого назначения ссуды погашение кредита зависело от результатов урожая и успеха в его реализации.

Наиболее четко круг проблем, с которыми приходилось сталкиваться при работе кредитных кооперативов, был очерчен на первом съезде ссудо-сберегательных товариществ в г. Перми в 1900 г.: 1. Основной проблемой в учреждении и организации

работы товариществ было «слабое развитие в населении грамотности». Образованной на съезде комиссией отмечалось: «Как бы ни было несложно счетоводство товарищества, оно не может вестись аккуратно малограмотными членами. Вообще грамотность, по мнению комиссии, должна вызвать большую хозяйственную самостоятельность и тем создать прочную почву для деятельности учреждений мелкого кредита в деревне».

2. Недостаток денежных средств для операций товариществ.

3. Вмешательство в дела ссудо-сберегательных товариществ местной администрации: «Из имеющихся в комиссии фактов, сообщенных членами съезда, усматривается, что надзор этот (со стороны администрации. – С.П.) зачастую выражается в весьма нежелательных формах, таковы личное вмешательство земского начальника во внутреннюю жизнь товариществ и давление, оказываемое в силу предоставленной ему обширной власти на членов товарищества, для проведения решений, не желательных большинству, или даже противных точному смыслу устава».

4. Развитие кредитных операций сговывала слабая экономическая обеспеченность крестьянского двора, препятствием здесь выступали законодательные нормы, ограждавшие крестьянское имущество от продажи за долги. При таких условиях понижались как количество, так и размер выданных кредитов, что было связано со сложностями при возврате средств, когда ссуда не выплачивалась добровольно. Отсутствие возможности вести залоговые операции с землей, недвижимым имуществом вело к ограничению размера суммы выдаваемого кредита²⁰.

Успех деятельности ссудо-сберегательного товарищества определялся как условиями, в которых оно создавалось, так и деятельностью правления. В качестве положительного примера можно привести деятельность Нязепетровского ссудо-сберегательного товарищества. Устав товарищества был утвержден 4 января 1892 г. оно начало работать с 4 января 1893 г. Инициатором создания был известный уральский кооператор Т.М. Михайлов, работавший фельдшером. На его счету это было уже четвертое открытое товарищество. Прием осуществлялся советом, состоявшим из шести человек. Человек, желающий вступить в товарищество, предоставлял совету документы от местной волостной администрации, подтверждавшие его кредитоспособность. Кроме того, принимались во внимание и нравственные качества просителя. Прием новых членов зависел и от того,

сколько имелось свободных денежных средств, предназначенных для ссуды²¹.

Действия товарищества распространялись на территорию, охватывающую поселение Нязепетровского завода и населенные пункты в радиусе 70 верст. В район деятельности товарищества кроме Нязепетровской волости входили: Поташинская, Белянковская (башкирская), Шемахинская волости Красноуфимского уезда, а также волости из сопредельной Уфимской губернии – Белокатайская и Старо-Белокатайская. Всего на этой территории насчитывалось около 20 селений с общей численностью населения более 40 тыс. человек²².

За первые 5 лет существования товарищества в него пожелали вступить 2608 человек, принято было 1594. Из числа принятых выбыли по причине смерти 25, по собственному желанию – 194, из-за неуплаты в срок паевых взносов – 276, из-за просроченных ссуд – 169 человек, итого – 664. Распределение состава членов товарищества показывало, что основная часть принадлежала к крестьянскому сословию – 94,4%. Наличный состав членов товарищества в 930 человек включал и 55 женщин, 5 из которых занимались хлебопашеством (вдовы). Основным профессиональными занятиями членов товарищества были горнозаводские работы и сельское хозяйство, ими были заняты 842 члена товарищества²³.

По уставу один пай в ссудо-сберегательном товариществе составлял 100 руб. Члены, не имевшие полного пая, обязаны были ежегодно вносить по 6 руб. до того момента, пока не будет достигнут уровень полного паевого взноса. Паевые доли, за редкими исключениями, вносились членами товарищества при получении ссуды путем вычета из нее. На 1 января 1898 г. товарищество имело паевой капитал в размере 27 296 руб. 87 коп., в том числе полных паев у 86 членов – 8600 руб. и паевых долей у 844 членов – на сумму 18 696 руб. 87 коп. Вклады составляли 18 426 руб. 94 коп., в том числе от 28 членов товарищества – 7074 руб. 94 коп., и от 64 посторонних лиц – 11 352 руб.²⁴

Каждый член товарищества имел право на ссуду в размере до 300 руб. Ссуда, превышающая размер пая в полтора раза, предоставлялась без поручителей. В тех случаях, когда размер ссуды был выше, деньги выдавались под поручительство других членов товарищества, причем каждый из них мог поручиться за другого не более чем на 50 руб. За первые 5 лет деятельности было выдано 12 062 ссуды на сумму 337 378 руб. 26 коп. Сроки ссуд со-

ставляли 3, 6 и 9 месяцев. Наибольшее количество ссуд брали в феврале, марте и апреле – на покупку семян и аренду земли, в июле и августе – до 15 сентября – на уборку сена и хлебов. В остальное время ссуды брали на покупку лошадей, хозяйственного инвентаря, налоговые выплаты, постройки. Просроченные ссуды за первые 5 лет деятельности были у 169 членов товарищества на сумму 5091 руб. 45 коп., из них заемщиками было выплачено без судебного взыскания 4563 руб. 72 коп. и 80 руб. 50 коп. поручителями. Взыскано по суду с 7 членов – 348 руб., из них выплачено добровольно 230 руб., взыскано из паевых взносов 96 руб. 18 коп., с имущества 40 руб. и списано со счетов за безнадёжностью 71 руб. 25 коп.²⁵

В последующем товарищество продолжало активно функционировать. Согласно отчету, сохранившемуся в делах Государственного банка за 1909 г., в состав кооператива входило 1820 членов. Следует отметить, что руководство товарищества находилось в руках представителей крестьянского сословия. Члены совета и правления были людьми состоятельными и обладали солидным недвижимым имуществом стоимостью от 1 тыс. руб. до 3 тыс., а также – ценным движимым имуществом и скотом, располагали значительными ежегодными доходами²⁶.

До начала XX в. ссудо-сберегательные товарищества являлись фактически единственным видом кредитного кооператива. Новый тип – кредитные товарищества – вводился положением от 1 июня 1895 г. Этим положением были определены рамки деятельности всех учреждений мелкого кредита. В целом принятым законом ссудная операция ставилась на более прочную законодательную основу. Теперь наряду с краткосрочными ссудами формально разрешались и долгосрочные: предельный срок первых увеличивался до 12 мес., вторые предоставлялись на срок до 5 лет. В качестве обеспечения ссуд, помимо личного доверия и поручительства, вводился залог движимого и отчасти недвижимого имущества – в основном «благоприобретенных», внаемных земель, сельскохозяйственного инвентаря и продуктов. Отдавая решение вопроса о размере процентов по ссудам, вкладам и займам на усмотрение правлений кредитных учреждений, закон ограничивал их рост – 12% годовых. Специальная статья предусматривала порядок взыскания просроченных ссуд через полицию и волостные правления, но лишь с того имущества, на которое по закону могло быть наложено взыскание²⁷.

Описывая состояние дел мелкого кредитования в Пермской губернии, Д.М. Бобылев отмечал: «До 1899 г. ссудо-сберегательные товарищества являлись в Пермской губернии единственной формой кредитного кооператива. На устроенном в 1900 г. губернским земством специальным съезде не было ни одного представителя кредитных товариществ и все нужды кредита и желательные формы содействия земства в этой области рассматривались тогда исключительно исходя из положения операций ссудо-сберегательных товариществ»²⁸.

Возникновение кредитных товариществ, имевших право получать ссуды от Государственного банка, приводит к сокращению распространения ссудо-сберегательных товариществ. По данным местных исследований, количество действовавших ссудо-сберегательных товариществ возрастало до 1890-х гг. В 1883 г. в Пермской губернии функционировало 49 товариществ, по данным на 1893 и 1899 г. увеличение числа товариществ остановилось на 58. К 1913 г. численность ссудо-сберегательных товариществ сократилась до 35 (табл. 46).

Таблица 46

Количество действовавших ссудо-сберегательных товариществ в Пермской губернии в 1883–1913 гг.

Уезд	1883 г.	1893 г.	1899 г.	1913 г.
Верхотурский	11	11	9	8
Екатеринбургский	2	4	2	3
Ирбитский	1	1	1	1
Камышловский	—	1	1	—
Красноуфимский	3	4	8	5
Кунгурский	1	1	1	1
Осинский	—	—	—	1
Оханский	15	17	17	5
Пермский	12	12	13	10
Соликамский	2	2	3	1
Чердынский	—	—	—	—
Шадринский	2	5	3	—
Всего	49	58	58	35

Составлено по: Красноперов Е. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии (по отчетам товариществ за 1883 г.) // Календарь Пермской губернии на 1885 г. Пермь, 1884. Отд. 2. С. 3; Валаев А. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1903. № 1. Отд. 3. С. 102; Труды совещания при Пермской губернской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г. – 7 января 1893 г.). Пермь, 1893. С. 46; Ежегодник и календарь на 1914 г. Пермского губернского земства. Пермь, 1914. С. 148.

Ссудо-сберегательные товарищества, несомненно, являлись наиболее совершенными учреждениями в сравнении с сословными. Медленный рост и последующее сокращение их числа объясняются особенностями устава, предусматривавшего внесение паевых взносов и создание основного капитала за счет вступающих в него членов. При отсутствии у основной части населения свободных денежных средств формирование капитала товарищества представляло значительную проблему. Последующее расширение кредитной кооперации связано с развитием кредитных товариществ, получавших первоначальный капитал от Государственного банка и земства.

Вышедшие на авансцену начала XX в. кредитные товарищества к 1913 г. были абсолютными лидерами на рынке мелкого кредита, став массовой организацией. Кредитные товарищества качественно превосходили сословные учреждения мелкого кредита, а ссудо-сберегательные – количественно.

Сословные учреждения, несмотря на количественный рост, обладали слабой организацией и недостаточными финансовыми ресурсами. Основной группой сословных учреждений мелкого кредита Пермской губернии были вспомогательно-сберегательные кассы. На 1 января 1908 г. в Пермской губернии функционировали 281 касса, 6 удельных банков и 6 сельских банков – всего 293 учреждения. Эти организации мелкого кредита обслуживали около 23% крестьянских дворов губернии. Учреждениями мелкого кредита были выданы ссуды на сумму 1092,7 тыс. руб. Основной проблемой данных сословных учреждений, как указывалось ранее, был несвоевременный возврат взятых ссуд. Всего в просроченных ссудах на 1 января 1908 г. числилось 675,6 тыс. руб., что составляло 62 % всех выданных кредитов. Причиной этого была не только слабая платежеспособность населения, но и явные недостатки в управлении²⁹.

В докладной записке от 10 апреля 1913 г. неперменный член Пермского губернского присутствия, член Пермского губернского комитета по делам мелкого кредита И.А. Лихачев отмечал: «Большая часть сословных учреждений Пермской губернии относится к разряду вспомогательных касс, действующих в большинстве случаев плохо и при том по старому уставу. Переход на дополнительные правила и новый устав совершается весьма неохотно и медленно. В большинстве касс капиталы находятся в просроченных ссудах за такими лицами, кои или давно умерли,

или являются несостоятельными к платежу долгов, непомерно увеличившихся вследствие нарастания процентов. В массе касс существует переписка ссуд»³⁰.

Компетенция лиц, контролировавших деятельность сословных учреждений мелкого кредита, по мнению И.А. Лихачева, составляла желать лучшего: «Представленные земскими начальниками акты ревизии свидетельствуют сплошь и рядом о поверхностном отношении их к делу и незнакомстве с счетной частью. Представляемые кассами отчеты о деятельности их также свидетельствуют о неправильном ведении счетоводства самими кассами. Есть такие земские начальники, которые до настоящего времени не утрудились уяснить себе разницу между сословными и кооперативными учреждениями мелкого кредита. Я уже не говорю про то, что при поездках по губернии мне приходится сталкиваться с такими волостными старшинами и писарями, кои не имели совершенно представления о сословных кассах»³¹.

Всего по данным, опубликованным ЦСК в Пермской губернии, на 1 января 1913 г. насчитывалось 319 сословных учреждений мелкого кредита с оборотным капиталом в 1973,6 тыс. руб., кредитных товариществ – 308 с оборотным капиталом в 6897,7 тыс. руб., что превышало обороты сословных учреждений в 3,5 раза. По количеству оборотных капиталов на одно учреждение ссудо-сберегательные товарищества превосходили кредитные, что объясняется более длительным сроком их существования. Так, 6 из 9 лет (периода 1904–1913 гг.) средние оборотные капиталы на одно ссудо-сберегательное товарищество превышали аналогичные обороты кредитных товариществ. Средний оборотный капитал сословных учреждений на 1 января 1913 г. составлял 6,2 тыс. руб., ссудо-сберегательных товариществ – 24,8, кредитных – 22,4 тыс. руб. (см. приложения, табл. 8).

Некоторые товарищества были преобразованы из ссудо-сберегательных в кредитные. В качестве примера можно привести Березовское кредитное товарищество Красноуфимского уезда, открытое в 1898 г. в качестве ссудо-сберегательного, а с 1907 г. преобразованное в кредитное. На 1 января 1913 г. в нем состояло 1 760 человек с суммой кредита 193 725 руб. Основным капиталом товарищества составлял 7424 руб., запасный 730 руб. Успешность товарищества подтверждалась наличием вкладов. В 1912 г. они составляли 89 738 руб., а выданные ссуды – 84 175 руб. Как и во

многих успешных кредитных кооперативах, деятельность Березовского кредитного товарищества не ограничивалось только ссудными операциями, с 1904 г. при товариществе были открыты посредническая и залоговая. Посредническая операция заключалась в снабжении членов кооператива сельскохозяйственными машинами и орудиями на льготных условиях. Залоговые осуществлялись под продукты сельскохозяйственного и кустарного производств. В собственности товарищества находился кирпичный завод, где наряду с кирпичом производилась и черепица. При товариществе действовал зерноочистительный пункт³².

Льготное кредитование Государственного банка кредитных товариществ под 6% годовых способствовало количественному росту кредитных кооперативов. Успех объяснялся и эффективной системой финансового надзора за кредитными учреждениями, связанного с созданием института инспекторов мелкого кредита.

С развитием кредитной кооперации менялась и форма содействия мелкому кредиту со стороны земства, что связано с изданием положения о мелком кредите от 7 июня 1904 г., разрешавшем создание новых учреждений – уездных касс мелкого кредита. Первая уездная земская касса в Пермской губернии была организована в 1908 г. в Екатеринбургском уезде, так как именно здесь кредитные товарищества развивались наиболее динамично. К 1914 г. земские кассы мелкого кредита имели 11 из 12 уездов губернии, исключение составлял Ирбитский уезд, где касса была открыта только в 1915 г. Основная деятельность касс состояла в кредитовании возникавших кооперативов. Ссуды земства шли как на формирование основного капитала, что делало возможным создание нового кооператива, так и на увеличение оборотных капиталов действовавших кредитных товариществ³³.

Например, с 1908 по 1914 г. только в 6 уездах восточной половины Пермской губернии при финансовой поддержке касс было открыто 48 из 175 кредитных товариществ, что составляет 27%, остальные учреждения воспользовались финансовой поддержкой Государственного банка³⁴. Кроме того, через уездные кассы осуществлялась продажа в кредит сельскохозяйственных машин и кровельного железа, производившаяся как непосредственно покупателям, так и через кредитные кооперативы.

Новой мерой экономической поддержки крестьянских хозяйств становится развитие хлебозалоговой операции, направленной на стабилизацию цен на хлеб в осенний период. В 1912 г.

Пермскому губернскому земству был открыт кредит в 1 млн руб. под 6% годовых в Государственном банке для ведения хлебозалоговых операций уездными земствами. Однако использовано было только 169,7 тыс. руб. Кредитами воспользовались Екатеринбургская, Камышловская, Осинская, Оханская, Соликамская и Шадринская управы. Эта операция была возобновлена и в последующий год, но значительного влияния на хлебный рынок губернии она не оказывала³⁵.

Наиболее бурно кредитная кооперация в форме кредитных товариществ развивалась в восточной половине Пермской губернии – Зауралье. В 1913 г. на их долю приходилось 64,4% кредитных товариществ губернии. Под зауральскими уездами понималась территория 6 уездов губернии: Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Камышловского, Красноуфимского и Шадринского.

Первые кредитные товарищества в зауральских уездах возникли в 1899 г. Пионерами были: Кайгородское кредитное товарищество Верхотурского уезда, открытое 15 сентября 1899 г., и Темновское – Екатеринбургского уезда – 19 октября 1899 г. Темпы роста кредитных кооперативов последовательно увеличивались, что объясняется как развитием кооперативного законодательства, так и увеличением потребностей в кредитах. С 1899 по 1904 г. было создано 18 товариществ, за 1905–1909 гг. возникло 58 товариществ, а в 1910–1914 гг. их число увеличилось на 137. Всего к 1 января 1914 г. организовано 213 товариществ. Лидером по количеству кооперативов был Екатеринбургский уезд (см. приложения, табл. 9).

Динамика роста кредитных товариществ Екатеринбургского уезда отражала как общероссийские, так и губернские тенденции. Значительное увеличение кредитных кооперативов происходит с 1905 г., на тот момент количество товариществ достигло 12, к 1911 г. оно увеличилось до 38, т. е. более чем в 3 раза, а доля участия крестьянских хозяйств в кредитных товариществах возросла более чем в 4 раза (табл. 47).

Участие крестьянских хозяйств Екатеринбургского уезда в кредитной кооперации будет нами определено на примере 1910 операционного года. На 1 января 1910 г. в Екатеринбургском уезде функционировало 31 кредитное товарищество. В течение 1910 г. было открыто 7 товариществ, из них 1 – Екатеринбургским отделением государственного банка и 6 – кассой мелкого

Таблица 47

**Динамика роста численности кредитных товариществ
Екатеринбургского уезда по данным на 1 января 1900–1911 гг.**

Год	Количество домохозяев в уезде	Число кредитных товариществ	Количество членов кредитных товариществ	Доля участников кредитных товариществ к общему числу домохозяев уезда, %
1900	62 088	2	105	0,2
1901	63 687	3	197	0,3
1902	64 963	4	314	0,5
1903	66 638	6	1034	1,6
1904	66 982	9	3425	5,1
1905	67 240	12	7185	10,7
1906	69 111	13	10 176	14,7
1907	68 901	15	13 238	19,2
1908	73 226	17	17 850	24,4
1909	73 784	25	24 029	32,7
1910	73 822	31	29 578	40,1
1911	78 857	38	35 108	44,5

Составлено по: *Маевичев В.В.* Кредитные товарищества Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1910 г. Екатеринбург, 1911. С. 7.

кредита Екатеринбургского уездного земства. Всего к концу 1910 г. работало 38 кредитных товариществ, распространивших свою деятельность на 55 волостей уезда; 6 волостей не входили в район деятельности ни одного из товариществ. За 1910 г. значительно увеличилось число участников кредитных кооперативов. На 31 декабря 1909 г. в кредитных товариществах Екатеринбургского уезда состояло 29 578 членов, получивших кредит на общую сумму 1780,2 тыс. руб. На 31 декабря 1910 г. во всех 38 кредитных товариществах уезда состояло 35 108 членов с открытым кредитом в размере 2158,8 тыс. руб. За 1910 г. количество членов кредитных кооперативов возросло на 17,6%, а общая сумма кредита – на 21,9%. В районе деятельности всех кредитных товариществ насчитывалось 67 763 домохозяина, из них 51,8% были членами кредитных кооперативов. Всего к началу 1911 г. в кредитных товариществах уезда состояло 44,5% всех домохозяев³⁶.

Рассмотрим сословный и профессиональный состав участников кредитных товариществ. По имеющимся данным на 1910 г. по 23 из 38 товариществ, основная часть членов принадлежала к сословию крестьян и мастеровых – 99,4%. Представители других

Таблица 48

**Сословный состав кредитных товариществ
Екатеринбургского уезда в 1910 г.**

Сословие	Число членов		Размер открытых кредитов		Средний размер кредита на 1 члена, руб.
	абс.	%	руб.	%	
Крестьяне и мастеровые	18 207	99,4	1 171 213	99,0	64,33
Мещане	36	0,2	3440	0,3	95,55
Дворяне, почетные граждане	17	0,1	1820	0,2	107,06
Духовенство	57	0,3	6345	0,5	111,31
Итого	18 317	100,0	1 182 818	100,0	64,57

Составлено по: *Мавричев В.В.* Кредитные товарищества Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1910 г. Екатеринбург, 1911. С. 8.

сословных групп составляли 0,6% от участников кооперативов. Как правило, немногочисленные представители привилегированных сословий выступали в роли идейных руководителей. Участие их было связано и с финансовыми интересами, например, средний размер займа представителя дворянства или духовенства превышал крестьянский кредит почти в 2 раза (табл. 48).

Интерес представляет и имущественная состоятельность участников кооперативов. Так как основная часть членов товарищества занималась земледелием, то эти данные можно выяснить на основе распределения участников кооперативов по количеству лошадей. Согласно данным по 23 товариществам, не занимались сельским хозяйством 4,6% домохозяев, 12,1% – занимались сельским хозяйством, но не имели лошадей. Располагали 1 лошадью – 35,0%, 2 – 26,9%, 3–4 – 12,8%, а наиболее состоятельная группа, имевшая 5 лошадей и более, составляла 5,4%. Наибольшая доля полученных кредитов приходилась на членов, имевших по 1 и 2 лошади. Следует отметить, что размер взятой ссуды возрастал по мере увеличения состоятельности заемщика, поскольку большая состоятельность гарантировала надежность кредитора. Средний размер кредита на члена кооператива, не занимавшегося сельским хозяйством, составлял 38 руб. 40 коп., средний размер ссуды безлошадных и однолошадных членов кооператива был равен 53 руб. 14 коп. и 50 руб. 39 коп. соответственно. Размер ссуды на члена кооператива с 2 лошадьми был равен 67 руб. 17 коп., с 3–4 – 95 руб. 49 коп., с 5 и более – 132 руб. 76 коп.³⁷

Таблица 49

**Состав инициаторов создания кредитных товариществ
Пермской губернии по данным анкетного исследования 1912 г.**

Инициаторы создания	Количество	Доля, %
Крестьяне	13	35,1
Учителя	4	10,8
Агрономы	7	19,0
Священники	4	10,8
Волостные писари	4	10,8
Земские врачи	1	2,7
Фельдшеры	1	2,7
Чиновники	1	2,7
Преобразовано из ссудо-сберегательных товариществ	2	5,4
Итого	37	100,0

Составлено по: Материалы по кооперации в Пермской губернии. Анкетное обследование 1913 г. Екатеринбург, 1913. С. 165.

Материалы о социальном происхождении инициаторов создания кредитных кооперативов немногочисленны. По данным анкетного исследования Екатеринбургского биржевого комитета 1912 г., охватившего 12,9% всех кредитных товариществ губернии, выяснено, что основные инициаторы и организаторы кредитных товариществ – представители сельской интеллигенции. Благодаря учителям, фельдшерам, врачам, агрономам, духовенству, волостным писарям возникло 59,5% товариществ. По инициативе крестьян было создано – 35,1% кооперативов. Некоторые товарищества были преобразованы из ссудо-сберегательных в кредитные – 5,4% (табл. 49).

Значительные успехи кредитных товариществ сопровождались старыми проблемами сословных учреждений и ссудо-сберегательных товариществ, связанными не только с ограниченной имущественной правоспособностью крестьянского сословия, но и традиционными взглядами крестьянства. Например, в ходатайстве Маминского кредитного товарищества 1913 г. в Пермский губернский комитет по делам мелкого кредита Министерства финансов сообщалось о проблемах со взысканием просроченных ссуд: «Несмотря на урожай текущего года, число просроченных ссуд в нашем товариществе не уменьшается, а все увеличивается, последнее происходит от слабого взыскания со стороны волостного правления...»³⁸.

Крестьяне не спешили с приобретением имущества однообщественников, проявляя «немую солидарность» и сочувствие по отношению к должникам. На запрос комитета земскому начальнику 10-го участка Екатеринбургского уезда о причинах медленного взыскания просроченных ссуд сообщалось, что «Маминским волостным правлением своевременно приняты меры по взысканию просроченных ссуд по требованиям Маминского кредитного товарищества, и описи у должников производятся немедленно по получении требований о взыскании. На описанное у должников имущество назначаются торги, но привлекающиеся на торги покупатели не являются, отчего торги приходится назначать по несколько раз, а потому и самое взыскание задерживается»³⁹.

Активный численный рост кредитных кооперативов вызывал необходимость координации их деятельности. Потребность во взаимодействии была связана с необходимостью установления единообразия, особенно в плане унификации процентов по ссудам, вкладам и займам, устранении конкуренции между товариществами в привлечении средств, облегчении взаимодействия с представителями Государственного банка. Все перечисленные сложности могли быть более эффективно решены товариществами путем создания союзного кооперативного объединения.

Первым крупнейшим объединением кредитных кооперативов в Пермской губернии был Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. История его возникновения связана с именем Т.М. Михайлова, подавшего в декабре 1903 г. на имя управляющего Екатеринбургского отделения государственного банка А.И. Кожевникова записку с предложением о создании союза. В записке Михайлов предлагал провести в г. Екатеринбурге областной съезд деятелей по мелкому кредиту, а также организовать союзное бюро кредитных кооперативов⁴⁰.

Результатом этого предложения стал первый областной съезд представителей кредитных и ссудо-сберегательных товариществ района Екатеринбургского отделения государственного банка. Съезд проходил с 5 по 11 марта 1905 г. В программу среди прочих вопросов было внесено предложение об объединении в районе деятельности отделения банка товариществ, а в качестве примера приводился Бердянский кредитный союз Таврической губернии. В ходе съезда выработан устав. Кроме основных положений, заимствованных из устава действующего Бер-

дянского союза, были внесены дополнения, увеличивающие сферу деятельности союза. По разработанному уставу в состав проектируемого союза кроме кредитных и ссудо-сберегательных товариществ предполагалось вхождение потребительских и сельскохозяйственных обществ⁴¹.

Утверждение устава союза министром финансов состоялось лишь 5 февраля 1907 г., т. е. через год и 11 месяцев после учредительного собрания, происходившего на Екатеринбургском съезде представителей кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Ни одно из тех дополнений, которые были внесены в образцовый устав учредительным собранием 9 марта 1905 г., в утвержденный устав союза не вошло. Формальной причиной этого стало то, что все три вида кооперации находились под патронажем разных ведомств: кредитная кооперация находилась в ведении Министерства финансов, потребительская подчинялась МВД, а сельскохозяйственные кооперативы – Министерству земледелия⁴².

Первое общее собрание, на котором присутствовали представители от 16 товариществ-учредителей, состоялось 13 мая 1907 г. Деятельность союза распространялась на 6 зауральских уездов – Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Красноуфимский, Верхотурский. В дальнейшем численность кооперативов в союзе нарастала и в 1910 г. их количество увеличилось до 36, в 1914 – до 73, 1918 – 145. Основные направления деятельности союза были связаны с обеспечением денежными средствами крестьян, снабжением сельскохозяйственными машинами, орудиями, семенами, сбытом продукции и решением некоторых культурно-просветительских проблем⁴³.

Положительное влияние союза на крестьянское хозяйство выражалось не только в усилении и упорядочении кредитной деятельности союзных товариществ. Через союз кредитные кооперативы осуществляли снабжение сельского населения сельскохозяйственными машинами и орудиями. Особенностью данных операций было то, что крестьянин мог получить дорогостоящий инвентарь по сравнительно невысокой цене в кредит. Продажа машин совершалась союзом двумя способами: непосредственно товариществам по счетам и со склада союза членам товариществ по ордерам. Сумма оборотов по продаже сельскохозяйственных машин и орудий последовательно возрастала, а общий объем продаж сельскохозяйственного инвентаря за 1907–1914 гг. увеличился с 1,4 до 280,1 тыс. руб., т. е. более чем в 200 раз⁴⁴.

Таблица 50

**Продажа сельскохозяйственных машин и орудий
Екатеринбургским союзом кредитных и ссудо-сберегательных товариществ
в 1910–1914 гг., шт.**

Вид машин и орудий	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	Итого
Бороны	—	45	14	225	23	307
Плуги	29	499	314	1102	2141	4085
Сабаны	58	96	70	58	41	323
Сеялки	25	46	118	260	420	869
Сноповязалки	—	55	19	103	151	328
Жатки (самосброски)	38	40	24	140	125	367
Молотилки	40	84	—	121	125	370
Веялки	14	102	48	126	127	417
Сортировки	1	30	15	59	19	124
Куколеотборники	3	—	9	14	12	38
Сенокосилки	—	2	3	14	3	22
Грабли (конные)	—	—	12	12	12	36
Серпы	853	3000	899	3700	5600	14 052
Косы	1200	1500	1500	1500	—	5700
Сепараторы	6	12	82	37	160	297
Маслобойки	—	10	20	37	69	136
Точила	360	123	—	79	42	604
Соломорежки	—	5	6	8	21	40

Составлено по: Кооперативная статистика Зауралья. Вып. 1–4. Екатеринбург, 1918. С. 2–30.

В 1910 г. союзом был организован собственный склад сельскохозяйственных машин в г. Екатеринбурге. С 1910 по 1914 г. союзом продано 4085 плугов, 869 сеялок, 328 сноповязалок, 367 жаток-самосбросок, 370 молотилок, 22 сенокосилки, 297 сепараторов, 136 маслобоек, а также значительное количество другого сельскохозяйственного инвентаря (табл. 50).

Итак, возникновение и развитие учреждений мелкого кредита стали результатом экономической необходимости, связанной с процессом капитализации сельского хозяйства и переходом от натурального способа ведения хозяйства к товарному. Пермской губернии были присущи две основные формы учреждений мелкого кредита. Первая по времени возникновения сословная система мелкого кредитования, несмотря на количественное превосходство, не могла оказать существенного влияния на экономическое развитие крестьянского хозяйства. Вторая – кооперативная, основанная на принципе добровольного участия, доби-

лась более значительных результатов. Кредитное кооперативное движение в Пермской губернии прошло ряд стадий. До конца XIX в. единственной формой кредитного кооператива было ссудо-сберегательное товарищество, основанное на паевом принципе формирования капитала. Главным препятствием массового развития подобных объединений было отсутствие у населения свободных денежных средств. Следующая ступень развития кредитной кооперации Пермской губернии связана с появлением кредитных товариществ, опиравшихся в своей деятельности на финансовую поддержку государства и земства. Дальнейшим шагом развития кредитной кооперации стало формирование союзных объединений кооперативов, первой такой организацией на Урале и в Пермской губернии стал Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ.

Учреждения мелкого кредита охватывали достаточно широкие слои сельскохозяйственных производителей. Главным условием участия в них была определенная имущественная обеспеченность, отвечавшая требованиям кредитных отношений. При формальном праве участия в кредитных кооперативах всего крестьянства, обладавшего хозяйственно-имущественным минимумом, доминировали средние и состоятельные слои деревни.

Основные направления деятельности кооперативных учреждений мелкого кредита состояли в мобилизации государственных и свободных частных средств для нужд крестьянских хозяйств, выдаче ссуд и посредничестве при закупках товаров для своих членов. Несмотря на законодательные стеснения, препятствовавшие свободной деятельности этих учреждений, и ограничения имущественной правоспособности крестьян, кредитные кооперативы имели значительный экономический успех.

3.2. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

Наиболее распространенным видом сельскохозяйственного объединения конца XIX – начала XX в. были сельскохозяйственные общества. Их деятельность имела специфические особенности, что позволяет отнести их к кооперативным организациям с некоторой оговоркой. В большей мере общества носили характер агрикультурных, просветительских учреждений, распростра-

няющих агрономические знания среди своих членов. В отдельных случаях они создавали показательные поля и случайные пункты, выставки улучшенных пород скота. В круг занятий обществ входила и экономическая деятельность, связанная с распространением удобрений и усовершенствованных орудий труда, содействие в сбыте сельскохозяйственной продукции, но, как правило, хозяйственная деятельность имела второстепенное значение⁴⁵.

Объединения исключительно хозяйственного назначения с уставной формой организации получили в России название сельскохозяйственных товариществ. Нормальный устав для них был издан в 1897 г., он позволял создание кооперативов для сбыта продукции в сыром и переработанном видах. Товарищества имели право вести посредническую торговую деятельность, выдавать ссуды под товары. К кооперативным относились и производственные объединения на договорной основе в форме артелей⁴⁶.

Сельскохозяйственные общества в России учреждались на основании нормального устава, утвержденного Главным управлением землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), или особых уставов, разработанных учредителями общества⁴⁷. Нормальный устав, утвержденный 13 февраля 1898 г., упрощал чрезвычайно сложный порядок создания обществ. Разрешение на учреждение сельскохозяйственных обществ в соответствии с нормальным уставом, как правило, принималось на уровне местной губернской администрации. «Лица, желающие образовать на основании нормального устава сельскохозяйственное общество, подают письменное о том заявление губернатору, который разрешает собственной властью открытие общества в том случае, если действие его распространяется только на один или несколько уездов губернии, или на части их или, наконец, на всю губернию...»⁴⁸.

Процедура принятия устава, отличавшегося от нормального, ограничивалась законом и требовала длительного согласования в центральных ведомствах. «Разрешение учреждения на основании особых уставов сих обществ (имеющих отличия от нормального устава. – С.П.) предоставляется ГУЗиЗ по согласованию с МВД»⁴⁹.

Таким образом, государственными органами не только контролировалось создание общества, но и целиком определялись рамки его деятельности, поскольку действия общества ограничивались принятым уставом.

По сфере деятельности сельскохозяйственные общества подразделялись на общие, созданные для улучшения в сельском хозяйстве вообще, и специальные, служившие развитию отдельной отрасли (скотоводства, пчеловодства и т. д.). Территориальный охват сельскохозяйственных обществ был разным, выделялись общеимперские, областные (с районом деятельности нескольких губерний), губернские, уездные, с районом деятельности в одной или нескольких волостях и общества, действовавшие на территории меньше волости⁵⁰.

Сельскохозяйственные общества появились в России еще в начале XIX в. Это были общества всероссийского или областного масштаба. После отмены крепостного права возникли и местные сельскохозяйственные общества, за 1860–1890 гг. было разрешено создание 18 обществ⁵¹.

Рост численности сельскохозяйственных обществ отмечается с принятием нормального устава 1898 г. До 1900 г. в Пермской губернии не было создано ни одного общества по нормальному уставу, за 1900–1905 гг. утверждено 27 обществ. Резкое увеличение количества обществ началось с 1906 г., за 1906–1911 гг. было создано 80 обществ. По официальным данным, в 1911 г. в Пермской губернии насчитывалось 118 сельскохозяйственных обществ: 109 было создано по нормальному уставу, 1 – по временным правилам, 7 – по особым уставам, порядок создания одного общества был неизвестен⁵².

Общая численность сельскохозяйственных обществ в России на 1 января 1913 г. составила 3962. Из них общих сельскохозяйственных обществ (по сельскому хозяйству вообще) насчитывалось 3412 и специальных (по отдельным отраслям сельского хозяйства) – 550. По территории империи сельскохозяйственные общества распределялись неравномерно. Лидерами по количеству сельскохозяйственных обществ были: Полтавская губерния – 305 обществ, Лифляндская – 173, Пермская замыкала тройку, имея 162 общества⁵³. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация – Пермская губерния, имевшая низкий уровень агротехнического развития, стояла в одном ряду с западными губерниями, обладавшими высоким уровнем агрикультуры. Причина данного феномена, на наш взгляд, может быть раскрыта, если мы определим социальный состав учредителей и активных участников сельскохозяйственных обществ.

По данным анкетного исследования Департамента земледелия 1912 г., основными инициаторами создания сельскохозяйственных обществ выступали деятели земств, составлявшие 27,6% учредителей, следующей по численности категорией были крестьяне – 23,7%. Остальные общества были учреждены землевладельцами (главным образом – дворянами) – 10,7%, священнослужителями – 9,4, народными учителями и учительницами – 7,9, правительственными учреждениями и ведомствами – 5,3, интеллигенцией (кроме учителей) – 5,0, должностными лицами сельской администрации – 5,0, другими кооперативами – 4,7, местными сельскохозяйственными учебными заведениями – 0,7%⁵⁴.

Следовательно, максимальное количество сельскохозяйственных обществ возникло благодаря деятельности земства и прежде всего земских агрономов. В связи с этим стоит отметить, что первенство создания земской агрономической службы в России принадлежало Пермской губернии, где в 1877 г. впервые был учрежден институт агрономических смотрителей. К 1914 г. губерния обладала наиболее разветвленной системой участковой агрономии⁵⁵ (см. главу 2).

Количественный рост сельскохозяйственных обществ объясняется целенаправленной деятельностью земских специалистов. В одном из обзоров, посвященном деятельности сельскохозяйственных обществ, отмечено: «Что касается сельскохозяйственных обществ Пермской губернии, то здесь они почти все основаны агрономами и находятся под ближайшим руководством последних»⁵⁶.

К 1903 г. под руководством земских агрономов организовано 13 обществ: Манчажско-Кадешниковское, Торговижско-Суксунское, Кriuлинское и Красноуфимское – в Красноуфимском уезде; Байкаловско-Чурманское – в Ирбитском; Логиновское и Бруснятское – Екатеринбургском; Сосново-Березовское – Кунгурском; Дубровское – Осинском; Арамашевское – Верхотурском; Сенькинское – Пермском; Бродокаламацкое – Шадринском и Нердвинское – в Соликамском уезде. Первыми были открыты Манчажско-Кадешниковское (1 января 1900 г.) и Торговижско-Суксунское (20 июля 1900 г.) общества. Байкаловско-Чурманское – в мае 1901 г., Бруснятское – 14 апреля 1901 г., Логиновское – 15 апреля 1901 г., Красноуфимское – 14 сентября 1901 г., Арамашевское – 8 апреля 1902 г. и т. д.⁵⁷

Относительно обществ, организованных крестьянами, разработчики анкеты Департамента земледелия 1912 г. отмечали: «Имеется немало оснований полагать, что во многих из таких случаев указываемые учредители не являлись самостоятельными инициаторами образования общества, а действовали в свою очередь по совету агронома, земского начальника, учителя, священника и других лиц, по примеру соседних сельскохозяйственных кооперативных организаций или под влиянием каких-либо иных обстоятельств»⁵⁸.

Массовыми статистическими данными относительно социального состава учредителей сельскохозяйственных обществ в Пермской губернии мы не располагаем. Однако сведения о ряде обществ, представленные в периодической печати и сохранившиеся в делопроизводственных материалах земских и правительственных учреждений, соотносятся с данными анкеты департамента земледелия.

Крестьянство, численно преобладая в составе обществ, как правило, не принимало непосредственного участия в управлении, деятельность общества зависела от учредителей. Типичен пример Сосново-Березовского сельскохозяйственного общества Кунгурского уезда, открытого 14 февраля 1902 г. Учредителями общества считались 21 человек, во главе общества стояли агроном Пермского губернского земства В.А. Николаев и священник села Сосновки Иоанн Мультиановский, основной состав общества был крестьянским. Почетными членами общества были избраны губернатор Д.Г. Арсеньев и местный земский начальник В.А. Накаряков. Участие в делах общества чиновников и деятелей земства не только облегчало взаимодействие общества с правительственными и земскими органами власти, но и способствовало получению субсидий и популяризации деятельности общества в местных печатных изданиях. К июлю 1902 г. в состав общества вошло 106 человек. В обществе числилось: 3 чиновника, 9 земских служащих, 2 представителя духовенства, 3 волостных писаря, 3 учителя, 3 городских жителя и 83 крестьянина. На средства общества было открыто опытное поле, где проводились эксперименты по применению искусственных удобрений и травопольных севооборотов. Общество организовало продажу кос-литовок Артинского завода и семян огородных овощей. Цены на инвентарь и семена были ниже, чем у местных продавцов. Кроме этого, общество продавало и принимало семена клевера

и тимофеевки. Работа общества осуществлялась за счет пособий от Министерства земледелия, Пермской губернской земской управы и Кунгурского уездного земства⁵⁹.

Схожий состав участников был у Федоровского сельскохозяйственного общества Осинского уезда, специализирующегося на животноводстве. В 1913 г. в обществе состояло: 34 крестьянина, 3 помещика, 5 агрономов, 2 ветеринарных фельдшера, 1 зоотехник, 1 ветеринарный врач, 1 инженер, 1 учитель, 2 дьякона, 1 священник и 1 купец. Общество занималось внедрением рационального кормления крупного рогатого скота в крестьянское хозяйство, в качестве дешевого и эффективного корма использовались корнеплоды⁶⁰.

Как правило, общества активно сотрудничали с агрономической службой земства и правительственными органами, занимавшимися вопросами сельского хозяйства, что гарантировало получение пособий. В качестве примера можно привести Торговижско-Суксунское общество Красноуфимского уезда. Оно было образовано 23 мая 1900 г. и действовало по уставу, утвержденному губернатором. Деятельность распространялась на Торговижскую, Суксунскую, Златоустовскую, Агафоновскую, Сыринскую и Тисовскую волости Красноуфимского уезда. На 1909 г. общество состояло из 3 пожизненных членов, 4 учредителей и 31 рядового члена, плативших взносы, основной состав был крестьянским⁶¹.

Центр общества находился в селе Торговижском, где располагались библиотека, лавка, зерносушилка, сельскохозяйственный склад, конь-производитель, а также прочее имущество на общую сумму 4385 руб.⁶²

При поддержке земства общество играло значительную роль в распространении среди крестьянского населения усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин (жнейки), семян культурных растений, новых приемов обработки почвы. Склад вел активные посреднические операции по продаже семян клевера. Благодаря выдаче обществом семян в ссуду крестьянам население северо-западной части Красноуфимского уезда занялось выращиванием красного клевера. В 1909 г. в районе деятельности общества крестьянскими хозяйствами продано примерно 5 тыс. пудов семян на общую сумму около 40 тыс. руб.⁶³

Сельскохозяйственное общество являлось проводником процесса землеустройства, о чем свидетельствует ходатайство

1910 г. со стороны Красноуфимской землеустроительной комиссии в пользу общества о выделении пособия в 10 тыс. руб. на приобретение двигателя и установки для бурения. Установка была необходима для устройства колодцев на хуторах⁶⁴.

Возникновение и развитие обществ во многом определялось интересами правительственных учреждений. Например, Змиевское хуторское сельскохозяйственное общество, учрежденное 27 октября 1913 г., было создано для содействия землеустроительному процессу, о чем свидетельствует состав членов общества. Председателем был агроном Пермской губернской землеустроительной комиссии И.И. Соболев, основной состав был крестьянским. Как указано в отчете за 1913 г.: «В первое время своего существования общество занято было деятельностью организационного характера: возбуждением различного рода ходатайств, перепиской с различными учреждениями и лицами». Подобное положение дел объяснялось тем, что общества вели коммерческую и производственную деятельность в ограниченных масштабах и не способны были покрыть своих затрат. Членская плата, как правило, была невысока и не могла быть значительной по причине низких денежных доходов основной массы членов. Из 31 члена, вступившего в общество, в первый же год его существования 9 выбыло из-за отказа внести ежегодный членский взнос⁶⁵.

Материалы отчета общества свидетельствуют, что основная его деятельность была направлена на развитие вновь образованных хуторских хозяйств: «В районе деятельности общества в течение лета, весны, осени засеяли у 4 хозяев единоличников 4 1/2 дес., плугом вспахано у 5 хозяев единоличников 7 дес...»⁶⁶.

Сообщения в периодической печати указывали, что основными побудительными мотивами участия крестьянства в сельскохозяйственных обществах были экономические интересы, земские специалисты, напротив, на первый план выдвигали просветительские цели. Наиболее ярко это противоречие отражено в статье, посвященной Ильинско-Обвинскому сельскохозяйственному обществу Пермского уезда. Оно было учреждено 3 сентября 1903 г., к 1908 г. в нем состояло 103 члена. В заметке, помещенной в «Пермской земской неделе», отмечалось: «...главной причиной, побуждающей крестьян вступать в число членов общества, является потребность сушить свой хлеб вне очереди. У всех местных крестьян благодаря сырой погоде во время уборки хлебов ощуща-

ется сильная нужда высушить хлеб поскорее. У общества имеются две зерносушилки, на которых члены сушат хлеб вне очереди; это преимущество членов заставляет и других внести 50 коп. членского взноса, чтобы и самому получить право быть привилегированным “членом сушилки”. Те задачи общества, которые преследуются им как сельскохозяйственным культурным союзом (общее улучшение крестьянства, введение травосеяния, усовершенствованных сельскохозяйственных машин и т. д.), кажутся чуждыми “члену сушилки”, его внимание исключительно привлечено непосредственно к выгоде зерносушилки»⁶⁷.

Более высокими организационными характеристиками обладали специальные сельскохозяйственные общества, деятельность которых была посвящена какой-либо одной отрасли сельскохозяйственного производства. Как правило, в составе подобных обществ не было случайных участников, а само общество скорее напоминало клуб. Наиболее известным объединением данного рода в Пермской губернии было Кунгурское общество пчеловодства. Оно было открыто 16 апреля 1895 г., став 14-м специализированным обществом пчеловодства в России. Учредили общество 21 человек. Численность его увеличивалась, причем изменения состава были связаны со значительным числом как вступивших новых членов, так и вышедших. Рядовые члены общества были обязаны вносить ежегодный членский взнос в размере 1 руб. или 15 руб. – пожизненный взнос, освобождавший от ежегодного взноса⁶⁸.

С 1895 г. при обществе открыли собственную специализированную библиотеку, основанную председателем общества, купцом 1-й гильдии С.Л. Сартаковым. Кроме того, за первые 10 лет деятельности общества были созданы склад принадлежностей для пчеловодства, опытно-показательная пасека, мастерская для изготовления ульев. Достижением общества стало создание в г. Кунгур музея, строительство которого завершилось в 1900 г. С 1898 г. общество содержало временного инструктора пчеловодства, а с 1903 г. эта должность стала постоянной⁶⁹. Общество располагало собственным периодическим изданием – «Журнал Кунгурского общества пчеловодства». Он выходил с 1901 по 1917 г., выпускали по 12 номеров в год и бесплатно рассылали членам общества и учебным заведениям губернии.

По отчету за период с 1 ноября 1901 по 1 ноября 1902 г., социальный состав общества выглядел следующим образом, %:

наибольшая доля участников общества была представлена крестьянством – 36,1, городские жители составляли 31,7, духовенство – 11,6 членов общества, 13,1 – дворяне и чиновники, 6,5 – учителя и 1,0 – учреждения. В число членов номинально входили министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, пермские губернаторы П.Г. Погодин, Д.Г. Арсеньев, А.П. Наумов; данные члены не принимали непосредственного участия в деятельности общества, выступая в роли «свадебных генералов»⁷⁰.

Несмотря на то что общество располагалось в Кунгурском уезде, в состав членов входили не только жители уезда. По данным на 1904 г., из общего числа членов общества жители г. Кунгур и Кунгурского уезда составляли 54,0%, 35,3% – проживали в других уездах губернии, а 10,7% – не являлись жителями Пермской губернии⁷¹.

Современники отмечали проблемы бухгалтерского учета в сельскохозяйственных обществах: «Отсутствие отчетности, недостаток учета своей деятельности составляют характерное явление для большинства сельскохозяйственных обществ, и это уже одно определяет беспорядочность неопределенность их деятельности». В докладах первого кооперативного съезда в Пермском уезде наблюдались единичные случаи значительной финансовой деятельности сельскохозяйственных обществ: «Единственным исключением в ряде приведенных сельскохозяйственных обществ является Мотовилихинское общество, годовой оборот которого определяется 26,5 тыс. руб., но и здесь почти вся сумма оборота принадлежала потребительскому отделу общества (24 тыс. руб.), который затем выделился как самостоятельный кооператив». Схожая ситуация сложилась в Лысьвенском сельскохозяйственном обществе. За 1911 г. размер финансовых операций общества выразился в 3651 руб., а баланс потребительского отдела составил 109 729 руб.⁷²

Материалы о деятельности сельскохозяйственных обществ Пермской губернии позволяют сделать вывод, что инициатива в создании обществ принадлежала земским и правительственным агрономам, а сами общества играли роль связующего звена между агрономической службой и населением.

Другой формой кооперативного объединения была артель. Они возникли в России ранее других кооперативных форм объединения. Представители демократических течений общественной мысли прославляли артельные начинания, искали в артели

исконный крестьянский коллективизм, видели в ней решение экономических проблем беднейших слоев населения, пророчили успешное будущее.

Как правило, производственные трудовые артели создавались крестьянами, занимавшимися разными промыслами, и кустарями-ремесленниками. Для сельскохозяйственного производства артели были редкостью. Распространенные в тот период добровольные крестьянские объединения взаимной помощи, получившие название «помочи», «толока» или «супруга», не создавались на длительный срок, имели сезонный характер и по цели и сути не являлись кооперативным объединением.

В России конца XIX в. существовало лишь два места, где предпринимались масштабные попытки создания земледельческих артелей. Оба связаны с привнесением артельных начал извне. Первое – на Урале, в Пермской губернии, второе – на Украине, в Херсонской губернии, где в 1890-х гг. в результате деятельности народника Н.В. Левитского (1859–1936) происходило массовое создание артелей. Сельскохозяйственные артели Елизаветградского и Александрийского уездов Херсонской губернии финансировались за счет частных благотворительных средств и при поддержке Вольного экономического общества⁷³. В течение 1894–1898 гг. хлопотами Николая Васильевича было образовано до 125 артелей. В 118 артелях, действовавших в 1897 г., состояло 524 семьи с 3775 дес. земли, т. е. в среднем в одной артели состояло 4–5 семей, обрабатывавших по 31 дес. земли. Однако деятельность сельскохозяйственных артелей не стала универсальным решением экономических проблем беднейшей части населения. К 1910 г. из 118 артелей сохранилось лишь 16. «Артельный батька» Н.В. Левитский был вынужден признать неудачу⁷⁴.

Создание земледельческих артелей в уральской губернии связано с катастрофическим неурожаем 1891 г., нанесящим сильнейший удар по крестьянскому хозяйству, одним из эпицентров неурожая был Шадринский уезд.

Идейным вдохновителем создания артелей был секретарь Шадринской уездной земской управы Н.Г. Федоров (1847–1910). Николай Григорьевич был незаурядным человеком. Первоначально его жизненный путь был связан с военным ведомством. С семилетнего возраста он обучался в школе кантонистов, затем отбывал воинскую повинность, которую завер-

шил военным писарем. В 1870-х гг. Н.Г. Федоров приехал в г. Шадринск, где сначала был занят адвокатурой, а позже поступил на службу в уездное земство. В 1901 г. он переходит на службу в Камышловскую земскую управу. С 1908 г. Федоров на службе в Екатеринбургской городской управе на должности секретаря. В середине 1910 г. Николай Григорьевич был вынужден оставить службу из-за болезни и уехал в специализированный санаторий для лечения туберкулеза, располагавшийся в деревне Халила в Финляндии. Н.Г. Федоров ушел из жизни 21 декабря того же года⁷⁵.

По замыслу Федорова, основной целью создания артелей была помощь безлошадным крестьянам в восстановлении экономической состоятельности. Согласно его проекту артель должна была состоять из шести безлошадных хозяев. Один из членов артели избирался старостой, который руководил работой кооператива. В каждом населенном пункте, где были учреждены артели, назначался особый попечитель, который должен был наблюдать за исполнением условий устава. Имущество артели (лошади, орудия, семена и весь урожай с артельных запашек) должно было находиться в коллективной собственности, а не каждого хозяйства в отдельности. Урожай артели делился на семенной фонд, выплату податей, а оставшаяся часть должна была храниться для выдачи ссуд членам артели, нуждающимся в семенах (предполагалось, что артельщики кроме общей запашки будут вести и личное хозяйство)⁷⁶. Обосновывая необходимость и выгоду организации артелей, Федоров писал: «...помощь в отдельности каждому бедняку, во-первых, непосильна, во-вторых, безрезультатна. Каждый бедняк в отдельности является очень беспомощной единицей. Дайте ему в руки хоть 100 руб., пользы будет мало. Такая помощь поможет бедняку только временно свободно вздохнуть и отчасти полатиться с долгами. Другой должен быть результат, если мы сплотим бедняков в артель, призовем их к самостоятельности, окажем им единовременную помощь на таких условиях, чтобы они всегда могли бороться с нуждой, если мы укажем им средства, чтобы при всех трудных обстоятельствах они могли получать нужную помощь сами у себя, в своих артелях, и облегчить им средства для платежа продовольственных долгов и других недоимок»⁷⁷.

В июне 1892 г. Н.Г. Федоров, используя частные благотворительные средства, организовал 55 артелей: 47 из них состояли из

безлошадных домохозяев, 1 – из имевших по одной лошади и 7 – смешанных. Каждая из безлошадных артелей кроме посевных семян получила по 2 лошади, по 2 одноконных плуга Воткинского завода и по 1 сохе-курашимке, а также простейшие сельскохозяйственные машины (молотилки и веялки)⁷⁸.

В январе 1893 г., при губернской управе обсуждали насущные хозяйственные потребности населения. Особое совещание земства «с полным сочувствием» отнеслось к проекту Федорова, и губернское земское собрание 23-й очередной сессии выделило ссуду в размере 20 тыс. руб. сроком на 3 года. В 1893 г. в Шадринском уезде было создано 67 артелей. Кроме Шадринского уезда артели были созданы и в Екатеринбургском уезде, где учреждено 25 артелей, в которых состоял 101 крестьянин, 3 артели из 17 участников – в Камышловском уезде⁷⁹.

Общие затраты земства на организацию артелей составили 9275 руб. 13 коп. Деньги по тем временам значительные. Остальная часть средств осталась невостребованной⁸⁰.

Состав попечителей вновь организованных артелей был большей частью безупречен, как правило, это были люди деятельные и незаурядные. В основном земские учителя, врачи, агрономы, сельские священники. Например, в Екатеринбургском уезде артели создавались при поддержке известного земского врача А.И. Смородинцева (1855–1918).

О благотворителях в земских отчетах ничего не говорилось, а потому эта сторона артельного дела осталась за тенью кулис. Кто был столь щедр к артельным начинаниям? Неизвестно. Отчасти свет на эту проблему проливают материалы полицейского делопроизводства.

Среди организаторов артелей в Шадринском уезде были не только «достопочтенные граждане», но и лица, «политически неблагонадежные». Один из них – бывший студент Военно-Медицинской академии, впоследствии видный член РСДРП(б) Г.А. Соломон (Исетский) (1868–1942). Документальные свидетельства о его участии в благотворительной деятельности сохранились в материалах личного дела, заведенного Особым департаментом полиции в 1898 г.⁸¹

В деле, основанном на полицейских донесениях, сообщалось, что Григорий Александрович впервые прибыл в Шадринский уезд Пермской губернии 28 февраля 1892 г. в самый разгар голодовки, порожденной сильнейшим неурожаем. Соломон поселил-

ся в селе Ново-Петропавловское, где открыл бесплатную столовую для крестьян. В начале сентября 1892 г. он уезжает в Санкт-Петербург, но 14 февраля 1893 г. вновь возвращается. Очевидно, что за свои благие дела Григорий Александрович завоевывает доверие в среде местного крестьянства. Крестьяне Петропавловской волости выделили благотворителю 10 дес. земли сроком на 10 лет. На этой земле Соломон обязался на собственные средства устроить лесные насаждения, а по истечении 10-летнего срока безвозмездно передать этот участок во владение крестьян, занятых его обустройством. Кроме того, крестьяне, работавшие на участке, получали плату. За один рабочий день мужчинам полагалось 15 коп., женщинам – 10 и детям – 5 коп., всем рабочим выдавали горячую пищу. В течение лета 1893 г. на участке были высажены деревья и произведены мелиоративные работы.

Параллельно Г.А. Соломон содержал столовую, где ежедневно питались от 60 до 100 человек, также он оказывал бесплатную медицинскую помощь, организовывал артели земледелия по системе Н.Г. Федорова, выдавая членам артелей лошадей, орудия и семена.

Полиция примечала, что кроме «хлеба насущного» Соломон снабжал население книгами, «находился в постоянном общении с крестьянами» и приобрел среди местного населения наименование «благодетеля и кормильца». Полицейские установили, что бывший студент Военно-медицинской академии получал деньги из Санкт-Петербурга. Кто их высылал – было загадкой, но сумма достигала солидных размеров в 5–8 тыс. руб.

Не осталась незамеченной и личная жизнь Соломона: «Проживая в 1893 г. в Песковской волости, он поддерживал самые тесные и близкие отношения с девицами Марией и Елизаветой Федоровыми, состоящими под негласным надзором. Они также заведовали в этом году столовыми, открытыми на частные пожертвования, и действовали в народе совершенно солидарно с Соломоном. Они весьма часто съезжались и проводили вместе иногда целые сутки. С окончанием летних работ Соломон переселился в город Шадринск. Здесь проживал совместно с девицей Марией Федоровой на одной квартире и имел самые близкие отношения со всеми негласно поднадзорными, проживающими в этом городе, избегая всех иных лиц местного общества. По наблюдению всех благомыслящих лиц, Соломон является личностью подозрительной, крайне ловко достигающей своей цели и

лавирующей между народом и наблюдавшей за ним местной властью»⁸².

Георгий Соломон уехал из Шадринского уезда 8 сентября 1893 г. в Санкт-Петербург, вместе с ним уехала дочь секретаря Шадринской уездной управы Мария Николаевна Федорова. В январе 1894 г. Г.А. Соломон и бывшая слушательница училища лекарских помощниц и фельдшериц М.Н. Федорова вступили в законный брак⁸³. Так завершилась помощь одного из благотворителей.

В отличие от средств благотворителей земские ссуды подлежали возврату. В 1894 г. губернское земство собрало первые сведения о деятельности артелей, чтобы определить их хозяйственную состоятельность. Всего в Шадринском уезде было обследовано 63 артели. В артелях на момент их создания насчитывался 401 член, 85 – вышли из артели в первый же год существования, 30 человек было исключено, вновь принято – 45. В итоге к 1894 г. в состав артелей входило 323 крестьянина.

Основное имущество артелей составляли лошади, приобретенные на земский кредит и средства благотворителей. При основании артелей в их пользование было выдано 219 лошадей, одна артель купила лошадь самостоятельно. В первый же год деятельности артелей пало 22 лошади. В отчете губернской земской управы указывалось: «...никому лично не принадлежавшая лошадь не пользуется должным уходом. По частым сведениям большинство лошадей пало прямо от голода, один из попечителей сообщает, что у артельщиков идет пережидание, который должен работать, тот и корми лошадь, а последний, поработав целый день, передает ее другому, а покормить после трудов не позаботится. Во многих случаях и оставшиеся лошади, по слухам, плохо кормлены и истощены». Попечители артели описывали вступление крестьян в артель как меру вынужденную: «Безлошадные крестьяне смотрят на артель как на неизбежное зло, лежащее на пути к приобретению собственной лошади, возможности стать полным хозяином. Заметна сильная тенденция уравнивать число членов с числом лошадей, что достигается обыкновенно устранением лишних (сверх лошадей) членов»⁸⁴.

Наряду с хозяйством земские специалисты изучили и состав семей артельщиков – всего 206 домохозяйств. В среднем в состав семьи одного артельщика входило 5,2 души обоих полов. Трудо-способные члены семьи составляли 52% населения дворов, в том

числе 25% приходилось на мужчин и 27 – на женщин. Нетрудоспособное население (дети и старики) семей артельщиков составляло 48%, семьи без работника-мужчины – 6% участников артелей, 63% – самая многочисленная группа – имела одного работника-мужчину, 31% – двух и более. Семьям артельщиков был свойствен низкий уровень грамотности, лишь 41% дворов имел в семье грамотного члена⁸⁵.

Неудивительно, что организация коллективных хозяйств в Шадринском уезде сопровождалась распространением разнообразных слухов. Крестьяне рассказывали, что членов артелей будут клеймить и «по вешней воде» вместе с семьями переселят в далекие края или артельщиков заставят работать «на земщину»⁸⁶.

Собранные земством статистические данные свидетельствовали, что хозяйства, вошедшие в состав артелей, были экономически неблагополучными, до тяжелого 1891 г. они обладали незначительным количеством домашнего скота, многие не имели земледельческих орудий, обрабатывали небольшие участки земли, а оставшуюся часть земельного надела сдавали в аренду.

Проведенное в октябре 1896 г. земское обследование показало, что все артели после 2–3-летнего существования распались, не выплатив полученные ссуды. Артельное хозяйство велось плохо, быстро менялся состав членов, а на момент обследования общая запашка была повсеместно прекращена. Из 153 лошадей, приобретенных на средства губернского земства, в Шадринском уезде пало 24%, в Екатеринбургском – 32%. Главные причины падежа лошадей – непосильные работы и истощение. У многих артелей Шадринского уезда никакой артельной организации труда не существовало с момента возникновения. Получив ссуду, крестьяне покупали лошадь и вели хозяйство самостоятельно⁸⁷.

С 1897 по 1903 г. земство не предпринимало никаких действий по отношению к участникам артелей. В 1904 г. Пермское губернское земство вновь вспомнило о своих должниках, а уездные управы Шадринского, Екатеринбургского и Камышловского земств исследовали состояние дел бывших артельщиков. Для ревизии в Шадринский уезд был направлен опытный землец, член управы Н.П. Белдыцкий (1869–1928)⁸⁸. Ревизии подверглись участники восьми бывших артелей. Результаты проверки были опубликованы в «Сборнике Пермского земства». Во всех описанных случаях в качестве основной причины распада артелей

участниками указывались имущественные споры, общей практикой была ссылка на незнание о ссудных обязательствах. Например, бывшие члены артели из села Далматово описывали работу своего коллектива так: «Да разве это резон сообща владеть лошадьми. Я буду ее кормить, а потом ее другому отдадут, кто не кормит, а только робить будет. Или я починю молотилку, а другой задаром моим трудом воспользуется! Бились мы так с год и отдали молотилку Федору Брагину, он один ею стал пользоваться. А лошади у нас пропали. Да если бы мы знали, что за это станут деньги требовать, то во век не взяли ничего в совместное владение. Только одно разорение. Тогда мы хоша и давали подписку, что обязаны заплатить за все в три года, да нас тут же уверяли, что это только так, а дается все даром, мы и верили. А тут вдруг через десять лет снова требуют, разорить совсем хотят»⁸⁹.

Ревизором были вскрыты случаи, где участники артелей становились жертвами недобросовестных попечителей. Артельщики из деревни Подкорытовой Замараевской волости жаловались на своего попечителя и сообщали о том, что ссуду выплатили в полном объеме: «У нашей артели попечителем был писарь Петров. Мы ему долги выплатили, даже гораздо больше, чем получили от земства. Он всем делом руководствовал. Веялку мы почти не видали, в первый же месяц он ее у нас отобрал, а молотилку продал крестьянину Красномыльской волости Г.А. Деулину и говорил нам, что деньги сдал в Шадринскую управу, а правда ли это – мы не знаем. Петров у нас и хлеб отобрал, который тогда родился. Если бы мы знали все это, то во веки веков не вступили бы в эту артель, только разорились от нее. Петров на наши деньги долго пировал»⁹⁰. Получить земские деньги с «предпримчивого» попечителя было невозможно. Н.П. Белдыцкий выяснил, что писарь Петров мертв, его убили в Тюмени, земскую веялку он обнаружил возле волостного правления в разрушенном состоянии, где она лежала уже несколько лет.

Несмотря на оказанную земством помощь, экономическое положение бывших артельщиков не изменилось. Как и прежде, многие из них были бедны или считались середняками. Количество домашнего скота и инвентаря в хозяйствах участников артелей было минимальным. Хозяйства этих крестьян, как и 10 лет назад, балансировали на грани полного упадка, за ними числились недоимки по уплате податей и долги в общественные хлебозапасные магазины.

Изучив положение дел участников бывших артелей земледелия, Николай Петрович пришел к однозначному выводу: «По моему глубокому убеждению, земству, долженствующему стоять на страже экономических интересов народа, надлежит сложить все эти старые, покрытые 11-летним забвением долги». Губернское земство было вынуждено принять это предложение. Эпилогом существования сельскохозяйственных артелей стало сложение долгов, числившихся за бывшими участниками артелей. Всего земским собранием было прощено 8 371 руб. 42 коп., поводом стало рождение наследника престола – цесаревича Алексея Николаевича⁹¹.

Резюмируя описанные события, можно сказать, что земские ожидания народнического толка не оправдали себя на практике. Внешняя помощь, пришедшая из-за пределов крестьянского «мира», не укладывалась в рамки привычных хозяйственных практик, а поэтому воспринималась как временная и чрезвычайная. Ставка на социальную общность крестьянства не сработала. Свойственный крестьянству социокультурный коллективизм отнюдь не означал полного слияния отдельной семьи с интересами общества. В хозяйственной жизни крестьянская семья, удовлетворя базовые потребности, связанные с обеспечением физического существования, во многом являлась самодостаточной структурой. Крестьянскому обществу, или, как его было принято называть, «миру», доставалось лишь то, что не могла решить отдельная крестьянская семья.

Как правило, самостоятельное объединение в артель происходило только там, где заканчивались возможности отдельно взятого крестьянского хозяйства. Объединяясь в артель, крестьяне преследовали конкретную хозяйственную цель – получение кредита, организацию совместной переработки сырья, обеспечение сложного производства.

В начале XX в. в Пермской губернии появляются специальные кооперативы по переработке сельскохозяйственных продуктов. Существенную роль начинают играть маслодельные артели.

К 1914 г. наиболее крупным районом промышленного маслоделия в Пермской губернии становится Шадринский уезд, где работало 44 артельных и 10 частных маслодельных заводов. Первая маслодельная артель появилась в 1902 г. Их быстрый количественный прирост начинается после неурожая 1911 г., под-

твердившего стабильность и выгоду переработки молока⁹². Кроме Шадринского уезда в Пермской губернии кооперативные маслодельные заводы существовали в Оханском уезде – 2, Камышловском – 9, Екатеринбургском – 1, Соликамском – 1, Ирбитском – 1, Красноуфимском – 2⁹³.

Развитие маслоделия стало возможным благодаря распространению сепараторов. В отчете Красноуфимского техника маслоделия С.А. Груздева отмечалось, что на 1 августа 1910 г. в уезде насчитывалось 203 сепаратора, к 1912 г. их было около 500. На территории уезда работали две маслодельные артели – Красноуфимско-Сылвинская и Молебская. Лабораторный анализ продукции, организованный при содействии казенной Ярославской испытательной лаборатории, подтвердил ее высокое качество. Динамика выработки масла свидетельствовала об увеличении интенсивности животноводства в районе работы артелей⁹⁴.

Сменивший в 1913 г. С.А. Груздева инструктор по молочному хозяйству Д.А. Чукманов сообщал: «Всматриваясь в состояние молочного хозяйства в Красноуфимском уезде, приходится наблюдать, что в большей части уезда занятие этой отрасли народного труда имеет благоприятные условия... Но в данный момент эта отрасль промышленности в руках сельского населения уезда находится на низком уровне развития и немногим отличается от первобытного. Больше всего это зависит от неосведомленности населения в отношении возможных мер улучшения и поднятия доходности молочного хозяйства и скотоводства. В массе населения наблюдается отсутствие самых элементарных сведений по рациональному ведению молочного хозяйства, исключением является разве только до некоторой степени применение сепаратора уже большинству известного»⁹⁵.

Деятельность маслодельных артелей не была стабильной, артели быстро возникали и исчезали. Первая по времени возникновения в Красноуфимском уезде маслодельная артель – «Красноуфимско-Сылвенская» (основанная 17 марта 1911 г.) – продолжала работу в 1913 г. Вторая – «Молебская» (открыта 9 декабря 1911 г.) – в апреле 1913 г. приостановила работу, сдатчиков артели «переманил» частный предприниматель, открывший сыро-маслодельный завод. Исчезнувшую артель сменила новая, образованная 13 января 1914 г. в с. Крестовоздвиженском⁹⁶.

Значительное место в экономической жизни населения Пермской губернии занимала потребительская кооперация. Как

справедливо отметил известный экономист, профессор И.Х. Озеров: «Пермская губерния – это центр русских потребительных обществ. Здесь выработала их суровая нужда – дороговизна продуктов, дурное качество их и даже полное отсутствие возможности получить некоторые из них»⁹⁷.

По количеству организованных обществ Пермская губерния являлась одним из лидеров потребительской кооперации в России. До 1905 г. она занимала первое место, в последующем уступая пальму первенства Киевской и Подольской губерниям. До 1900 г. общества потребителей в Пермской губернии основывались главным образом при заводах. На 1 января 1900 г. существовало 64 заводских и 15 сельских потребительских обществ. К концу 1907 г. в селах Пермской губернии насчитывалось 82 потребительских общества, а при заводах – 81⁹⁸.

По материалам, собранным М.Л. Хейсиным, численность сельских потребительских кооперативов значительно возросла после 1905 г., а к 1910 г. число сельских потребительских обществ почти в 2 раза превосходило количество существовавших заводских⁹⁹. Всего с 1866 по 1910 г. было открыто 271 общество потребителей, а закрыто, по меньшей мере, 28. Из закрытых потребительских обществ к заводским принадлежали 14, сельским – 8, городским – 4, чиновничьим – 2 (см. приложения, табл. 10).

В последующем количество потребительских обществ продолжало увеличиваться. На 1 января 1912 г. в Пермской губернии насчитывалось 391 общество, а к 1 января 1913 г. их число составило 440¹⁰⁰.

Данные о росте численности сельских потребительских обществ свидетельствуют о том, что кооперация для крестьянского двора Пермской губернии приобретала все большее значение, особенно в сохранении хозяйственной независимости от частных коммерсантов, способствуя выработке новых навыков экономической деятельности.

Первое потребительское общество на Урале возникло в 1864 г. при Кыновском чугуноплавильном заводе Кунгурского уезда, принадлежавшем Строгановым. Инициатором создания общества был управляющий завода Н.А. Рогов (1825–1905). Причиной его появления послужили отсутствие сельскохозяйственного производства вблизи и необходимость обеспечения горнозаводского населения продуктами питания. До ближайшего крупного экономического и административного центра –

г. Кунгура – расстояние составляло около 130 верст. В 1867 г. обществом была открыта потребительская лавка, составившая значительную конкуренцию местным торговцам. Официально зарегистрировано общество было только в 1870 г. В 1873 г. кооперативом было открыто питейное заведение, которое приносило значительные доходы. По невыясненным причинам в 1877 г. у общества сгорела центральная лавка, общий ущерб составил 13 тыс. руб.; несмотря на значительный материальный урон, общество продолжало функционировать. Пайщиками артели были служащие и рабочие завода, к 1891–1892 гг. в обществе насчитывалось 520 пайщиков, а торговый оборот составлял 222 тыс. руб. С 1902 г. торговые операции общества сократились, что было связано со снижением объемов производства на заводе. В 1910 г. завод был окончательно закрыт. Кооператоры пытались найти выход из сложившегося положения. Обществом была построена лесопилка, кузница, осуществлялась заготовка сельскохозяйственных продуктов. В 1914 г. вблизи поселка Кын была построена железная дорога, что способствовало оживлению деятельности общества. 22 ноября 1915 г. Кыновское общество потребителей отпраздновало свое 50-летие¹⁰¹.

Информация о деятельности потребительских обществ, а сельских в особенности, имеет отрывочный характер и содержится в местных статистических исследованиях.

В мае 1891 г. Пермский губернский статистический комитет обратился к правлениям потребительских обществ, существующих в Пермской губернии, с предложением о предоставлении сведений об их деятельности. В результате были получены данные о 40 обществах потребителей. Всего же к 1892 г. в губернии было учреждено 61 потребительское общество, таким образом, исследованию подверглись около 2/3 потребительских обществ губернии. Из всего количества обществ, о которых имелись данные, два фактически не вели никаких операций. Первое из них – Нижнетагильское – прекратило заготовку товаров вследствие убытков. Второе – Невьянское – не работало, так как пострадало от пожара. Из общего количества обществ, о которых имелись сведения, 36 относились к заводским и только 4 имели статус сельских. Сельские общества, приславшие отчеты, находились в Пермском, Соликамском, Екатеринбургском и Камышловском уездах¹⁰².

На вопрос о том, какие товары приобретаются через общество, четкие данные были получены только по Нижне-Уфалейскому заводскому обществу потребителей. В 1889 г. в этом обществе были проданы товары на сумму 24 025 руб. 96 коп., из них на муку пшеничную и ржаную приходилось 28,7%, крупчатку – 25,3, чай – 8,9, сахар – 8,9, табак – 3,7%, на долю остальных товаров (овес, керосин, мыло, спички) – 25,2%¹⁰³.

Можно предположить, что ассортимент сельских обществ потребителей не имел значительных различий, с той лишь разницей, что продукты сельскохозяйственного производства занимали в них значительно меньшую долю.

Общества потребителей включали в сферу экономической деятельности не только членов кооператива. Так, Е.И. Красноперов, сводивший данные отчетов, отмечал, что общества продавали товары не только своим членам, но и посторонним лицам. Суммы продаж посторонним лицам в оборотных капиталах потребительских обществ составляли более 50%¹⁰⁴.

Наиболее крупным из действовавших в конце XIX в. Пермской губернии сельских потребительских кооперативов было Усольское общество потребителей Соликамского уезда. К 1891 г. в обществе насчитывалось 290 человек. В члены общества принимались жители с. Усоля и его окрестностей. Паевые взносы были определены в 20 руб. с человека, но допускалась рассрочка по внесению, оплата в данном случае производилась по 50 коп. в месяц. Предельная норма паевых взносов, которой мог владеть один член кооператива, не ограничивалась. Из общей суммы чистой прибыли 10% отчислялось в запасный капитал, 60% распределялось между членами кооператива по числу паев, а остальные 30% делились между членами общества пропорционально количеству сделанных ими покупок. Кроме продажи товаров за наличный расчет практиковался отпуск товаров в кредит, открытый в размере 2/3 паевых взносов. За перебор товаров отвечал приказчик. Основная часть товаров в обществе приобреталась за наличные¹⁰⁵.

Основные закупки товаров общество производило на Нижегородской ярмарке. Общество в сравнении с другими потребительскими объединениями губернии имело значительное преимущество, заключавшееся в получении кредита от графа Строганова, имевшего в Усолье соляные варницы. Размер кредита составлял до 10 тыс. руб. под 3% на 4–5 месяцев. Но общая сто-

имость кредита в конечном счете составляла 7%, так как кредит предоставлялся под залог процентных бумаг, которые обществу приходилось занимать у частных лиц под 4%. Наценка на приобретенный товар составляла от 1 до 30%. Общество располагало двумя лавками. В первой торговали мануфактурными и бакалейными товарами, а во второй – только продовольственными. За каждой лавкой был закреплен приказчик. В мануфактурной и бакалейной лавках он получал жалование с прибыли на проданный товар в размере 3%. Кроме того, на эту сумму приказчиком содержались четыре помощника. В продовольственной лавке или, как ее называли, «харчевой» приказчик получал годовое жалование в 500 руб. и 1% от прибыли, нанимая на полученные средства двух помощников. Правление потребительского общества, по данным на 1895 г., состояло из пяти человек, получивших вознаграждение в размере 15% с чистой прибыли кооператива¹⁰⁶.

Особенностью Усольского потребительского общества было то, что в ряду его членов было много крупных пайщиков. Так, в 1895 г. из 359 членов общества 26 владели паевыми взносами в размере свыше 300 руб., были владельцы паевых капиталов на сумму более 900 руб. Категория этих пайщиков почти не приобретала товары в лавках, а использовала возможности общества для увеличения размера денежных средств. По имеющимся данным за 1887–1894 гг., общество динамично развивалось. Число членов за этот период возросло с 195 до 359 человек, а сумма паевых взносов – с 12,9 до 31,0 тыс. руб.¹⁰⁷

При создании потребительских обществ значительную роль играли представители интеллигенции. Например, Галкинское потребительское общество Камышловского уезда возникло по инициативе земского учителя Ильина (имя и отчество не известны). Создание общества началось с бесед о потребительской кооперации, которые Ильин проводил в здании земской школы. В результате в 1884 г. была сформирована инициативная группа в составе 24 человек, которыми было внесено по 5 руб. паевых взносов. Поскольку собранной суммы явно не хватало для открытия потребительского кооператива, деньги были потрачены на аренду 12 дес. земли, где был посеян овес. Полученный урожай позволил увеличить размер паевого взноса до 19 руб. 27 коп. В 1885 г. посев овса повторили на площади в 18 дес. На момент официального открытия – 9 сентября 1885 г. – в состав общества

входило 48 человек. Паевой взнос был определен в размере 26 руб., из них 25 – шли в оборотный капитал общества, а 1 руб. – в запасный. В 1886 г. обществом открыты винная и бакалейная лавки в с. Галкинском, и 5 лавок в других селениях. Деятельность общества способствовала понижению цен на потребительские товары. Так, цены на керосин в районе деятельности общества понизились с 7 до 3 коп. за фунт¹⁰⁸.

Основная проблема, с которой пришлось столкнуться Галкинскому обществу потребителей, была связана с мошенничеством нанятых в лавки приказчиков. Только за 1886 г. из-за растрат и умышленных хищений общество было вынуждено сменить троих приказчиков. В целом оно функционировало успешно. Чистая годовая прибыль достигала 50%. Экономический успех общества способствовал укреплению популярности потребительской кооперации среди крестьян. Следует отметить, что основная работа по организации дел «лежала» на учителе Ильине, согласившемся безвозмездно вести бухгалтерию в течение 5 лет¹⁰⁹.

Существенный интерес представляет система организации сельских потребительских кооперативов. В 1912 г. Екатеринбургским биржевым комитетом было проведено анкетное обследование кооперативов губернии, охватившее около 19% всех существовавших потребительских обществ. Особенность исследования биржевого комитета состояла в дифференцированном подходе к изучению заводских и сельских потребительских обществ¹¹⁰.

Наше внимание сосредоточено на результатах исследований, полученных при анкетировании сельских потребительских обществ. Из 49 37 (75,5%) на момент рассмотрения существовали от 1 года до 4 лет, 6 – работали от 5 до 10 лет (12,2), 2 (4,1) – 11–15 лет, 1 (2,0) существовало 22 года, а время возникновения 3 (6,1%) не было известно. Следовательно, наибольшая часть изученных обществ появилась после 1907 г. во время массового формирования сельских потребительских кооперативов¹¹¹.

На вопрос анкеты об организаторах общества ответы были получены от 47 из 49 исследованных обществ. Первое место в деле открытия сельских потребительских обществ принадлежало интеллигенции: учителям, духовенству, фельдшерам, волостным писарям. Интеллигенцией без активного участия в организационной работе крестьян было открыто 24 общества, из них – 9 – духовенством, 7 – волостными писарями, 5 – учителями, 2 –

агрономами и 1 – фельдшером. Кооперативное движение коснулось и представителей власти. Например, одно общество было организовано земским начальником. Сами крестьяне без участия интеллигенции организовали 22 общества. Не лишним при этом будет отметить, что одно общество было открыто крестьянином, вернувшимся с военной службы¹¹².

Первоначальный капитал у 28 из 49 подвергшихся анкетированию обществ был образован только из членских взносов участников кооператива. Паевой взнос составлял от 5 до 12 руб. Капитал 13 обществ состоял из членских взносов и займов у частных лиц. В 7 обществах основной капитал был образован исключительно из займов. О порядке формирования первоначального капитала в 4 обществах сведений не было. Его размер у большинства сельских обществ не был значительным. Из 49 обследованных обществ: 19 – начали свою работу при первоначальном капитале в 500 руб. и менее, 12 – с суммой от 500 до 1000 руб., 7 – с капиталом от 1000 до 2000 руб., 4 – 2000–3000 руб. Только одно общество имело первоначальный капитал в 6000 руб., размер первоначального капитала 6 обществ был неизвестен¹¹³.

Вновь возникавшие сельские потребительские кооперативы были немногочисленны. Большинство обществ насчитывало менее 70 человек, к таким относились 35 обследованных обществ, 7 состояли из 70–100 человек, лишь одно общество включало более 200 человек, данные о составе 6 обществ отсутствовали. Основную роль в составе потребительских обществ играли крестьяне «средней зажиточности», к числу таких относились 36 обществ, ядро 7 обществ составляли «богатые крестьяне», 6 – разночинцы. На момент изучения большинство обществ потребителей располагали одной торговой лавкой. Сведения, полученные от 43 обществ, указывают, что 38 из них имели по одной лавке, и только 5 обществ имели по две¹¹⁴.

С ростом численности обществ потребителей развивался процесс объединения. До начала Первой мировой войны в Пермской губернии был образован только один союз – Пермский союз потребительских обществ¹¹⁵. Инициатором объединения было Пермское городское общество потребителей, обратившееся 9 июня 1900 г. к 38 обществам Пермской губернии и 5 обществам Вятской с предложением организации совместной покупки товаров на Нижегородской ярмарке. В результате 23 июля 1900 г. в г. Перми состоялось собрание представителей от 12 ко-

оперативов. Было принято решение о возбуждении ходатайства перед Пермской губернской земской управой о созыве губернского съезда обществ потребителей¹¹⁶.

В г. Перми 18–24 июня 1901 г. состоялся съезд, в ходе которого была избрана комиссия по созданию устава союза потребителей обществ. Выработанный устав был направлен в МВД для утверждения. На этом процесс организации союза временно остановился¹¹⁷.

Повторная активизация деятельности по созданию союза произошла только в 1910 г., когда в МВД был подан новый устав, который был утвержден 16 декабря 1911 г. Деятельность союза была разрешена на территории 7 уездов Пермской губернии: Пермского, Чердынского, Соликамского, Оханского, Осинского, Красноуфимского и Кунгурского¹¹⁸.

Первое собрание уполномоченных 13 потребительских обществ, создавших союз, состоялось 23 июля 1912 г. В течение 1912 г. действия союза заключались в организационной работе. Торговые операции союза последовательно увеличивались. За первый отчетный период, с 1 августа по 1 января 1913 г., размер торговых операций был незначителен и составлял 7300 руб. 15 коп. За 1913 г. обороты союза составили 100 082 руб. 72 коп., а в 1914 г. сумма оборотов достигла 385 063 руб. 74 коп., т. е. возросла по отношению к предыдущему году более чем в 3,8 раза¹¹⁹.

Параллельно с расширением торговых операций увеличивалось количество кооперативов, входивших в союз. Как отмечено ранее, к моменту образования в союзе насчитывалось 13 обществ потребителей, к 1 января 1913 г. в него входили 18 кооперативов, к 1 января 1914 г. – 30, а к концу 1914 г. – 67¹²⁰.

Из 67 обществ, состоявших в Пермском союзе потребительских обществ на 1 января 1915 г., 44 – принадлежали к сельским, 18 – заводским и 5 – городским. Сельские потребительские общества являлись наиболее многочисленными, но в отличие от двух других видов обладали ограниченными финансовыми возможностями. Из 44 сельских потребительских обществ, состоявших в союзе, торговый оборот у 6 – не превышал 5 тыс. руб., оборот 24 определялся размерами от 5 до 10 тыс. руб., 14 обществ имели торговый оборот от 10 до 50 тыс. руб. в год (табл. 51).

По мере увеличения числа обществ торговые операции союза не только расширялись, но видоизменялись. Союз вел операции двух видов: агентурные и складские. Первые заключа-

Таблица 51

Распределение кооперативов Пермского союза потребительских обществ по размеру оборотных капиталов на 1 января 1915 г.

Вид общества	Размер оборотного капитала, тыс. руб.					Всего
	До 5	5–10	10–50	50–100	100–500	
Сельские	6	24	14	–	–	44
Заводские	–	1	4	6	4	18
Городские	–	1	1	–	3	5
Итого	6	26	22	6	7	67

Составлено по: Пермский союз потребительных обществ. Отчет за 1914 операционный год. Пермь, 1915. С. 1.

лись в поиске наиболее выгодных поставщиков для обществ, а вторые – в непосредственной заготовке товаров на склад союза, располагавшийся в г. Перми. Первоначальный ассортимент товаров, имевшихся на складе, был представлен несколькими видами, а к концу 1914 г. существовали товары 500 наименований. Склад имел несколько отделов: табачный, где хранились махорка, папиросы, папиросные гильзы и табак трех сортов; лабазный – с крупами, сахаром, маслом, мылом, керосином, свечами; рыбный – с астраханской и амурской рыбой, заграничной сельдью; колониальный, где складировались изюм, урюк, перец, орехи, чай. В конце 1914 г. был оборудован склад кондитерских изделий¹²¹.

Подводя итоги, можно отметить, что возникающая на селе в конце XIX в. сельскохозяйственная и потребительская кооперация стала массовым явлением к началу XX в. Сельскохозяйственные общества находились в сфере влияния агрономической службы ГУЗиЗ и земства, получая субсидии на развитие. Таким образом, сельскохозяйственная кооперация была связующим звеном между населением и специалистами агрономических служб, а значительный количественный прирост сельскохозяйственных обществ в Пермской губернии был связан с наличием разветвленной системы земской агрономии. Основные функции данных учреждений были связаны с распространением и внедрением передовых сельскохозяйственных технологий. Непосредственное производство сельскохозяйственной продукции сохранялось и концентрировалось в рамках крестьянской парцеллы, естественной и привычной самоорганизующейся системы. Произ-

водственные объединения крестьянских хозяйств не были долговременными, а цель их создания находилась в непосредственной связи с удовлетворением потребностей отдельно взятой крестьянской семьи. Для каждого участника кооператива объединение представлялось не обязательным требованием, а лишь возможностью удобного взаимодействия. Артели и товарищества появлялись как ответная реакция на внешние вызовы, обусловленные втягиванием крестьянского хозяйства в систему рынка.

Развитие потребительской кооперации в Пермской губернии имело самобытные черты, что связано с промышленным характером экономики губернии. Возникновение и первоначальное развитие потребительских кооперативов происходили в горнозаводских центрах с последующим распространением на сельскую периферию. К началу Первой мировой войны потребительская кооперация представляла значительную экономическую силу и заметное общественное явление, перейдя от создания первичной кооперативной сети к стадии образования кооперативных союзов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на промышленный статус исследуемой территории, аграрный сектор занимал значительную долю в экономике Пермской губернии. По данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., крестьянство составляло 95,2% всего населения губернии. Основным источником доходов 70,5% жителей края являлось сельскохозяйственное производство. Поэтому крестьянское парцеллярное хозяйство оказывало заметное влияние на социально-экономический облик исследуемой территории.

Главная производственная единица сельскохозяйственного производства – крестьянское хозяйство – в течение исследуемого периода характеризовалось относительной стабильностью половозрастного состава – как во временном, так и в территориальном отношении, представляя собой органичную структуру производителей и потребителей. Целостность и единство социальной структуры сельского общества во многом определялись общими условиями быта крестьянских семей. Развитие рыночных отношений в деревне вносило коррективы в хозяйственную, а следовательно, семейную жизнь. Величина семьи влияла на ее статус и экономическое состояние. С точки зрения социального значения крестьянская семья являлась традиционным типом семейной организации, в которой формальным главой семьи считался отец. Однако мужчина, не вступавший в брак и оставшийся при родительском доме, не был равноправным членом сельского общества. Примечательно также и то, что нормы обычного права, регулировавшие хозяйственную и семейную сферы, не давали крестьянам альтернативы, их несоблюдение ставило земледельца вне сельского общества.

Крестьянская семья представляла собой прежде всего хозяйственную единицу – двор, поэтому важным аспектом для ее характеристики является рассмотрение организации семейного труда. Каждый член крестьянской семьи имел круг обязанностей по дому и хозяйству, и, что важно для исследуемой темы, их

перечень обычно был постоянным для всех сельских жителей. Вместе с тем скрепленный традициями и религиозными воззрениями быт семьи пермского крестьянства эволюционировал крайне медленно, а его новые черты складывались подспудно и постепенно.

Основные структурные модификации были связаны с изменением доли грамотного крестьянского населения. Уровень грамотности, отражавший культурную трансформацию, не был непосредственно связан со степенью хозяйственной состоятельности, но служил индикатором степени социально-экономического развития территории, отражал экономические возможности хозяйства. Укрепление капиталистических отношений, несомненно, требовало повышения уровня грамотности среди крестьян, выступавших в качестве субъектов на рынке товарной продукции. Просвещение являлось социальной областью взаимодействия, которая сочетала в себе крестьянские потребности и направления правительственной и земской деятельности. Благодаря этому процесс повышения грамотности крестьянского населения Пермской губернии достиг известных успехов. Все это было залогом качественных изменений социального облика крестьян, формирования в их среде новых стереотипов и представлений, что создавало необходимые условия для хозяйственного развития.

Численность населения крестьянских домохозяйств губернии последовательно возрастала и характеризовалась типом воспроизводства, присущего традиционному аграрному социуму. Число дворов за период 1877–1916 гг. увеличилось на 74%, а количество населения, входившего в их состав, – на 50%. Средняя численность крестьянского хозяйства сократилась с 5,7 до 4,9 человека, что свидетельствует о переходе к современной нуклеарной модели семьи. Положительная динамика крестьянского населения губернии обуславливалась высоким естественным приростом населения, что соответствовало общероссийским тенденциям.

Анализ позволяет сделать вывод, что демографические процессы и экономическая деятельность крестьянского двора были взаимообусловленными: сельскохозяйственное производство выступало одновременно и фактором воспроизводства человеческой жизни. Сельскохозяйственная деятельность давала семье, по крайней мере, основные средства существования, а она посредством труда своих членов развивала произ-

водство, обеспечивала преемственность крестьянских поколений, брала на себя заботы об их воспитании и начальной профессионализации.

Господствующее положение в структуре земельной собственности Пермской губернии занимало государственное, посессионное и частное землевладение. Эти земельные ресурсы фактически не использовались для сельскохозяйственного производства, являясь сырьевой базой горнозаводской промышленности.

Сельскохозяйственное производство велось на землях, находившихся во владении и пользовании крестьян. По данным земельной переписи 1887 г., в пользовании крестьянских хозяйств находилось 93% пашни, 71% сенокосов и пастбищ. Общая площадь территорий, используемых крестьянством, составляла немногим более 1/4 всего земельного фонда губернии. В то же время доля посевов на крестьянских землях в 1881 г. составляла 91,6%, а по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. – 99,5%.

Основной формой крестьянского землепользования в Пермской губернии оставалась передельная общинная система. В данном случае сельская община, управлявшая земельными ресурсами, определяла не только общественный быт, но и семейные отношения. Главным механизмом регулирования был трудовой принцип распределения земли. Однако под воздействием рыночных отношений и государственного реформирования прерогатива управления земельными ресурсами переходила в сферу ответственности отдельного крестьянского двора.

Общинное землевладение подвергалось постепенным изменениям, приводившим к улучшению системы использования сельскохозяйственных угодий, но в целом оставалось крайне неупорядоченным и архаичным. В развитии системы землевладения и землепользования исследуемой территории можно выделить два основных периода.

Первый охватывает 1881–1906 гг., связан с отменой временнообязанного состояния в 1881 г.; он длился до начала землеустроительных мероприятий в 1907 г. в рамках столыпинской аграрной реформы. Данный период характеризуется расширением наделного земельного фонда под давлением растущего населения, вовлечением в хозяйственный оборот территорий, находившихся в собственности государства.

Второй период (1907–1914 гг.) – время активной фазы землеустройства. Его окончание связано с началом Первой мировой войны в 1914 г. С началом военных действий объем землеустроительных работ неуклонно снижался, а появление новых выделов было связано с завершением довоенного межевого делопроизводства. Землеустроительный процесс в Пермской губернии имел затяжной характер. Основу его составляло междуселенное и междуобщинное обустройство. Активизация межевых работ отмечается с началом землеустройства в рамках столыпинской аграрной реформы. Участковое землепользование, возникшее в результате преобразований, имело более правильную организацию, однако единолично устроенных хозяйств было ничтожно мало. Всего за 1907–1914 гг. в Пермской губернии окончательно укрепили в качестве отрубного или хуторского земельного участка 1,5% крестьянских домохозяйств на площади, составившей 2,0% от наделного земельного фонда. Не оказав существенного влияния на формирование единоличного крестьянского землевладения, землеустроительные мероприятия тем не менее способствовали рационализации коллективного землепользования, установлению четких межевых границ между отдельными обществами, а также с землями частных землевладельцев и государства.

Система земледелия имела преимущественно экстенсивное развитие, соответствовала общинной форме землевладения. Освоение новых пространств, выражавшееся в расширении посевных площадей, которые увеличились на 45%, соседствовало с сохранением традиционных технологий. Чересполосная система общинного землепользования и нерациональная система сельской поселенческой сети, характеризовавшаяся относительной многолюдностью населенных пунктов со значительной удаленностью друг от друга, затрудняли использование отдаленных полевых участков, увеличивая нагрузку на близлежащие полевые угодья. Эффективность эксплуатации пашни была прямо пропорциональна ее близости к усадебному участку.

Сохранение традиционных способов эксплуатации земли при возрастающем демографическом давлении вело к дисбалансу в использовании природных угодий. Производство продовольствия в большинстве крестьянских хозяйств в данных условиях находилось на уровне самообеспечения. Размеры и структура потребления отдельного крестьянского двора зависели от экономической состоятельности хозяйства, определяемой составом

семьи и ценностью капитала, которым обладало хозяйство, находившей выражение в размерах посевной площади и численности рабочего скота. Количество и качество потребляемых семьями продуктов были тем выше, чем лучше она была обеспечена трудовыми ресурсами. При существовавших технологических возможностях физический труд членов семьи являлся определяющим фактором производства.

Применение традиционных приемов агротехники в совокупности с растущим давлением на экосистему приводило к истощению почв, а это в комплексе с природными аномалиями вело к периодическим сильным неурожаям, которые, как правило, сопровождались голодовками. Ответной реакцией на возникшие вызовы становился изменения в структуре посевных площадей, являвшейся в крестьянских руках чувствительным инструментом системы земледелия, гибко реагировавшей на изменения как погодно-климатических, природных, так и социально-экономических условий. С середины 1890-х гг. фиксируются улучшения в соотношении пропорций сельскохозяйственных культур, в частности расширились посевы картофеля – ценной продовольственной культуры. Кроме того, во многом благодаря земской агрономии внедряются посевы кормовых трав, усовершенствованные орудия труда, но в целом уровень технической оснащенности крестьянского хозяйства Пермской губернии даже по российским меркам остается низким. Под воздействием рыночной конъюнктуры постепенно оттесняется на второй план культура ржи как менее ценная, на смену ей вводятся посевы пшеницы. Стабильно высокую долю в структуре посевных площадей занимал овес, обеспечивавший потребности хозяйства в фураже. Производство зерновых занимало главенствующее положение в сельском хозяйстве губернии.

Животноводство, заключавшее в себе возможности высокопродуктивного и интенсивного производства, не получало должного развития, оставаясь второстепенной отраслью хозяйства. Крестьянский скот, будучи эквивалентом благосостояния, выполнял функции резерва, гужевого транспорта, служил ценным источником высококалорийной белковой пищи. В системе производства главенствовали архаичные методы, связанные с численным увеличением стада. Примеры интенсивного развития, связанные с породистым молочным скотоводством, имели локальный характер и не получили массового распространения.

Процессу товаризации крестьянского животноводства препятствовало отсутствие налаженной системы переработки и сбыта. Начавшееся проникновение новой технологии по переработке молока – сепарирования – способствовало улучшению товарных качеств продукции, но существовавшая транспортная инфраструктура, базировавшаяся на гужевых перевозках, не обеспечивала доступ к удаленным рынкам сбыта. Появление железнодорожного транспорта, казалось бы, открывавшего новые возможности, было подчинено целям промышленного производства. Сельское хозяйство, представленное крестьянским двором с его малыми и рассеянными финансовыми ресурсами, оставалось периферийной сферой экономики региона.

В отличие от животноводства производство зерновых не требовало высокотехнологичной переработки и сложной специализированной системы хранения, было доступно каждой крестьянской семье, поэтому хлеб оставался основной товарной продукцией, которую мог предложить крестьянский двор. Моноспециализация крестьянского хозяйства на зерновом производстве обуславливала предельную степень зависимости от колебаний погодных условий и конъюнктуры рынка. Крестьянский двор попадал в патовую ситуацию, будучи заложником собственной системы хозяйствования, природы и развивавшихся рыночных отношений. Болезни экстенсивного роста в сфере производства, характерные для первой фазы аграрного перехода, самым негативным образом отзывались на крестьянстве в целом, проявляя себя в форме вспышек голода в годы сильных неурожаев и падения цен на зерно в годы хороших урожаев, ослаблявших физические и финансовые ресурсы хозяйства, препятствуя развитию.

Кооперация мелких сельскохозяйственных производителей, появившись на этапе перехода общества к индустриальной цивилизации, обладала двойственной сущностью, сочетала традиционные и современные черты. Сохранение традиционных начал коллективизма с присущими им формами собственности, опиравшимися на нормы обычного права, сочеталось с развитием индивидуализма, отражавшего движение в сторону рыночной трансформации, свидетельствуя о вступлении в эпоху аграрного перехода.

Первенство среди кооперативных движений принадлежало кредитной кооперации, предоставившей возможность активного включения крестьянского двора в товарно-денежные отноше-

ния. Необходимость в кредитовании сельского хозяйства имела естественные причины, связанные с сезонным характером производства. Кредит позволял, при отсутствии наличных средств, приобрести необходимый посевной материал в период весеннего сева и отсрочить продажу урожая осенью, когда цены на сельскохозяйственную продукцию достигали предельного минимума, а при отсутствии нужного инвентаря – получить его в долг на приемлемых условиях.

На протяжении существования система кредитной кооперации прошла ряд стадий, общим направлением ее было увеличение доступности кредита с параллельной консолидацией финансовых ресурсов. До конца XIX в. единственной формой кредитного кооператива было ссудо-сберегательное товарищество, основанное на паевом принципе формирования капитала. Следующая ступень в развитии мелкого кооперативного кредита связана с появлением кредитных товариществ, опиравшихся на финансовую поддержку государства и земства. Дальнейшим шагом развития кредитной кооперации стало формирование союзных объединений кооперативов. Несмотря на сложности развития, сопряженные с преодолением консервативных экономических представлений крестьянства, несовершенства законодательства, сложности взаимоотношений с властными структурами, кредитные кооперативы имели значительный экономический успех.

Возникшие в конце XIX в. сельскохозяйственный и потребительский виды кооперации занимали второстепенное положение. Сельскохозяйственные кооперативы, находившиеся в сфере влияния агрономических служб правительства и земства, стали своеобразным связующим звеном между специалистами и населением, играя роль ретрансляторов новых культурных ценностей и технологий. Непосредственное производство сельскохозяйственной продукции, как и прежде, концентрировалось в рамках крестьянской парцеллы, естественной и привычной самоорганизующейся системы. Производственные объединения крестьянских хозяйств не были долговременными, а цель их создания находилась в непосредственной связи с удовлетворением потребностей отдельно взятой крестьянской семьи. Для каждого участника кооператива объединение представлялось не обязательным требованием, а лишь возможностью удобного взаимодействия.

Развитие потребительской кооперации в Пермской губернии имело частные особенности, что связано с промышленным характером экономики губернии. Возникновение и первоначальное развитие потребительских кооперативов происходили в горнозаводских центрах с последующим распространением на сельскую периферию. К началу Первой мировой войны потребительская кооперация представляла собой значительную экономическую силу и заметное общественное явление, перейдя от создания первичной кооперативной сети к стадии образования кооперативных союзов.

Объединение крестьянских хозяйств в кооперативном движении, основанном на личном выборе хозяйствующих субъектов, концентрировало финансовые и производственные ресурсы, позволяло встраивать отсталый аграрный сектор в мир капиталистической экономики. Кооперация, вовлекая в свою орбиту крестьянские хозяйства, постепенно разрушала их натуральную замкнутость, втягивала в рыночные отношения, прививала элементы новой экономической культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Медушевский А.Н. Стратегии решения аграрного вопроса в России // Отечественные записки, 2004. № 1. С. 32–33; Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 9–10.

² См.: Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник, 2008. № 2 (19). С. 5.

³ Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893; Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. Статьи 1882–1886 гг. СПб., 1911; Он же. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882; Он же. К истории общины в России (материалы по истории общинного землевладения). М., 1902; Он же (В.В.) Очерки экономического строя России. СПб., 1906; Он же (В.В.) Судьба капиталистической России. СПб., 1907; Чупров А.И. Речи и статьи. Т. 2. Аграрный вопрос. М., 1909; Он же. Мелкое земледелие и его основные нужды. М., 1913; Он же. Аграрная реформа и ее вероятное влияние на сельскохозяйственное производство. М., 1906; Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Саратов, 1911; Он же. Индивидуализация землевладения в России и ее последствия. М., 1914; Качоровский К. Народное право. М., 1906; Он же. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? М., 1906; и др.

⁴ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994; Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; Зверев В.В. Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997; Он же. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; Васильев В.В. Аграрные отношения в России конца XIX – начала XX века в публицистике либеральных народников (А.И. Чупров и Н.П. Огановский): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000; Мокшин Г.Н. Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории, 2003. № 9. С. 57–73; и др.

⁵ Макаров Н. Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917; Макаров Н.П. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918; Он же. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920; Челинцев А.Н. Теоретические основания крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; Он же. Есть ли рента в крестьянском хозяйстве? М., 1918; Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 1–2. М., 1912–1913; Он же. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989; Он же. Избранные труды. М., 1991. См., также: Кабанов В.В. Школа А.В. Чаянова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР, 1990. № 6. С. 86–99; и др.

⁶ Горемыкин М.И. Аграрный вопрос. Некоторые данные к обсуждению его в Государственной думе. СПб., 1907; Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906; Он же. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909; Пестржецкий Д. Опыт аграрной программы. СПб., 1906; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Он же. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908; Он же. Община. Переселение. Статистика. М., 1915; Он же. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918; Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России. СПб., 1911; Книпович Б.Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. СПб., 1912; Лосяцкий А.Е. Распадение общины. СПб., 1912; Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. СПб., 1908; Т. 2. СПб., 1913; Он же. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912; Чернышев И.В. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г.: К вопросу об общине. СПб., 1911; Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912; Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910; и др.

⁷ Например, было опубликовано 75 только разных бюджетных исследований (до 1917 г.). См.: Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1991. С. 50–99; подробный анализ народнической литературы также: Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв. М., 1999; и др.

⁸ Столыпин П.А. «Нам нужна Великая Россия...»: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906–1911. М., 1991; Кофод А. Хуторское расселение. СПб., 1907; Он же. Русское землеустройство. СПб., 1913; Кофод К.А. 50 лет в России (1878–1920). М., 1997; Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903; Он же. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904; и др. Историографические обзоры: Теляк Л.В. Столыпинская аграрная реформа: Историография (1906–1917 гг.). Самара, 1995; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

⁹ Туган-Барановский М.И. Земельная реформа. Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905; Озеров И.Х. Земельный вопрос в России. М., 1906.

¹⁰ Щербатов А.Г. Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем. М., 1910; Салтыков А.А. Голодная смерть под фирмой дополнительного надела. К критике аграрного вопроса. СПб., 1906; Пасхалов К.Н. Землеустроительное разорение России. М., 1909; Шаратов С.Ф. Земля и воля... без денег. М., 1907; и др.

¹¹ См.: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 116–129.

¹² Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 41, 46.

¹³ См., напр.: Баршев Ю. Крестьянское малоземелье и способы борьбы с ним. М., 1906; Герцеништейн М.Я. Аграрный вопрос. Национализация земли. Крестьянский банк. Выкупная операция. М., 1906; Кауфман А.А. Земля и культура: К вопросу о земельной реформе. М., 1906; Поленов А.В. Объяснение к программе «Союза 17-го октября» по крестьянскому и земельному вопросу. М., 1907; и др.; (см. также: Шевцов А.В. Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века. Библиографический указатель. СПб., 2002.)

¹⁴ См.: *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894; *Туган-Барановский М.* Национализация земли. Очерк движения в пользу национализации земли и практические выводы. СПб., 1906; *Булгаков С.Н.* Капитализм и земледелие: В 2 т. СПб., 1900; *Он же.* Аграрный вопрос. М., 1907; и др.

¹⁵ *Маслов П.* Аграрный вопрос в России (Условия развития крестьянского хозяйства в России). Т. 1. СПб., 1906; *Он же.* К аграрному вопросу. Сборник статей. М., 1906; *Он же.* Аграрный вопрос в России. Т. 1. М., 1917; *Ильин В.* Развитие капитализма в России. СПб., 1899; *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М., 1986.

¹⁶ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России... С. 8–9.

¹⁷ *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1919; *Челинцев А.Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; *Макаров Н.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920; *Суханов Н.Н.* К вопросу об эволюции сельского хозяйства. Социальные отношения в крестьянском хозяйстве России. М., 1924; *Огановский Н.П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке. М., 1924; *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; *Литовченко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001; *Билимович А.Д.* Кооперация России до, во время и после большевиков. М., 2005; см. также: *Роголина Н.Л.* Русский экономический либерализм 10–30-х годов XX в.: история и современность // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 406–415; *Подоль Р.Я.* Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века. М., 2008; и др.

¹⁸ *Шестаков А.В.* Капитализация сельского хозяйства России (от реформ 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1921; *Першин П.Н.* Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920 гг.). М., 1922; и др.

¹⁹ *Дубровский С.М.* Мелкобуржуазные теории аграрной эволюции // Большевик, 1924. № 3–4. С. 86–97; *Он же.* Об одной из разновидностей ревизионизма (О теории декапитализации сельского хозяйства, развиваемой Н.Н. Сухановым) // На аграрном фронте, 1925. № 3. С. 19–32; *Мирсон Г.* Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства в России на заре товарного хозяйства (методологический очерк) // На аграрном фронте, 1925. № 3. С. 33–52; *Мадьяр Л.* Аграрный вопрос в программе Коминтерна // На аграрном фронте, 1928. № 9. С. 20–33; *Верменичев И.* Об одной вылазке новонародника // На аграрном фронте, 1928. № 10. С. 19–38; и др.

²⁰ См.: Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Т. 1. М., 1930.; *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов) // Исторические записки. Т. 78. М., 1965. С. 31–62; *Он же.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (конец 1930-х – первая половина 1950-х гг.) // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 196–221.

²¹ *Дубровский С.М.* Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. М., 1930; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. М., 1948; *Карнаухова Е.С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951.

²² *Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 162.

²³ *Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя С. 119–162; *Он же.* В.И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX в. // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 64–85; *Он же.* О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР, 1963. № 2. С. 141–160; *Он же.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; *Он же.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969; см. также: *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России (конец XIX – начало XX века). М., 1971; и др.

²⁴ *Гефтер М.Я.* Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 83; см. также: *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964; *Он же.* Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М., 1990; *Константин Николаевич Тарновский.* Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования. СПб., 2002; Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова. Екатеринбург, 2004; *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; критику «нового направления» см.: *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988; *Гаврилов Д.В.* «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005; и др.

²⁵ *Дубровский С.М.* К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма (две социальные войны) // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 5–44; *Он же.* Столыпинская земельная реформа (Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века). М., 1963; *Он же.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1. М., 1967; *Рыдзюнский П.Г.* О мелкобуржуазном укладе в России XIX века // История СССР, 1961. № 2. С. 48–69; *Он же.* Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг. М., 1978; см. также: *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966; *Сидельников С.М.* Столыпинская аграрная реформа. М., 1973; и др.

²⁶ *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.

²⁷ *Ковальченко И.Д.* Об изучении мелкобуржуазного уклада в России XIX в. // История СССР, 1962. № 2. С. 74–93; *Он же.* О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР, 1983. № 5. С. 50–81; и др.

²⁸ Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследо-

вания. М., 1987; *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (источники и методы исследования). М., 1988; *Бородин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; см. также: *Гарскова И.М.* Квантитативная история и историческая информатика: эволюция взаимодействия // Новая и новейшая история, 2011. № 1. С. 77–92.

²⁹ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881–1904. М., 1980; *Он же.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984.

³⁰ *Рыдзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. (по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России). М., 1974; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978; *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978; *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.

³¹ *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967; *Он же.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; *Зверев В.А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (Проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск, 1988; *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. Ростов-на-Дону, 1989; *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; *Будаев Д.И.* Смоленская деревня в конце XIX – начале XX веков: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972; *Розов Е.К., Виноградов В.А.* Сельское хозяйство Тверской и Новгородской губерний во второй половине XIX – начале XX в. Калинин, 1974; *Пронин В.И.* Помещичье и крестьянское хозяйство Калужской губернии в конце XIX века. М., 1969; *Розов Е.К.* Крестьяне и крестьянское хозяйство Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Вологда, 1989; и др.

³² *Волобуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987; *Анфимов А.М.* Тень Столыпина над Россией // История СССР, 1991. № 4. С. 112–121; *Он же.* Неоконченные споры // Вопросы истории, 1997. № 5. С. 49–72; № 6. С. 41–67; № 7. С. 81–99; № 9. С. 82–113; *Он же.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; *Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР, 1991. № 2. С. 52–72; *Он же.* Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 246–263; *Он же.* Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика). М., 2004; *Он же.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. М., 2004; см. также: *Литвак Б.Г.* Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002.

³³ *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991; *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992; Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1–2. Вологда, 1992; Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993; и др.

³⁴ *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989; *Он же.* Типология семейного хозяйствования в крестьянноведении (90-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М., 1999. С. 5–25.

³⁵ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996; *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

³⁶ *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории, 1992. № 4–5; *Он же.* Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

³⁷ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история, 1992. № 5. С. 3–31; 1993. № 2. С. 3–28; 1993. № 6. С. 79–110; 1994. № 2. С. 31–59; 1994. № 4–5. С. 46–78; 1994. № 6. С. 3–32; 1995. № 4. С. 3–33; 1995. № 6. С. 143–177; 1996. № 4. С. 129–154; 1997. № 2. С. 139–160; 1998. № 6. С. 94–132; 1998. № 1. С. 118–139; и др.

³⁸ См., напр.: Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования: XXXII сессия Симп. по аграрной истории Восточной Европы. М., 2010; Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Матер. III Всерос. (XI Межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Ижевск, 2010; Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная Россия: Сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2011.

³⁹ *Данилов В.П.* Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 310–321; *Он же.* Крестьянская революция в России 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Матер. конф. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23; *Шанин Т.* Революция как момент истины 1905–1907 – 1917–1922 гг. М., 1997.

⁴⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Изд. 3-е. Т. 1. СПб., 2003.

⁴¹ *Миронов Б.Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник, 2008. № 3 (20). С. 83–95; *Он же.* Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история, 2009. № 2. С. 137–155; *Он же.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М., 2010; *Он же.* Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории, 2011. № 4. С. 122–140; и др.

⁴² *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003; *Он же.* К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история, 2009. № 2. С. 168–176; *Он же.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010; *Он же.* Осторожное со статистикой // Вопросы истории, 2011. № 3. С. 129–138; и др.

⁴³ *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX в. Екатеринбург, 2005. С. 242–386; *Он же.* Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов // Уральский исторический вестник, 2008. № 3 (20). С. 96–107; *Он же.* О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX в. // Российская история, 2009. № 2. С. 155–162; *Он же.* Уровень жизни населения в до-революционной России // Вопросы истории, 2011. № 5. С. 127–136; и др.

⁴⁴ *Островский А.В.* О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопросы истории, 2010. № 10. С. 119–140; *Он же.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории, 2011. № 6. С. 129–144.

⁴⁵ *Роднов М.И.* Осторожно статистика! // Вопросы истории, 2008. № 8. С. 172–175; *Он же.* Третья Россия (о крестьянстве и не только) // Российская история, 2009. № 2. С. 163–168; и др.

⁴⁶ *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994; *Разумов Л.В.* Расслоение крестьянства Центрально-Промышленного района в конце XIX – начале XX века. Опыт количественного анализа по данным земской статистики. М., 1996; *Бурдина О.Н.* Крестьяне-дарственники в России, 1861–1907 гг. М., 1996; *Проскуракова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002; *Ковалев Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004; *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004; *Каримов А.Э.* Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX в. М., 2007; *Могилевский К.И.* Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008; *Козлов С.А.* Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период (По материалам экономической печати). М., 2008; Долг и судьба историка: Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М., 2008; *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009; *Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.): историческая литература. М., 2011; и др.

⁴⁷ *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997; *Островский А.В.* Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861–1914 гг. СПб., 1998.

⁴⁸ *Вронский О.Г.* Крестьянство и власть (1900–1923). Тула, 1993; *Он же.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; *Он же.* Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999; *Он же.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000; *Ефременко А.В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002; *Александров Н.М.* Проблемы аграрной истории России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 2003; *Он же.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. Ярославль, 2007; *Невская Т.А.* Столыпинская реформа на Северном Кавказе. СПб., 1997; История крестьянства Западного региона России (1861–1917). Калуга, 2004; *Никулин В.Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград, 2005; Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2010; *Никулин П.Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века. Томск, 2009; *Дорофеев М.В.* Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Новокузнецк, 2007; *Кругов А.И.* Крестьянское хозяйство России в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Ставрополя, Кубани, Дона). Ставрополь, 2008; *Хорув Ю.В.* Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (1890–1917 гг.) (на примере Терской области). Владикавказ, 2008; и др.

⁴⁹ Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002; *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002; *Он же.* Крестьянский самосуд: Правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007; Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.). Вып. 3. Тамбов, 2000; Вып. 4. Тамбов, 2002; *Марискин О.И.* Государство тягло: Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004; *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004; *Он же.* История сельской повседневности. Тамбов, 2008; *Есиков С.А.* Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861–1905 гг.): Историко-правовое исследование. СПб., 2007; *Есиков С.А., Есикова М.М.* Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX века (1880-е – 1917 гг.). СПб., 2008; и др.

⁵⁰ *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1999; *Устина Н.А.* Крестьянский поземельный банк в Среднем Поволжье (1885–1917 гг.). Самара, 2003; *Еферица Т.В.* Социальные проблемы крестьянства и модели социальной поддержки населения (вторая половина XIX – конец XX в.). Саранск, 2003; *Ахметов А.А.* Аграрно-крестьянские отношения и социально-политическое развитие Симбирско-Ульяновского Заволжья в XVII–XX веках. Ульяновск, 2004; *Сухова О.А.* «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007; *Она же.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) (по материалам Среднего Поволжья). М., 2008; *Кабытов П.С.* П.А. Столыпин. Последний реформатор Российской империи. М., 2007; и др.

⁵¹ *Ушаков Н.М.* Концептуальные проблемы аграрных отношений пореформенной России в современной историографии. Астрахань, 1999; *Он же.* Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии. Астрахань, 1999; и др.

⁵² *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). М., 2003.

⁵³ *Мацузато К.* Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история, 1992. № 6. С. 194–200; *Он же.* Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 гг. // Отечественная история, 1995. № 3. С. 185–197.

⁵⁴ *Мэйси Д.* Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории, 1993. № 4. С. 185–197; *Он же.* Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская. XIX – начало XX в. М., 2004. С. 251–283.

⁵⁵ *Коцонис Я.* Как делали крестьян отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006.

⁵⁶ *Красноперов Е.И.* Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем Александром II. Историко-статистический очерк. Пермь, 1887.

⁵⁷ *Грибель В.В.* Поземельная собственность в Пермской губернии // Календарь Пермской губернии на 1887 г. Пермь, 1886. Отд. 2. С. 41–96.

⁵⁸ *Голубев П.А.* Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904.

⁵⁹ *Удинцев В.* Очерки по истории землевладения в Пермской губернии // Екатеринбургская неделя, 1890. 6 мая. С. 349–350; *Егунов А.* Крестьянские хозяйства Пермской губернии // Сельское хозяйство и лесоводство, 1896. Т. 182, № 7. С. 567–607; № 8. С. 783–818; № 9. С. 1–90.

⁶⁰ *Кукаретин М.В.* Ко дню пятидесятилетия Великой реформы в Пермской губернии: 19 февраля 1861 – 19 февраля 1911 г. Краткий очерк деятельности крестьянских учреждений. Пермь, 1911.

⁶¹ *Першин П.Н.* Община и хутора Красноуфимского уезда Пермской губернии. Опыт исследования форм крестьянского землевладения и внутреннего строя мелкого участкового хозяйства. Пг., 1918.

⁶² *Бобылев Д.М.* Потребительные общества в Пермской губернии. Пермь, 1905; *Он же.* Мелкий кредит в Пермской губернии. Пермь, 1909; *Валаев А.* Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1903. № 1. Отд. 3. С. 80–170; *Кочергин И.Н.* Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, как он возник, и в чем выразилась его деятельность за первые четыре года. Екатеринбург, 1911; *Панин И.* Кредитная кооперация Зауралья (Пермского). Екатеринбург, 1917; *Он же.* Настоящее для будущего. Екатеринбург, 1916; *Мавричев В.В.* Кредитные товарищества Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1910 г. Екатеринбург, 1911; *Белдыцкий Н.П.* Производительные артели в Пермской губернии. Архангельск, 1913; и др.

⁶³ *Савич А.А.* Прошлое Урала (Исторические очерки). Пермь, 1925; *Он же.* Очерки крестьянских волнений на Урале в XVIII–XX вв. М., 1931.

⁶⁴ *Черныш М.И.* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959; *Он же.* Эволюция землевладения в Пермской губернии в период с 1861 по 1905 г. // Из истории края. Пермь, 1964. С. 116–134; *Он же.* Неурожаи 1890–1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (по материалам Пермской губернии) // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. № 227. С. 224–246; *Он же.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Урала в пореформенный период // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 181–190; *Он же.* Пермское крестьянство в капиталистический период (1861–1907 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Пермь, 1974; *Он же.* О крестьянском хозяйстве Пермской губернии // На Западном Урале. Пермь, 1974. Вып. 6. С. 103–109; и др.

⁶⁵ *Вакатова Л.П.* Некоторые данные о проведении столыпинской аграрной реформы в Пермской губернии // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 135–139; *Она же.* Социально-экономические итоги столыпинской аграрной политики в Пермской губернии // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965. С. 84–100; *Она же.* Крестьянское движение в Пермской губернии в годы столыпинской аграрной политики (1908–1914) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 305–309; *Она же.* «Дела» землеустроительных комиссий Пермской губернии по ходатайствам крестьян о переселении // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 156–161.

⁶⁶ *Быстрых Ф.П.* Земледелие и развитие капитализма в сельском хозяйстве Урала накануне революции 1905 г. // Вопросы истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 265–277; *Легошин Л.И.* Особенности классового расслоения крестьянства в начале XX в. // Вопросы истории Урала: Матер. 2-й науч. сессии вузов уральской зоны в г. Перми 20–22 апреля 1965 г. Пермь, 1966. С. 237–241; *Лисовский Н.К.* 1917 год на Урале. Челябинск, 1967. С. 41–54; *Хитров П.И.* К истории крестьянства и земледелия на Урале в период империализма // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 278–287; *Он же.* Земледелие Пермской губернии периода империализма // На Западном Урале. Вып. 6. Пермь, 1974. С. 110–116.

⁶⁷ *Усманов Х.Ф.* Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958; *Он же.* Крестьянское хозяйство Башкирии во второй половине XIX – начале XX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 113–159; *Он же.* Продажа и аренда башкирских земель в пореформенный период // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975. С. 107–123; *Он же.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период 60–90-е гг. XIX в. М., 1981; и др.

⁶⁸ *Луковников Н.Г.* Столыпинская аграрная реформа в Удмуртии // Уч. зап. Удмурт. НИИ истории, языка, литературы и фольклора при Сов. Мин. Удмурт. АССР. Ижевск, 1954. Вып. 16. С. 83–122.

⁶⁹ *Прусс В.В.* Сельское хозяйство Шадринского уезда во второй половине XIX–XX вв. // Уч. зап. Кург. гос. пед. ин-та. Курган, 1962. Вып. 4. С. 101–126; *Он же.* О специфических формах и степени расслоения крестьянства Южного Зауралья // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 204–210.

⁷⁰ *Селивановская Л.А.* Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX – начале XX в. // Уч. зап. Оренбург. гос. пед. ин-та. Оренбург, 1958. Вып. 13. С. 41–89; *Она же.* Классовое расслоение Оренбургской деревни накануне Октября // Уч. зап. Оренбург. гос. пед. ин-та. Общественные науки. Оренбург, 1969. Вып. 32. С. 101–119; *Булатова Н.И.* Роль крестьянского поземельного банка в проведении столыпинской аграрной реформы на Южном Урале (по материалам Оренбургской губернии) // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 99–106; *Она же.* Классовое расслоение Оренбургского крестьянства накануне Октября // Трудящиеся Поволжья в борьбе за власть Советов: Межвуз. сб. Куйбышев, 1981. С. 16–26; *Футорянский Л.И.* Казачество в революции 1905–1907 гг. // Уч. зап. Оренбург. гос. пед. ин-та. Оренбург, 1969. Общественные науки. Вып. 32. С. 84–100; *Он же.* Землевладение и землепользование в Оренбургском казачьем войске в конце XIX – начале XX в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье: Межвуз. сб. Уфа, 1988. С. 61–67.

⁷¹ См.: Научная сессия по проблемам многоукладности Российской экономики в период империализма. Тез. сообщ. Свердловск, 1969; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности: Сб. ст. Свердловск, 1972; *Гаврилов Д.В.* Указ. соч.

⁷² История Урала в период капитализма. М., 1990.

⁷³ *Шадурский В.И.* Народный опыт земледелия Зауралья в XVII – начале XX века. Свердловск, 1991; *Половинкин Н.С., Суринов В.М.* Пахари и сохолоды Урала и Зауралья. Конец XIX – начало XX в. Тюмень, 1995; *Миненко Н.А., Побережников И.В.* Исторический опыт аграрного освоения Урала

(конец XIII – начало XX в.) // Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 6–18; Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала. Тюмень, 1995; Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996; *Миненко Н.А.* Традиции и новации в уральском земледелии XIX – начала XX в. // Агрикультура Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2002. С. 30–62; *Голикова С.В.* Земледельческий опыт освоения Северного Урала // Агрикультура Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2002. С. 9–30; *Она же.* Земские агрономы Пермской губернии как проводники сельскохозяйственных знаний // Пахари и агрономы Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2004. С. 38–56; *Чагин Г.Н.* Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. Пермь, 1998; и др.

⁷⁴ *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996; *Она же.* Аграрный курс правительства на горнозаводском Урале: общероссийская тенденция и региональная специфика (конец XIX – начало XX века) // Вестн. Челябинского ун-та. Сер. 1. История, 1999. № 1. С. 5–14; *Она же.* Политический курс и специфика аграрных преобразований на горнозаводском Урале в условиях российской модернизации (последняя треть XIX – первые десятилетия XX в.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.: Матер. Междунар. науч. конф., посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006. С. 65–69; и др.

⁷⁵ *Шустов С.Г.* Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2008.

⁷⁶ *Голикова С.В.* Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 99–110; *Она же.* Опыт изучения детской смертности врачами пореформенного Урала // Историческая демография. Москва; Сыктывкар, 2007. Вып. 1. С. 68–70; *Она же.* Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург, 2012; и др.

⁷⁷ *Еремин А.С.* Ирбитская деревня в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 1997.

⁷⁸ *Манкевич (Стэльмах) М.К.* Неурожай 1911 г. и меры помощи пострадавшему населению Пермской губернии // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: Матер. II Всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Перм. гос. ун-т, 5–9 февраля 2009 г.). Пермь, 2009. С. 53–57; *Она же.* Питание крестьян Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.). Тамбов, 2010. С. 238–249; *Она же.* Организация продовольственного дела в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории, филологии и культуры, 2010. № 2. С. 140–154; и др.

⁷⁹ *Емельянов Н.Ф., Важевина Т.Г., Тарасов Н.Л.* Курганская деревня при капитализме. Курган, 1993; *Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семенова О.Г.* Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994.

⁸⁰ *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002; *Он же.* Итоги столыпинской аграрной реформы по Уфимской губернии // Аграрная реформа П.А. Столыпина и современность. Уфа, 2002. С. 36–40; *Он же.* Заволжская «Аргентина» (из истории российского фермера начала XX в.) //

Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007. С. 278–287; *Он же.* Неземледельческая промысла в судьбах российского общинного крестьянства начала XX в. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщ. М., 2006. С. 74–75; *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008; *Роднов М.И.* Экономические связи Санкт-Петербурга и Уфимской губернии (на примере хлебной торговли в конце XIX – начале XX в.) // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX вв.: эволюция и кризисы: Сб. ст. Оренбург, 2009. С. 292–299; *Он же.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX в.). Уфа, 2012; и др.

⁸¹ *Балюк Н.А.* Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2003; *Она же.* Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.). Тюмень, 2002.

⁸² *Юшин И.Ф.* Крестьянское хозяйство Северного Приуралья в конце XIX – начале XX в. по материалам земской статистики. Методы обработки и анализа земских обследований Вятской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Соловьев А.А.* Крестьянское хозяйство Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2000; *Костина Е.Г.* Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии: 1906–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2005; *Она же.* Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии. Киров, 2010; *Чиркин С.А.* Развитие промыслов Вятской губернии в конце XIX – первой четверти XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009.

⁸³ *Смотрица О.С.* Крестьянское хозяйство Оренбургской губернии в начале XX века (1900 – октябрь 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005.

⁸⁴ *Сафронов А.А.* Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Он же.* Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург, 2011.

⁸⁵ *Плотникова Г.Н.* Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006; *Кацаева Ю.А.* Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880-х – 1914 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2007.

⁸⁶ *Корнилов Г.Е.* Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 507–515; *Он же.* Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Токио, 2005. С. 286–316; *Он же.* Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории: Докл. междунар. науч. конф. 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; Москва, 2004. С. 136–144; *Он же.* Модернизация сельского хозяйства Урала в XX веке: этапы, направления, результаты // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007. С. 150–172; *Он же.* Аграрная модернизация России... С. 4–14; и др.

⁸⁷ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989; Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994; Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 2. Устав сельского хозяйства. СПб., 1903; Свод законов Российской империи. Т. 9. Положения о сельском состоянии. Особое приложение к законам о состоянии. СПб., 1912; Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 3. Положения о землеустройстве. СПб., 1913.

⁸⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. 30. Пермская губерния. СПб., 1903.

⁸⁹ Труды совещания при Пермской губернской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г. – 7 января 1893 г.). Пермь, 1893; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 41-й очередной сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1911; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 42-й очередной сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1912; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 43-й очередной сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1912; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 44-й очередной сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1913; и др.

⁹⁰ Первый съезд кооперативов Пермского уезда Пермской Губернии с 14 по 17 июня 1914 г. Пермь, 1914; Первый уездный кооперативный съезд в г. Соликамске 26–28 мая 1915 г. Пермь, 1915; Труды второго Екатеринбургского уездного общекрестьянского съезда в г. Екатеринбурге 18–20 июня 1914 г. Екатеринбург, 1914; Труды второго кооперативного Камышловского съезда 15–17 июня 1914 г. Камышлов, 1914; Труды второго кооперативного съезда Шадринского уезда в июле 1912 г. Шадринск, 1912; Труды первого Екатеринбургского уездного общекрестьянского съезда в г. Екатеринбурге. 8–11 июля 1913 г. Екатеринбург, 1913; Труды первого кооперативного съезда при Кунгурской уездной земской управе, бывшего 20–21 июня 1913 г. Кунгур, 1913; Труды 1-го кооперативного съезда, созванного Чердынской уездной земской управой в г. Чердыни 14–16 февраля 1916 г. Журналы заседаний съезда и доклады. Пермь, 1916; Труды 1-го съезда представителей сельскохозяйственных обществ Пермской губернии, бывшего в г. Перми при губернской управе с 5-го по 9-е июня 1908 г. Пермь, 1908; Труды первого съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ Пермской губернии 10–17 июня 1900 г. в г. Перми. Пермь, 1900; и др.

⁹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904.

⁹² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6. Губернии приуральной группы и крайнего севера. СПб., 1885; Население сельских обществ и количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 г. о сельских обществах 46 губерний Европейской России // Временник ЦСК МВД, 1894. Вып. 33; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных 1908–1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910.

⁹³ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916; ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 19.

⁹⁴ Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 10. СПб., 1886; Статистика Российской империи. Сер. 12. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. 32. Пермская губерния. СПб., 1897; Статистика землевладения 1905 г. Вып. 40. Пермская губерния. СПб., 1906.

⁹⁵ Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Матер. Центрального статистического комитета по урожаям на надельных землях). М., 1928.

⁹⁶ Конская перепись 1882 г. СПб., 1884; Военно-конская перепись 1891 г. Статистика Российской империи. Т. 31. СПб., 1894; Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа (по данным военно-конских переписей 1900–1906 гг.). СПб., 1908; Военно-конская перепись 1912 г. Статистика Российской Империи. Т. 83. Пг., 1914.

⁹⁷ Статистические материалы по вопросу о потреблении мяса в Российской империи в 1913 г. Пг., 1915; Статистические материалы по мясопродовольственному делу в России. Данные о доставке мясного скота и мяса в города и другие крупные пункты потребления по железным дорогам, водным путям и гоним в 1913 г. Пг., 1916.

⁹⁸ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1910.

⁹⁹ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 1. Зима 1892/93 г. и весна 1893 г. Пермь, 1893; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 3. Урожай 1895 г. Пермь, 1895; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1897 г. Пермь, 1898; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1898 г. Пермь, 1899; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1899 г. Пермь, 1901; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1901 г. Пермь, 1902; и др.

¹⁰⁰ Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926; Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Екатеринбург, 1891; Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Пермь, 1890; Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. / Сост. Е.И. Красноперов. Вып. 1. Пермь, 1896; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912; Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 1. Казань, 1890; Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 2. Волости второго района. Казань, 1891; Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 3. Таблицы. Казань, 1893; Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 4. Примечания к таблицам. Казань, 1893; Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 5. Ч. 1 (Заводский район). Казань, 1894; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 2. Кунгурский уезд. Пермь, 1900; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 1. Оханский уезд. Пермь, 1898; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 3. Вып. 2. Чердынский уезд. Свод хозяйственно-экономических данных подворной переписи. Пермь, 1901; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 4. Вып. 2. Екатеринбургский уезд. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1902; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 5. Шад-

ринский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1904; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 6. Ирбитский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1904; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 8. Верхотурский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1906; Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915.

¹⁰¹ Памятная книжка Пермской губернии, 1880 г. Пермь, 1881; Адрес-календарь Пермской губернии, 1881 г. Пермь, 1881; Календарь Пермской губернии на 1883 г. Год 1-й. Пермь, 1883; Календарь Пермской губернии на 1884 год (Високосный). Год 2-й. Пермь, 1883; Календарь Пермской губернии на 1885 г. Год 3-й. Пермь, 1884; Календарь Пермской губернии на 1886 г. Год 4-й. Пермь, 1885; Календарь Пермской губернии на 1887 г. Пермь, 1886; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1888 г. Пермь, 1887; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1909 г. Пермь, 1908; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 г. Пермь, 1914; и др.

Глава 1

¹ См.: Обзор Пермской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету пермского губернатора. Пермь, 1894. С. 1; *Кривошецов И.Я.* Географический очерк Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 1–3.

² *Корнилов Г.Е.* Этническая структура населения Урала в первой половине XX века // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 129; *Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход)* / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2000. С. 29–30.

³ Ежегодник России 1904 г. (Год первый). СПб., 1905. С. I; Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., 1884. С. 50–51; Сборник сведений по России за 1883 год. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 8. СПб., 1886. С. 46–47; Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. Статистика Российской империи. Вып. 1. СПб., 1887. С. 6; также см.: Сборник сведений по России 1890 г. Статистика Российской империи. Вып. 10. СПб., 1890; Сборник сведений по России за 1896 г. Статистика Российской империи. Вып. 40. СПб., 1897.

⁴ См.: *Зайцев В.* К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 60–93; *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 20–24, 45; *Яцуцкий В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР, 1957. № 1. С. 192–224; *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; *Брук С.И., Кабузан В.М.* Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма // История СССР, 1980. № 3. С. 74–93; *Якименко Н.А.* Аграрные миграции в России (1861–1917 гг.) // Вопросы истории, 1983. № 3. С. 17–31; и др.

⁵ *Зайцев В.* Указ. соч. С. 60, 62.

⁶ *Сифман Р.И.* Указ. соч. С. 62–63.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Т. 31. СПб., 1904. С. VII.

⁸ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 4. Зима 1897–98 и весна 1898 гг. Пермь, 1898. С. 4.

⁹ Там же. Приложение 1.

¹⁰ *Плотникова Г.Н.* Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. С. 18.

¹¹ *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 214–215.

¹² См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Изд. 3-е. Т. 1. СПб., 2003. С. 219.

¹³ *Велецкий С.Н.* Земская статистика. Справочная книга по земской статистике в двух частях. Ч. I: История и методология; Ч. II: Программы исследований. М., 1899–1900; *Святловский В.* К истории политической экономии и статистики в России. СПб., 1906; *Каблуков Н.А.* Курс статистики. М., 1911; *Чаянов А.В.* Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 1–2. М., 1912–1913; *Кауфман А.А.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. Историко-критический очерк. М., 1922; *Волков Е.З.* Аграрно-экономическая статистика России. М., 1922; и др.

¹⁴ См.: *Свавицкий Н.А.* Земские подворные переписи (Обзор методологии). М., 1961. С. 6, 41; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (источники и методы исследования). М., 1988. С. 30.

¹⁵ *Баскин Гр.* Роль сплошной подворной переписи в земельной оценке // Сборник Пермского земства. № 1. 1900 год. Пермь, 1900. С. 112–113.

¹⁶ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914.

¹⁷ См.: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.А. Свавицкая. М., 1926; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912.

¹⁸ Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Пермь, 1889. С. 5; Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Екатеринбург, 1886.

¹⁹ Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 1. Казань, 1890. С. 29–30.

²⁰ ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–4.

²¹ См.: *Феофанов В.А.* Г.И. Баскин и значение некоторых его работ (по поводу тридцатипятилетия его научно-общественной деятельности) // Вестник статистики, 1925. Кн. 23. № 10–12. С. 245–269.

²² Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912; Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 года. Пермь, 1915.

²³ Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и Поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. Т. V, вып. 2. М., 1923. С. VII.

²⁴ См.: *Роднов М.И.* Новые материалы из архива Малой Башкирии // Археология Южного Урала. Уфа, 2002.

- ²⁵ Цит. по: *Свавицкий Н.А.* Указ. соч. С. 68.
- ²⁶ Там же. С. 68–69.
- ²⁷ Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 1. Казань, 1890. С. 32.
- ²⁸ *Шанин Т.* Крестьянский двор в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 31.
- ²⁹ *Зверев В.А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск, 1988. С. 47–48.
- ³⁰ Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда... С. 1.
- ³¹ *Мерхалев Д.Н.* Демографические показатели в крестьянской семье // Сборник статей по статистике Урала. Вып. 1. Свердловск, 1927. С. 182; см. также: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989.
- ³² Традиционная культура русского крестьянства Урала... С. 120–121.
- ³³ *Кузьмин А.* Региональные особенности детности рабочей семьи на Урале // Городская и сельская семья. М., 1987. С. 75–76.
- ³⁴ *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 85–87.
- ³⁵ *Марченко О.В.* Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX в. // Там же. С. 135–136.
- ³⁶ *Рашин А.Г.* Указ. соч. С. 195.
- ³⁷ *Корнилов Г.Е.* Младенческая смертность на Урале в первой половине XX в. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 179–180.
- ³⁸ *Голикова С.В.* Опыт изучения детской смертности врачами пореформенного Урала // Историческая демография. Вып. 1. Москва; Сыктывкар, 2007. С. 68–69.
- ³⁹ См.: *Голикова С.В.* Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины, следствия // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 101–103.
- ⁴⁰ Труды совещания при Пермской губернской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г. – 7 января 1893 г.). Пермь, 1893. С. 227.
- ⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Т. 31. СПб., 1904. С. X.
- ⁴² *Бобылев Д.М.* Какая школа нужна деревне (отзывы крестьян о школе). По материалам статистического исследования Пермского губернского земства. Пермь, 1908. С. 34–35.
- ⁴³ *Бобылев Д.М.* Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁴ См.: *Рашин А.Г.* Указ. соч. С. 303–307.
- ⁴⁵ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1914 г. Пермь, 1914. С. 61.
- ⁴⁶ Записка потомственного дворянина Клепинина о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пермская губерния. Вып. 30. СПб., 1903. С. 85.
- ⁴⁷ Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда... С. 10–11.
- ⁴⁸ Там же.

- ⁴⁹ Там же. С. 12.
- ⁵⁰ Массовые источники по истории России периода капитализма. М., 1979. С. 219–220.
- ⁵¹ Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 41.
- ⁵² РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 2532. Л. 33, 86.
- ⁵³ См.: *Проскурякова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX в. // История СССР, 1973. № 1. С. 55–75; *Черныш М.И.* Эволюция землевладения в Пермской губернии в период с 1861 по 1905 г. // Из истории края. Пермь, 1964. С. 124–125.
- ⁵⁴ Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Пермская губерния. Вып. 32. Статистика Российской империи. Сер. 22. СПб., 1897. С. 1–5.
- ⁵⁵ Рассчитано по: Распределение земли по угодьям в Европейской России за 1881 г. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 4. СПб., 1884. С. 62–63; Статистический справочник по аграрному вопросу. Землевладение и землепользование. Вып. 1. М., 1918. С. 11.
- ⁵⁶ *Удинцев В.* Очерки по истории землевладения в Пермской губернии // Екатеринбургская неделя, 1890. 6 мая. С. 349–350.
- ⁵⁷ См.: *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996; *Она же.* Политический курс и специфика аграрных преобразований на горнозаводском Урале в условиях российской модернизации (последняя треть XIX – первые десятилетия XX в.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI в. Екатеринбург, 2006; и др.
- ⁵⁸ См.: *Есиков С.А.* Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861–1905 гг.): Историко-правовое исследование. СПб., 2007. С. 64.
- ⁵⁹ № 43888. Ноября 24. Именной, данный сенату, опубликованный 1 декабря. О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях // ПСЗ-2. Отд. 2. Т. 41. СПб., 1866. С. 208.
- ⁶⁰ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М., 1980. С. 50–52.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 73. Д. 503. Л. 1 об.–5.
- ⁶² Там же. Оп. 76. Д. 244. Л. 1.
- ⁶³ *Грибель В.В.* Поземельная собственность в Пермской губернии // Календарь Пермской губернии на 1887 год. Год пятый. Пермь, 1886. Отд. 2. С. 78–79.
- ⁶⁴ *Егунов А.* Крестьянское хозяйство Пермской губернии // Сельское хозяйство и лесоводство, 1896. Т. 182. № 7. С. 572–574.
- ⁶⁵ Оханский уезд Пермской губернии, по данным подворной переписи 1913 года. Пермь, 1915. С. 14–20.
- ⁶⁶ Ежегодник России 1909 г. СПб., 1910. С. 424; Статистический ежегодник России 1911 г. Год восьмой. СПб., 1912. Отд. 12. С. 91, 93–94; Статистический ежегодник России 1915 г. Год двенадцатый. Пг., 1916. Отд. 12. С. 60, 62–63.
- ⁶⁷ См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднземледельческих губерний, сравнительно с другими мест-

ностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903; *Лебедев В.Д.* Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904) // *Отечественная история*, 2001. № 5. С. 58–69; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пермская губерния. Т. 30. СПб., 1903.

⁶⁸ *П.А. Столыпин*: Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 371–373.

⁶⁹ ГАПК. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3. Л. 17, 21, 25, 35, 39.

⁷⁰ Там же. Д. 17. Л. 157; Д. 3. Л. 71.

⁷¹ См.: *Першин П.Н.* Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920 гг.). М., 1922. С. 17–18.

⁷² ГАПК. Ф. 277. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

⁷³ Там же. Д. 17. Л. 64.

⁷⁴ Там же. Л. 72–72 об.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 86. Л. 1 об.

⁷⁶ ГАПК. Ф. 277. Оп. 1. Д. 17. Л. 72–72 об.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Д. 403. Л. 39.

⁷⁸ Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 года. Пермь, 1915. С. 49–50.

⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 33. Л. 134–135 об.

⁸⁰ Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий... С. 64.

⁸¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 8. Л. 146–146 об.

⁸² Там же. Л. 43, 88–88 об.; Обследование землеустроенных хозяйств, произведенное в 12 уездах Европейской России. Сводные поездные данные. Пг., 1915.

⁸³ *Першин П.Н.* Община и хутора Красноуфимского уезда Пермской губернии. Опыт исследования форм крестьянского землевладения и внутреннего строя мелкого участкового хозяйства. Пг., 1918. С. 75–76.

⁸⁴ Отчет об оказании агрономической помощи в районах землеустройства Пермской губернии в 1913 г. Пермь, 1914. С. 27–33.

Глава 2

¹ *Кривошеков И.Я.* Географический очерк Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 1–3.

² *Красноперов Е.И.* Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем Александром II. Историко-статистический очерк. Пермь, 1887. С. 184.

³ *Егунов А.* Крестьянские хозяйства Пермской губернии // *Сельское хозяйство и лесоводство*, 1896. Т. 182, № 7. С. 573–574.

⁴ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Лето и осень 1893 г. Вып. 2. Пермь, 1894. Приложение. С. 1.

⁵ *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 306–309.

⁶ *Егунов А.* Указ. соч. С. 574.

⁷ См.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма (источники и методы исследования). М., 1988. С. 17–40.

⁸ См.: Посевные площади, принимавшиеся центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям европейской России // *Временник ЦСК МВД*, 1901. № 48. СПб., 1901. С. 1–3; Массовые источники по социально-экономической истории периода капитализма. М., 1979. С. 246–247.

⁹ См., напр.: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы центрального статистического комитета по урожаям на наделных землях). М., 1928.

¹⁰ *Скалозубов Н.Л.* Свод сведений об организации текущей сельскохозяйственной статистики в земских губерниях Европейской России. Пермь, 1895. С. 120.

¹¹ *Стэльмах М.К., Корнилов Г.Е.* Значение земств в голодные годы конца XIX – начала XX века (на примере Пермской губернии) // *Земства России: история и современность*. Пенза, 2007. С. 122.

¹² Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 1. Зима 1892/93 г. и весна 1893 г. Пермь, 1893.

¹³ См., напр.: Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 1. 1903 г. Состояние озимых хлебов весной 1903 г. Пермь, 1903; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 2. 1903 г. Состояние хлебов и трав к 1 июля 1903 г. Пермь, 1903; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 3. 1903 г. Площадь посева яровых хлебов, условия произрастания хлебов и трав в течение июня месяца и состояние их к 1-му июля. Пермь, 1903; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 г. Пермь, 1904.

¹⁴ Периодика Урала. Дореволюционные издания. Библиографический указатель. Вып. 1. Свердловск, 1976. С. 32–33; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1907 г. Пермь, 1907; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1908 г. Пермь, 1909; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1909 г. Пермь, 1916.

¹⁵ См., напр.: Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 46-й оч. сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия. Пермь, 1916.

¹⁶ *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века (по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России). М., 1974. С. 15–81; *Он же.* Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) // *Исторические записки*. Т. 81. М., 1968. С. 216–258; *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. С. 66–68.

¹⁷ См.: *Корнилов Г.Е., Пересторонина Л.И., Каракулов Д.В.* Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XX в.) // *Уральский исторический вестник*, 2000. № 5/6. С. 381–412; Из «Обзора Пермской губернии за 1901 г.» о состоянии сельского хозяйства и народного продовольствия // *Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы*. В 2 т. / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Т. 1. Екатеринбург, 2000. С. 79–87.

¹⁸ См.: *Скалозубов И.* Волостные писаря Красноуфимского уезда // *Сборник Пермского земства*, 1894. № 4. Отд. 4. С. 1–28; *Бобылев Д.М.* Волостные писаря Пермской губернии. Пермь, 1905. С. 28–37; *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Указ. соч. С. 25–41.

¹⁹ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 1. Площадь озимых посевов и состояние их осенью 1897 и весной 1898 года. Пермь, 1898. Предисловие (б. п.).

²⁰ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 3. Виды на урожай озимых и яровых хлебов и трав по сведениям от 15–25 июля 1899 г. Пермь, 1899. С. 1.

²¹ В Московской губернии в начале XX в. также не проводили переписи крестьянских хозяйств (см.: *Ковалев Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004).

²² Величина расхождений в 200 тыс. дес. – это, к примеру, площадь посева в 1920 г. в Екатеринбургском (96 702 дес.) и Ирбитском (112 931 дес.) уездах (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. в границах губерний на 1 марта 1922 г. // Тр. ЦСУ РСФСР. Т. 2, Вып. 8. М., 1923. С. 24–25).

²³ *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Указ. соч. С. 56.

²⁴ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 2. Пермь, 1898. С. 1–3.

²⁵ См.: *Череванин Ф.А.* Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет. 1883–1923 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 1. М., 1927. С. 290.

²⁶ См.: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915... С. 128.

²⁷ *Советов А.* Лен // Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. 1890 г. Т. 34. М., 1991. С. 545–546.

²⁸ ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.

²⁹ Приложения к всеподданнейшему отчету губернатора. Обзор Пермской губернии, 1889–1890–1891. Б. м., б. г. С. 147.

³⁰ См.: Журналы Пермского губернского земского собрания 32-й чрезвычайной сессии и доклады управы и комиссии сему собранию. Пермь, 1902. С. 4–6.

³¹ *Корнилов Г.Е., Пересторонина Л.И., Каракулов Д.В.* Указ. соч. С. 381; *Каракулов Д.В.* Неурожай 1906 года и меры помощи пострадавшему сельскому населению Урала // Вторые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1999. С. 66–69.

³² См.: *Рыдзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 17.

³³ См.: Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1902. С. 122–150.

³⁴ *Роднов М.И.* Горнозаводской хлебный рынок Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск, 2009. С. 455.

³⁵ РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 121. Л. 3–3 об.

³⁶ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. С. 909–911.

³⁷ *Владимирский В.* О способах исчисления продовольственных и посевных нужд // Сборник Пермского земства, 1900. № 1. С. 83; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 г. Пермь, 1904. С. 111.

³⁸ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 г. Пермь, 1905. С. 115.

³⁹ *Черныш М.И.* Неурожаи 1890–1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (по материалам Пермской губернии) // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Исследования по истории Урала, 1970. № 227, вып. 1. С. 224–246.

⁴⁰ См.: Журналы Пермского губернского земского собрания 22 чрезвычайной сессии и доклады управы и комиссии сему собранию. Пермь, 1891. С. 92–104.

⁴¹ *Корнилов Г.Е.* Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Российская история, 2011. № 3. С. 93.

⁴² *Есиков С.А., Есикова М.М.* Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX в. (1880-е – 1917 г.). СПб., 2008. С. 115.

⁴³ Справочный указатель земских сельскохозяйственных учреждений (по сведениям на 1896 г.). Год 2-й. СПб., 1897. С. 94–95; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 423. Л. 16–20.

⁴⁴ Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914. С. 202.

⁴⁵ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 45-й очередной сессии... С. 5.

⁴⁶ Сельскохозяйственный промысел в России. С. 230–231.

⁴⁷ Сельскохозяйственные учреждения: фермы, опытные поля и станции, садовые заведения и пр. Справочная книжка. Ч. 1. Сельскохозяйственные фермы. СПб., 1896. С. 126–139.

⁴⁸ Приложения к всеподданнейшему отчету губернатора. Обзор Пермской губернии, 1889–1890–1891. С. 309.

⁴⁹ *Миненко Н.А.* Традиции и новации в уральском земледелии XIX – начала XX в. // Агрикультура Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2002. С. 59.

⁵⁰ См.: Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 года. Пермь, 1915. С. 31–38.

⁵¹ *Половинкин Н.С., Суринов В.М.* Пахари и соколады Урала и Зауралья. Конец XIX – начало XX в. Тюмень, 1995. С. 87–88.

⁵² Там же. С. 93.

⁵³ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913. С. VI–VII.

⁵⁴ Краткие справочные сведения о заводах, мастерских и складах земледельческих орудий. Составлено по сведениям за 1903 и 1904 гг. СПб., 1905. С. 78–79.

⁵⁵ Там же. С. 80–81.

⁵⁶ Адресная книга заводов, мастерских и складов сельскохозяйственных машин и орудий. Составлено по сведениям 1911–1912 гг. СПб., 1912. С. 272–278.

⁵⁷ Отчет об оказании агрономической помощи в районах землеустройства Пермской губернии в 1913 г. Пермь, 1914. С. 71.

⁵⁸ Адресная книга заводов... С. 272–278.

⁵⁹ Отчет об оказании агрономической помощи... С. 72.

⁶⁰ Вайнштейн А.Л. Из истории предреволюционной статистики животноводства (О численности поголовья скота к началу XX в. и изменениях ее в годы первой мировой войны) // Очерки по истории статистики СССР. М., 1960. С. 86–130; *Он же*. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 185–189.

⁶¹ Конская перепись 1882 г. СПб., 1884. Отд. 2. С. 81; Военно-конская перепись 1891 г. Статистика Российской империи. Т. 31. СПб., 1894. С. 6; Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа (по данным военно-конских переписей 1900–1906 гг.). СПб., 1908. С. 2; Военно-конская перепись 1912 г. Статистика Российской империи. Т. 83. Пг., 1914. С. 11.

⁶² Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Урожай 1896 г. Вып. 2. Пермь, 1897. С. 80–81.

⁶³ Кирсанов Д. Земская ферма в условиях сельскохозяйственной деятельности в Ирбитском уезде // Сборник Пермского земства, 1896. № 4. Отд. 3. С. 56.

⁶⁴ Конская перепись 1882 г. Отд. 2. С. 81.

⁶⁵ Там же. С. 82.

⁶⁶ Там же. С. 83.

⁶⁷ Коневодство в 60 губерниях... С. 50.

⁶⁸ Россия: полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Т. 5. Урал и Приуралье / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1914. С. 265.

⁶⁹ Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. 1. М., 1884. С. 1; Берзин И.А. Материалы по изучению скотоводства Прикамья // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Отдел: Сельское хозяйство, 1930. № 3, вып. 1. С. 121–178.

⁷⁰ Исследование современного состояния скотоводства в России. С. Г11.

⁷¹ Кирсанов Д. Указ. соч. С. 46; Россия: Полное географическое описание... С. 263.

⁷² Берзин И.А. Указ. соч. С. 126.

⁷³ Исследование современного состояния скотоводства в России. С. Г7–Г8.

⁷⁴ См.: Труды третьего кооперативного съезда в июле 1913 г. Шадринск, 1913. С. 233.

⁷⁵ Там же. С. 234.

⁷⁶ Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным 1911 г.). Вып. 13. Ч. 3. Пг., 1914. С. 1079.

⁷⁷ ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 222. Л. 12 об.

⁷⁸ Штоф – старинная русская мера объема, в исследуемый период равная 1,2299 литра.

⁷⁹ См.: Исследование современного состояния скотоводства в России. С. А42; Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых. 1872–1875 гг. / Предисл., подгот. текста и коммент. М.Б. Ларионовой. Екатеринбург, 2013. С. 45.

⁸⁰ Очерк возникновения и устройства Красноуфимской фермы. Пермь, 1895. С. 28.

⁸¹ Аганов М. О суксунском скоте Красноуфимского уезда Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1895. № 5–6. Отд. 3. С. 55–79.

⁸² Цит. по: Берзин И.А. Указ. соч. С. 159–160.

⁸³ Кремер Л.А. Тагильский скот. М., 1949. С. 5.

⁸⁴ Варгин В. Содержание молочного скота. Пермь, б. г. С. 3–4.

⁸⁵ См.: Бурдин М.Г. Тагилка // Материалы по изучению Тагильского округа. Вып. 1. Тагил, 1927. С. 45; Кремер Л.А. Указ. соч. С. 9.

⁸⁶ Исследование современного состояния скотоводства в России. С. А46.

⁸⁷ См.: Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник, 2008. № 3 (20). С. 83–95.

⁸⁸ Статистические материалы по вопросу о потреблении мяса в Российской империи в 1913 г. Пг., 1915. С. 1.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 9. Л. 109.

⁹¹ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 2. СПб., 1864. С. 77–78.

⁹² Колотилов П.П. Кое-что о состоянии пчеловодства в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости, 1898. 10 ноября. С. 2.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Россия: Полное географическое описание... С. 262.

⁹⁶ Еремин А.С. Зарождение пчеловодства в Ирбитском уезде Пермской губернии // Летопись уральских деревень: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995. С. 48–50.

⁹⁷ ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1548. Л. 29–30 об.

⁹⁸ Колотилов П.П. Указ. соч. С. 2–3; Устав Кунгурского общества пчеловодства // Сборник пермского земства, 1895. № 4. Отд. 2. С. 66–72.

⁹⁹ Обзор Пермской губернии за 1914 г. Пермь, 1915. С. 45.

Глава 3

¹ См.: Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства (выбор пути экономического развития России 1892–1914 гг.) // История СССР, 1991. № 3. С. 64–82.

² Труды совещания при Пермской губернской земской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г. – 7 января 1893 г.). С. 15–16.

³ См.: Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 86–97.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Сельскохозяйственные нужды Пермского края. Пермь, 1881. С. 160–168.

⁶ Хейсин М.Л. Очерки по истории кредитной кооперации в дооктябрьской России. Л., 1925. С. 20–22.

⁷ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 30-й очередной сессии. Пермь, 1900. С. 364–367; Валаев А. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1903. № 1. Отд. 3. С. 100.

⁸ Труды первого съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ Пермской губернии 10–17 июня 1900 г. в г. Перми. Пермь, 1900. С. 97.

⁹ Там же. С. 97–98.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 99.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Там же.

¹⁴ Красноперов Е. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии (по отчетам товариществ за 1883 г.) // Календарь Пермской губернии на 1885 г. Пермь, 1884. Отд. 2. С. 3–57.

¹⁵ Труды совещания при Пермской губернской управе... С. 33–34.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Валаев А. Указ. соч. С. 103.

²⁰ Труды первого съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ... С. 102–105.

²¹ П–в Д. Пятилетие Нязепетровского ссудо-сберегательного товарищества // Сборник Пермского земства, 1898. № 3–4. С. 107.

²² Там же. С. 108.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 109.

²⁵ Там же. С. 110–111.

²⁶ ГАПК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 55. Л. 139, 152–152 об.

²⁷ № 11756. Июня 1. Высочайше утвержденное Положение об учреждении мелкого кредита // ПСЗ. Собр. 3. Отд. 1. Т. 15. СПб., 1895. С. 354–358.

²⁸ Бобылев Д.М. Мелкий кредит в Пермской губернии. Пермь, 1909. С. 7.

²⁹ ГАПК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 37. Л. 3 об.

³⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 1 об.

³² ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 356. Л. 11–12.

³³ См.: Ежегодник и календарь Пермского губернского земства на 1914 г. Пермь, 1914. С. 150–155; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 42-й очередной сессии. Пермь, 1911. Отд. 3. С. 227–250.

³⁴ Панин И. Кредитная кооперация Зауралья (Пермского). Екатеринбург, 1917. С. 8–9.

³⁵ ГАПК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 78. Л. 194–194 об.; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 44-й очередной сессии. Пермь, 1913. Отд. 3. С. 316–324; Хлебозалоговые операции в Пермской губернии // Уральский кооператор, 1914. № 16–17. С. 14–15.

³⁶ См.: Мавричев В.В. Кредитные товарищества Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1910 году. Екатеринбург, 1911. С. 3–8.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ ГАПК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.

³⁹ Там же. Л. 66–66 об.

⁴⁰ Кочергин И.Н. Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, как он возник и в чем выразилась его деятельность за первые четыре года. Екатеринбург, 1911. С. 3.

⁴¹ Там же. С. 3–4.

⁴² Там же. С. 4–6.

⁴³ Алексеева В.К., Малахова Г.М. Кооперация в азиатской России (первое столетие). Чита, 2004. С. 128.

⁴⁴ Кооперативная статистика Зауралья. Вып. 1–4. Екатеринбург, 1918. С. 1–2.

⁴⁵ См.: Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994. С. 17–18.

⁴⁶ Сельскохозяйственные товарищества в России в 1908 году. СПб., 1910. С. 1–5.

⁴⁷ См.: Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ. СПб., 1898.

⁴⁸ Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 2. Устав сельского хозяйства. СПб., 1903. С. 17.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Агрономическая помощь в России / Под ред. В.В. Мораческого. Пг., 1914. С. 191.

⁵¹ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 17.

⁵² Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах. Год 1-й. Адрес-календарные сведения к весне 1911 года. Ч. 1. СПб., 1911. С. XXXIX.

⁵³ Агрономическая помощь... С. 188, 190.

⁵⁴ Там же. С. 198.

⁵⁵ Маслов С.Л. Земство и его экономическая деятельность за 50 лет существования 1864–1914 гг. М., 1914. С. 9; Агрономическая помощь... С. 164, 169.

⁵⁶ Б-ский П. Местные сельскохозяйственные общества // Сборник Пермского земства, 1903. № 5. Отд. 3. С. 106.

⁵⁷ Там же. С. 77.

⁵⁸ Агрономическая помощь... С. 199.

⁵⁹ Золотов М. Сосново-Березовское общество Кунгурского уезда // Сборник Пермского земства, 1904. № 1. С. 105–117.

⁶⁰ РГИА. Ф. 398. Оп. 72. Д. 27971. Л. 280–289 об.

⁶¹ Там же. Ф. 426. Оп. 2. Д. 573. Л. 9 об.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 10.

⁶⁵ ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 356. Л. 13–14 об.

⁶⁶ Там же. Л. 15 об.

⁶⁷ Село Ильинское Пермского уезда (Из жизни сельскохозяйственного общества) // Пермская земская неделя, 1909. 30 июля (№ 31). С. 31–32.

⁶⁸ Очерк десятилетней деятельности Кунгурского общества пчеловодства // Журнал Кунгурского общества пчеловодства, 1905. № 5–6. С. 65–66.

⁶⁹ Там же. С. 67–104.

⁷⁰ Отчет совета Кунгурского общества пчеловодства за время с 1 ноября 1901 по 1 ноября 1902 г. // Журнал Кунгурского общества пчеловодства, 1903. № 10–12. С. 187–188.

⁷¹ Там же.

⁷² Первый съезд кооперативов Пермского уезда Пермской губернии с 14 по 17 июня 1914 г. Пермь, 1914. С. 73–74.

⁷³ Доклад комиссии о земледельческих артелях Н.В. Левитского // Тр. императорского Вольного экономического об-ва, 1896. № 2. СПб., 1896. Т. 1. С. 162–167.

⁷⁴ *Файн Л.Е.* Указ. соч. С. 19.

⁷⁵ Н.Г. Федоров (Некролог) // Уральская жизнь, 1910. 23 декабря (№ 281). С. 3.

⁷⁶ Труды совещания при Пермской губернской управе... С. 626–683.

⁷⁷ Там же. С. 628.

⁷⁸ Доклады Пермской губернской управы Пермскому губернскому земскому собранию 24-й очередной сессии. Пермь, 1894. С. 417.

⁷⁹ Там же. С. 417, 427, 430.

⁸⁰ Эпилог сельскохозяйственных артелей зауральских уездов Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1904. № 5–6. Отд. 3. С. 33.

⁸¹ См.: *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. М., 1995. С. 498–506.

⁸² Там же. С. 499–504.

⁸³ Там же. С. 505.

⁸⁴ Доклады Пермской губернской управы Пермскому губернскому земскому собранию 24-й очередной сессии... С. 422.

⁸⁵ Там же. С. 423.

⁸⁶ Там же. С. 419.

⁸⁷ Эпилог сельскохозяйственных артелей... С. 32–34.

⁸⁸ *Красноперов Д.А.* К биографии писателя-краеведа Николая Петровича Белдыцкого // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 37–39.

⁸⁹ Эпилог сельскохозяйственных артелей... С. 36.

⁹⁰ Там же. С. 39.

⁹¹ Там же. С. 41.

⁹² Труды третьего кооперативного съезда в июле 1913 г. Шадринск, 1913. С. 233–234; Труды IV Шадринского кооперативного съезда 20–23 июня 1914 г. Шадринск, 1914. С. 70–71.

⁹³ Урал северный, средний, южный. Справочная книга. Пг., 1917. С. 224.

⁹⁴ *Груздев С.А.* Отчет Красноуфимскому уездному земскому собранию 44-й очередной сессии 1913 г. Уфа, 1913. С. 16.

⁹⁵ ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 210. Л. 185–187.

⁹⁶ Там же. Л. 193 об.–195.

⁹⁷ *Озеров И.Х.* Общества потребителей в Пермской губернии по местному исследованию 1895 г. СПб., 1896. С. 1.

⁹⁸ Материалы по кооперации в Пермской губернии. Анкетное обследование 1913 г. Екатеринбург, 1913. С. 5.

⁹⁹ *Хейсин М.* Статистика потребительной кооперации в Пермской губернии // Уральский кооператор, 1911. 20 апреля (№ 6). С. 4–5.

¹⁰⁰ *Шевелев В.А.* Земство и кооперация // Известия потребителей, 1915. № 4. С. 104.

¹⁰¹ См.: Кыновское общество потребителей Пермской губернии // Известия потребителей, 1915. 15 января. С. 109–110; О праздновании 50-летнего юбилея Кыновского общества потребителей, Кунгурского уезда Пермской губернии 22-го ноября 1915 г. // Известия потребителей, 1916. 15 января. С. 10–18; *Алексеева В.К., Малахова Г.М.* Указ. соч. С. 79–80.

¹⁰² *Красноперов Е.* К вопросу об организации в среде крестьян и заводских мастеровых Пермской губернии кредита, продовольствия и общественного призрения // Сборник Пермского земства, 1894. № 1. С. 84–89.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 91–92.

¹⁰⁵ *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 48.

¹⁰⁶ Там же. С. 49.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Галкинское общество потребителей // Екатеринбургская неделя, 1886. 6 июля. С. 417–418.

¹⁰⁹ *Денисов В.* Настоящее положение Галкинского общества потребителей // Екатеринбургская неделя, 1887. 20 сентября. С. 863–864.

¹¹⁰ Материалы по кооперации в Пермской губернии... С. 3, 30, 33.

¹¹¹ Там же. С. 37–38.

¹¹² Там же. С. 38–39.

¹¹³ Там же. С. 42.

¹¹⁴ Там же. С. 43.

¹¹⁵ Уральский союз потребительских обществ с центром в г. Екатеринбурге создан только в 1915 г., до этого момента совместная деятельность потребительских кооперативов Зауралья была основана на нотариальном договоре. См.: *Габриель Н.Л.* Из истории объединительного движения в потребительской кооперации Пермской губернии в начале XX века // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История, 2008. Вып. 25, № 18 (119). С. 46–56.

¹¹⁶ *Преображенский Н.* О союзе потребительных обществ Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1901. № 1. Отд. 3. С. 19–20.

¹¹⁷ См.: Материалы по съезду представителей потребительных обществ Уральского района, бывшего в г. Перми 18–24 июня 1901 г. Пермь, 1901.

¹¹⁸ ГАПК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2; Пятилетие деятельности союза // Известия потребителей, 1916. № 22–24. С. 422.

¹¹⁹ О Пермском союзе потребительных обществ // Пермская земская неделя, 1915. 17 мая (№ 19). С. 23–24.

¹²⁰ Пермский союз потребительных обществ. Отчет за 1914 операционный год. Пермь, 1915. С. 1.

¹²¹ Там же. С. 5.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Численность и состав крестьянских дворов

Уезд	1877 г.				1893 г.			
	Количество дворов	Население			Количество дворов	Население		
		Мужчины	Женщины	Оба пола		Мужчины	Женщины	Оба пола
Верхотурский	30 303	85 392	94 738	180 130	36 644	106 770	115 438	222 208
Екатеринбургский	49 985	134 794	144 577	279 371	53 511	155 773	165 385	321 158
Ирбитский	21 288	56 995	61 852	118 847	24 105	65 707	67 576	133 283
Камышловский	36 010	104 286	112 097	216 383	42 639	113 700	119 139	232 839
Красноуфимский	31 644	91 287	97 328	188 615	34 515	110 484	116 665	227 149
Кунгурский	18 329	48 232	52 767	100 999	21 437	54 294	56 983	111 277
Осинский	37 895	99 794	104 745	204 539	44 044	134 855	138 703	273 558
Оханский	40 589	101 341	113 678	215 019	42 427	121 386	131 385	252 771
Пермский	29 310	73 065	80 909	153 974	33 431	88 823	95 877	184 700
Соликамский	29 535	79 341	89 357	168 698	33 044	96 813	104 906	201 719
Чердынский	11 507	34 753	36 152	70 905	13 863	41 957	42 497	84 454
Шадринский	45 177	129 626	138 990	268 616	50 334	148 636	154 010	302 646
Всего	381 572	1 038 906	1 127 190	2 166 096	429 994	1 239 198	1 308 564	2 547 762

Составлено по: Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 4. Губернии количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 г. о сельских обществах 46 Вып. 33. СПб., 1894. С. 22–23; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 14; ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–28 (Итоги сельскохозяйственной

Пермской губернии в 1877–1916 гг.

1908–1909 г.				1916 г.			
Количество дворов	Население			Количество дворов	Население		
	Мужчины	Женщины	Оба пола		Мужчины	Женщины	Оба пола
51 987	130 515	134 012	264 527	66 147	146 665	171 639	318 304
99 345	206 307	210 710	417 017	86 058	201 650	237 378	439 028
29 587	77 960	79 416	157 376	31 702	64 481	84 544	149 025
53 904	130 734	139 614	270 348	59 544	122 731	154 704	277 435
50 920	139 947	143 800	283 747	56 579	139 593	167 346	306 939
25 578	64 423	68 249	132 672	27 201	56 858	72 524	129 382
62 285	172 185	175 133	347 318	68 442	153 323	195 291	348 614
54 480	135 924	144 969	280 893	60 805	124 122	164 399	288 521
42 505	110 739	117 897	228 636	67 387	135 321	160 039	295 360
45 045	123 764	131 596	255 360	50 132	107 675	137 929	245 604
20 877	58 171	59 073	117 244	21 840	51 222	65 687	116 909
62 566	175 953	177 997	353 950	70 208	156 104	195 863	351 967
599 079	1 526 722	1 582 456	3 109 178	666 045	1 459 745	1 807 343	3 267 088

приуральной группы и крайнего севера. СПб., 1885. С. 140–169; Население сельских обществ и губерний европейской России. Временник Центрального статистического комитета МВД. 1894. губернии», изданных 1908–1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской переписи 1916 г. по Пермской губернии).

Таблица 2
Среднее количество наделенной земли на двор в Пермской губернии в 1877–1905 гг.

Уезд	1877–1878 гг.				1905 г.			
	Число дворов*	Количество земли, дес.	В среднем на двор, дес.	Доля от общей площади, %	Число дворов	Количество земли, дес.	В среднем на двор, дес.	Доля от общей площади, %
Верхотурский	30 300	250 279	8,3	4,1	44 455	564 730	12,7	9,6
Екатеринбургский	48 141	266 881	5,5	9,6	66 790	598 022	8,9	26,8
Ирбитский	21 288	406 601	9,1	45,6	28 228	648 631	23,0	73,2
Камышловский	36 010	597 925	16,6	39,4	50 666	874 570	17,2	66,3
Красноуфимский	32 576	594 908	18,3	25,1	46 698	909 091	19,8	38,8
Кунгурский	18 329	282 423	15,4	23,2	23 623	438 450	17,9	41,5
Осинский	37 859	508 170	13,4	32,4	56 247	989 929	16,6	64,8
Оханский	40 589	531 785	13,1	39,6	51 132	669 325	12,7	55,1
Пермский	29 310	315 745	10,8	17,3	37 902	433 514	11,1	18,9
Соликамский	29 535	379 127	12,8	15,8	39 182	530 239	13,5	18,8
Чердынский	11 507	220 399	19,2	3,8	18 881	516 147	27,3	9,1
Шадринский	45 177	1 028 209	22,8	70,8	56 662	1 164 887	20,6	80,3
По губернии	380 621	5 382 452	14,1	18,4	520 466	8 337 535	16,1	29,1

Составлено по: Статистика землевладения 1905 г. Пермская губерния. Вып. 40. СПб., 1906. С. 48–49.
*По данным: Волости и важнейшие селения Европейской России. Губернии приуральской группы и крайнего севера. Вып. 4. СПб., 1885. С. 140–169. Количество дворов в 1877–1878 гг. в Верхотурском уезде составило 30 303, Екатеринбургском – 49 985, Красноуфимском – 32 576, итого по губернии – 381 572.

Таблица 3
Соотношение размеров землевладения и семейного состава единоличных хозяйств Красноуфимского уезда в 1908–1913 гг.

Размер землевладения, дес.	До землеустройства (1908–1911 гг.)				При обследовании (1913 г.)			
	Хозяйства	Работников-мужчин		Едоков на работника	Хозяйства	Работников-мужчин		Едоков на работника
		%	на хозяйство			%	на хозяйство	
До 5	16	29,6	1,1	3,4	17	28,3	1,2	3,5
5–10	103	25,1	1,2	4,0	110	24,7	1,3	4,0
10–15	116	24,4	1,3	4,1	1 121	23,5	1,3	4,2
15–25	421	29,2	1,7	3,4	443	27,8	1,8	3,6
Свыше 25	398	26,7	1,9	3,7	426	26,5	1,9	3,8
Итого (в среднем)	1 054	(27,3)	(1,6)	(3,7)	1 117	(26,5)	(1,7)	(3,8)

Составлено по: *Першин П.Н.* Община и хутора Красноуфимского уезда Пермской губернии. Опыт исследования форм крестьянского землевладения и внутреннего строя мелкого участкового хозяйства. Пг., 1915. С. 81.

Таблица 4

Численность скота и его количество на душу населения на Урале в 1882–1914 гг.

Год	Губерния	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свиньи	На 100 сельских жителей		
						лошадей	крупного рогатого скота	мелкого рогатого скота
1882	Вятская	836 779	1 244 082	1 850 252	41 966	31	47	70
	Оренбургская	781 783	543 853	1 071 388	45 191	72	50	99
	Пермская	1 099 080	929 283	1 213 830	270 655	45	38	50
	Уфимская	747 039	437 606	1 252 648	125 573	44	26	74
1914	Вятская	743 524	1 141 059	1 624 951	298 323	19	30	42
	Оренбургская	839 169	950 190	1 235 564	76 896	44	50	65
	Пермская	1 019 930	1 332 316	1 293 121	236 796	27	35	34
	Уфимская	854 459	878 415	1 672 709	162 405	29	30	57

Составлено по: Сборник сведений по Европейской России за 1882 г. СПб., 1884. С. 138–141; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. 7. С. 45–46.

Таблица 5

Производство и потребление мяса в Пермской губернии в 1913 г.

Центр потребления	Численность населения, тыс. чел.	Местный убой		Ввоз		Всего		Оценка потребления в год, пуд. на душу
		пуд.	%	пуд.	%	пуд.	%	
Пермь	61,6	161,6	27,6	424,3	72,4	585,8	100,0	9,6
Екатеринбург	70,0	119,6	30,0	279,7	70,0	399,2	100,0	5,7
Прочие	3 781,1	1 082,9	78,1	304,4	21,9	1 387,3	100,0	0,4
Итого в губернии	3 912,7	1 364,1	60,7	884,8	39,3	2 248,9	100,0	0,6

Составлено по: Статистические материалы по вопросу о потреблении мяса в Российской империи в 1913 г. Пг., 1915. С. 12–13.

Таблица 6

Производство меда и воска на Урале в крестьянских хозяйствах в 1910 г.

Губерния	Число пчасек	Число ульев			Продано всего, пуд.			Продано в среднем с улья, фунт		Продано меда и воска, коп.	Число ульев на 1000 душ
		Колодных	Рамочных	Всего	Мед	Воск	Воск	Мед	Воск		
Пермская	7 199	93 299	17 309	110 608	31 324,5	36 93,7	11,3	1,3	1,3	13,0	33
Уфимская	13 812	283 336	20 168	303 504	107 647,6	11 979,0	14,2	1,6	1,6	39,6	117
Оренбургская	1 723	22 802	2 698	25 500	7 093,8	1 931,4	11,1	3,0	3,0	6,5	15

Составлено по: Ежегодник России на 1910 г. СПб., 1911. С. СХVII, СХХIII.

Таблица 7

Сроки кредитования в ссудо-сберегательных товариществах Пермской губернии, %

Срок ссуды	1898 г.				1899 г.			
	Сельские	Заводские	Городские	В среднем	Сельские	Заводские	Городские	В среднем
3 мес.	9,0	11,2	16,1	10,1	10,1	9,6	23,5	10,5
6	13,9	20,9	30,1	16,9	18,9	21,3	14,0	14,0
9	29,1	21,4	47,1	28,2	30,0	48,7	32,9	32,9
12	18,7	36,5	–	26,2	35,5	–	24,9	24,9
Просроченные	29,3	10,0	6,7	18,6	5,6	6,5	17,7	17,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: Валаев А. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии // Сборник Пермского земства, 1903. № 1. Отд. 3. С. 156.

Таблица 8
Размеры оборотных капиталов учреждений мелкого кредита Пермской губернии в 1904–1913 гг.

Год	Сословные			Кооперативные					
	Число учреждений	Оборотные капиталы, тыс. руб.	Средний оборотный капитал на учреждение, тыс. руб.	Ссудо-сберегательные товарищества			Кредитные товарищества		
				Число учреждений	Оборотные капиталы, тыс. руб.	Средний оборотный капитал на учреждение, тыс. руб.	Число учреждений	Оборотные капиталы, тыс. руб.	Средний оборотный капитал на учреждение, тыс. руб.
1904	280	1510,6	5,4	61	961,1	15,8	15	163,2	10,9
1905	160	782,2	4,9	59	932,0	15,8	25	270,2	10,8
1906	154	776,6	5,0	63	1015,4	16,1	29	444,7	15,3
1907	269	1307,9	4,9	62	994,5	16,0	36	642,8	17,9
1908	293	1473,2	5,0	61	943,5	15,5	54	1149,3	21,3
1909	270	1351,7	5,0	46	825,6	17,9	101	1902,9	18,8
1910	294	1546,8	5,3	44	841,4	19,1	140	2519,8	18,0
1911	315	1649,8	5,2	39	779,3	20,0	190	3635,9	19,1
1912	319	1973,6	6,2	36	799,1	22,2	238	4773,9	20,1
1913	319	1973,6	6,2	36	891,5	24,8	308	6897,7	22,4

Составлено по: Ежегодник России 1907 (Год четвертый). СПб., 1907. С. 328–330; Ежегодник России 1908 (Год пятый). СПб., 1909. С. 439, 442, 452, 454; Ежегодник России 1909 (Год шестой). СПб., 1910. С. 427, 430; Ежегодник России 1910 (Год седьмой). СПб., 1911. С. 244–245; Статистический ежегодник России 1911 (Год восьмой). СПб., 1912. Отд. 12. С. 25, 29–30; Статистический ежегодник России 1912 (Год девятый). СПб., 1913. Отд. 12. С. 90, 94–95; Статистический ежегодник России 1913 (Год десятый). СПб., 1914. Отд. 12. С. 98–99; Статистический ежегодник России 1914 (Год одиннадцатый). СПб., 1915. Отд. 12. С. 98–99; Статистический ежегодник России 1915 (Год двенадцатый). СПб., 1916. Отд. 12. С. 98–99.

Таблица 9
Динамика образования кредитных товариществ в Верхотурском, Екатеринбургском, Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском, Шадринском уездах Пермской губернии 1899–1914 гг.

Год	Верхотур-ский	Екатерин-бургский	Ирбитский	Камыш-ловский	Красно-уфимский	Шадринский	Всего	Итого на 1 января
1899	1	2	—	—	—	—	3	3
1900	—	1	—	—	1	—	2	5
1901	—	1	—	—	—	—	1	6
1902	—	2	—	—	1	—	3	9
1903	1	3	—	—	—	—	4	13
1904	—	3	—	2	—	—	5	18
1905	—	1	—	2	—	—	3	21
1906	—	2	—	2	—	1	5	26
1907	1	2	—	6	2	—	11	37
1908	1	8	1	3	6	1	20	57
1909	—	6	1	6	1	5	19	76
1910	3	7	2	4	5	3	24	100
1911	—	4	2	7	—	14	27	127
1912	1	1	15	1	10	15	43	170
1913	13	2	3	2	6	3	29	199
1914	10	1	—	—	2	1	14	213
Итого	31	46	24	35	34	43	213	—

Составлено по: Панин И. Кредитная кооперация Зауралья (Пермского). Екатеринбург, 1917. С. 5–6.

Таблица 10

**Динамика возникновения потребительских обществ
в Пермской губернии 1866–1910 гг.**

Год создания	Утверждены уставы обществ					
	Заводских	Железно- дорожных	Сельских	Городских	Чиновников	Всего
1866	1	—	—	—	—	1
1870	1	—	—	—	—	1
1872	1	—	—	—	—	1
1873	2	—	—	1	—	3
1874	—	—	—	—	—	—
1875	1	—	—	2	—	3
1876	2	—	—	1	—	3
1877	—	—	—	—	—	—
1878	1	—	—	—	—	1
1879	1	—	—	—	—	1
1880	1	—	—	—	—	1
1881	1	—	—	—	—	1
1882	2	—	1	—	—	3
1883	1	—	—	—	—	1
1884	4	—	1	—	—	5
1885	5	—	1	—	—	6
1886	1	—	1	1	—	3
1887	3	—	—	—	—	3
1888	3	—	—	—	—	3
1889	3	—	1	1	—	5
1890	3	—	—	—	—	3
1891	3	—	1	—	—	4
1892	6	—	2	—	—	8
1893	1	—	—	—	—	1
1894	3	—	—	—	—	3
1895	4	1	1	—	—	6
1896	2	—	—	—	—	2
1897	2	—	1	—	—	3
1898	3	—	3	—	2	8
1899	3	—	2	—	—	5
1900	3	—	2	—	—	5
1901	2	—	5	1	—	8
1902	4	—	5	1	—	10
1903	—	—	7	—	—	7
1904	2	—	6	—	—	8
1905	1	—	2	—	—	3
1906	3	—	9	1	—	13
1907	3	—	31	1	—	35
1908	3	—	31	1	—	35
1909	1	—	53	—	—	54
Неизвестен	2	—	3	—	—	5
Итого (на 1 января 1910 г.)	88	1	169	11	2	271

Составлено по: Хейсин М. Статистика потребительной кооперации в Пермской губернии // Уральский кооператор, 1911. № 6. С. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Демографическая характеристика и поземельное устройство крестьянского хозяйства	22
1.1. Численность и состав крестьянства, структура крестьянского двора	22
1.2. Эволюция землевладения и землепользования крестьянского двора	47
Глава 2. Крестьянское земледелие и животноводство	69
2.1. Динамика и структура земледельческого производства .	69
2.2. Состояние животноводческой отрасли	97
Глава 3. Сельская кооперация	117
3.1. Участие крестьянства в кредитной кооперации	117
3.2. Сельскохозяйственная и потребительская кооперация ..	141
Заключение	168
Примечания	176
Приложения	204

Научное издание

Степан Александрович Пьянков

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Рекомендовано к изданию
ученым советом Института истории и археологии
и президиумом УрО РАН

Редактор **М.О. Тюлюкова**
Технический редактор **Е.М. Бородулина**
Корректор **Н.В. Каткова**
Компьютерная верстка **Г.П. Чащиной**
Дизайн обложки **Т.О. Турыгиной**

ISBN 978-5-7691-2397-9



НИСО УрО РАН № 5(14)–16. Подписано в печать 09.04.14.
Формат 60х90 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 18. Тираж 300 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в РИО УрО РАН.
620990, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано в типографии